

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Январь № 3(9)
1991 г. 1 руб.

СВЯТАЯ РУСЬ, КАМО ГРАДЕШИ?

ИОНЫЧ УМЕР. РОДИЛСЯ ХУДОЖНИК

Валерия Ланского я впервые увидела в 1988 году на Измайловском острове. Он пришел туда зимой. В кучерском тулупе, в черных унтах и шапке повышенной кудлатости и лохматости. Медленно, деловито расставил в снегу свои полотна, обвел их придирчивым взглядом. «Вот. Принес. Лубок. Россия, ее быт. XIX век». Сказал так, будто накануне договаривался с нами прийти и вот выполнил обещанное. И тут же стал своим, сразу, снайперски вписался в «пейзаж».

Полотна его были яркие, написаны открытой краской, праздничны. Лица людей — живые, характерные.

...Балаганый медведь с обручем. Рядом — огненно-рыжий мальчишка. Нос в конопушках. Раззявил рот, забыв лизнуть сладкого рубинового петуха на палочке. Мать смотрит на свое чадо: «Чем бы дитя ни тешилось...»

...Купчиха. Засиделась за самоваром с бубликами. Раскраснелась, аж взопрела вся. Грудь — подушкой. Глаза — зазывалочки. Прикусит полную губу, встанет, раскролит шаль и кокетливым плечом пойдет вперед: «Барыня, барыня, сударыня-барыня...»

Чувствовалось: этот художник любит жизнь не как гурман, а как обжора — ненасытно, смачно, аппетитно. И хочет видеть людей естественных и «вкусных» во всех их проявлениях.

А оказалось, Валерий Ланский — врач-психоневролог. Точнее, был им. Лечил людей в «пограничных» состояниях. Посвятил этому 20 лет. Написал диссертацию. Кандидатскую. Защитил. Написал докторскую.

И... стоп-машина. Тормознул. Да так лихо, что вылетел на полосу встречного движения.

Народный депутат СССР и РСФСР Михаил Александрович Бочаров родился в 1941 году в г. Александрове Сахалинской области.

По образованию — юрист, по призванию — экономист, президент Народного концерна «Бутэк» М. А. Бочаров возглавляет Высший экономический Совет РСФСР.

Михаил БОЧАРОВ:

НАЧАТЬ СНАЧАЛА...

У же трудно установить, когда в пылу перестроечных действий мы потеряли основную нить, основной критерий наших решений и наших поступков. В обществе царит абсолютная неясность о том, куда идем, как идем, что будем делать сегодня, чего ждем от завтра. Эта неясность в представлениях и суждениях присуща всем — от высших органов власти до поселкового Совета.

В свое время правительством России было объявлено, что с 1 ноября программа «500 дней» начинается осуществляться. И российским премьером, который объявил об этом, программа отменена не была. И коли ее перестали на деле при-

держиваться, надо было бы, хотя бы из этических соображений, объявить об этом. В итоге мы не знаем, каким же путем пойдет экономика, какова будет структура управления в новом году, как все-таки разграничатся функции Центра и республик, какие конкретные меры позволят сравнивать ожидаемые и получаемые результаты.

Из-за различных представлений о близком будущем начинаются самодельные, зачастую странные, экономические эксперименты. Например, на Камчатке имеет хождение несколько валют. Не только рублями, но и долларами и иенами здесь оперируют предприятия, частные лица, органы местного са-

моуправления. Хорошо это или плохо? Утрачен критерий даже для такой поверхностной оценки. Нет ответов на такие же вопросы о деятельности совместных предприятий, которые не облагаются в течение двух лет налогами, о деятельности инофирм и скупке ими за рубли незавершенных объектов и убыточных предприятий.

Грех сетовать на недостаток слов: за последние годы их написано столько, сколько не произвели все апологеты Советской власти за долгие десятилетия. Множество идей, рецептов, законов, указов. Но прилавки пусты, люди озлоблены, льется кровь, страна на грани... Что же все-таки делать?

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с
точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по
телефону: 928-83-40

Номер набран в типографии издательства
«Известия».

Отпечатано на ордена Трудового
Красного Знамени Чеховском
полиграфическом комбинате
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области Зак. 65

Номер подписан в печать 4.01.1991.
Тираж 300 000. Цена 1 р.
© «Столица», 1991

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Начать сначала...
(М. Бочаров)

5 **АРХИВ МОССОВЕТА**

ВЕСЫ

6 «Судебные органы» или судебная власть?
(Б. Золотухин)

ПОРТРЕТ

9 Гданьский сфинкс
(П. Вежицкий)

ГОРОД

13 Сплошные неудобства
(Е. Мягков)

14 Давали сосиски...
(Г. Новикова)

15 Давали обувь — достался шампунь...
(С. Баженов)

35 Во что одеть мужа?
(Е. Болдырева)

СОВЕСТЬ

16 Святая Русь, камо грядеши?
(А. Власов, С. В. Энгельгардт, М. Ардов)

ПОДОПЛЕКА

27 «Компартию Украины я считаю самой де-
структивной силой в республике»
(А. Ярошинская)

ДРАМЫ ПЕРЕВЕРнуТОГО МИРА

31 Национальность для сына
(В. Ведесова)

38 Москва из-под стола
(Н. Малинин)

МИФЫ

40 Чудесная ссылка
(Н. Валентинов)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

45 Бачок и система
(В. Война)

ЖИЗНЬ

48 Подвальные страсти
(Е. Салина)

ЗОНА

51 «Там нет справедливости...»
(В. Рудаков)

ЗЕРКАЛО

52 Зыбь на воде, или Что мы знаем и чего не
знаем об отечественной психиатрии

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

56 Выбор
(А. Минкин)

ПАРАДОКСЫ ГЛАСНОСТИ

60 А с другой стороны...
(Ю. Богомолов)

АРТ-САЛОН

64 Ионыч умер. Родился художник
(Л. Наумова)

9 «Валенс вознесен на большую высоту.
Но высится он на вершине, вырастаю-
щей из горы дезинформации, анекдотов
и мифов».

27 Алла Ярошинская:
«Почему возникло ... политическое проти-
воборство? Главным образом, из-за стро-
мленная парткратии во что бы то ни ста-
ло сохранить господствующую позицию».

51 «Как можно нести пожизненное заключе-
ние за рюмки спиртного и бутерброды?..»

Остановиться, осмотреться, отдышаться. В качестве передышки — только небольшой — использовать рождественские и иные подарки. И принимать решения — жесткие, жизненно необходимые. И сразу оговаривать, как эти решения воплотить в жизнь — как и кому.

Первое, без чего практически нельзя двигаться вперед, — Союзный договор. Трудности здесь, если смотреть правде в глаза, концептуальные — для чего он нужен, на каких принципах должен быть основан. По этим основополагающим его моментам единой точки зрения нет.

Мое же представление о нем достаточно просто. Скажем, разработчиком принципиальной схемы должна стать Российская Федерация. И дело не в том, что именно Россия, — это могла бы быть и Украина, могли бы быть две-три крупные республики, у которых точки зрения на Союзный договор весьма близки, — важно, чтобы он начался с согласия, с конструктивной точки зрения. Иначе говоря, чтобы появился проект договора, часть субъектов которого уже была бы с ним согласна. Механизм его принятия состоялся бы в том, чтобы остальные субъекты находили согласие с уже выстроенным представлением. Недопустимо одно: проект не должен готовиться Центром, у которого принципиально иной взгляд, принципиально иной подход к Союзному договору.

Впрочем, Россия имеет здесь все же некоторое преимущественное право. Не только потому, что она наиболее крупная из республик, что без нее союз потерял бы всякий смысл, но и потому, что эта республика владеет наибольшим количеством ресурсов, потому что в любом случае она выступает неким гарантом акций на союзном уровне.

В этом проекте должны быть, прежде всего, определены функции Центра, его управляющие органы, обязанности перед республиками. И формировать центральные органы, по сути, должны республики, а не наоборот, как до недавнего времени это было у нас. Не секретариат ООН решает, какому правительству быть в той или иной стране. А именно страны — члены ООН — выбирают чиновников, которым делегируют функции по поддержанию мирового порядка. Это правило любого сообщества.

В след за Союзным договором, а точнее, наряду с ним, встает проблема экономической реформы. Ее невозможно осуществить без материальной базы, дающей, с одной стороны, условия возрождения народного хозяйства, с другой — гарантии социальной защиты человека.

Каждому понятно, что материальная база — это то, что создавалось с таким упорством и тщанием десятилетия жизни нашего государства. Непонятно другое: почему, несмотря на огромный промышленный потенциал, у нас пустые полки буквально во всех магазинах. Почему страна, богатая ресурсами, как никто, имеющая самые большие посевные площади, высокий интеллектуальный потенциал, не имеет не только конкурентоспособной на западном рынке продукции, но и не может обеспечить своих граждан самым необходимым.

Мы не можем понять, куда все девается — золото, алмазы, автомобили, нефть, станки с программным управлением? Куда исчезает валюта, получаемая от продажи всего этого? Куда уходят строительные материалы, металл, кожа, продовольствие, производимое, несмотря ни на что, в огромных количествах?

Но главным универсальным ресурсом подъема экономики остается капитал. Поэтому сегодня необходимо обнародовать все существующие долгосрочные договоры нашего государства, особенно те, что были заключены под влиянием политических приоритетов, — со странами третьего мира, со странами Восточной Европы. Мы должны знать о всех договорах и обязательствах страны, которые сегодня еще «работают».

Нам обязаны представить всю информацию о продаже оружия, о том, какие средства страна имеет от этой продажи и на что они идут. Исходя из оценочных цифр, полученных из зарубежных источников (это, кстати, свидетельствует об уровне демократизации), следует, что на эти средства можно содержать всю армию! Считается, что Советский Союз продает оружия на 40—50 миллиардов долларов. Встает вопрос, получаем ли мы эти доллары или они погашаются как кредит в течение длительного времени? Размываются ли они в общем экономическом хаосе или же целенаправленно куда-то следуют?

В тот же экономический блок во-

просов входит продажа энергетических и других ресурсов. Я считаю, что пришло время сокращать добычу нефти и газа, а также некоторых других дефицитных ресурсов. Необходимо подумать о потемках. Уже сегодня в центральной части страны эти ресурсы практически исчерпаны. Перебазировка их добычи в Сибирь и в северные районы страны достигается колоссальными затратами, да и там на основных месторождениях наблюдается заметное падение добычи. Это происходит не только по объективным причинам, но и по безграмотности тех, кто дает указания идти на так называемое разжимание скважин. Разовое резкое увеличение добычи приводит к тому, что гораздо больше остается навечно в земле. Так совершается преступление перед ныне живущими, преступление перед потомками.

Приумножение капитала зависит от его использования. Имеющиеся денежные средства необходимо вкладывать в самые прибыльные отрасли, а это, в первую очередь, глубокая переработка нефти и газа. Да и западные фирмы предлагают нам организовать строительство экологически чистых и безотходных производств — не гигантов, а мелких и средних предприятий по переработке нефти и газа. Они должны входить в строй за полгода, максимум — за год.

В какой-то степени то же касается и золота, и алмазов, и других «валютных» ресурсов, которые надо продавать не как сырье, а в наиболее товарном виде — обработанном и дорогостоящем.

Еще один источник средств — конверсия. Кастрюли и ложки, сделанные на особо прецизионных станках оборонных предприятий, — это не конверсия, это разбазаривание сил и средств, не менее пагубное, чем выпуск избыточных вооружений. Конверсия предполагает программу, в которой наиболее эффективным образом используется имеющийся потенциал. Следует определить — по качественным и количественным показателям — то оружие, которое можно продать на мировом рынке. Крупные военные предприятия, например, те, что выпускают атомные подводные лодки, надо переориентировать на выпуск первоклассных гражданских судов. По заказам собственных фирм и по заказам собственных: ведь большая часть нашего флота по своему состоянию подлежит списанию.

Итак, выявив все имеющиеся у нас ресурсы, включая людские, и распорядившись тем немногим, чем можно распорядиться сразу, надо переходить к коренной экономической реформе. Для этого нужна нормально работающая система управления. Разрушив в значительной мере старую систему, мы еще не создали новую, которая брала бы на себя вопросы жизнеобеспечения производственных и социальных функций существующих предприятий и людей, на них работающих.

В Советах же на всех уровнях пока оказались в основном мало-профессиональные люди, уровень компетенции которых уступает даже тем, кого критиковали в застойный период. Но зато Советы требуют передать им все больше властных функций. Причем власть им нужна опять же для распределения — материальных ресурсов, продукции эффективно работающих предприятий. Они не участвуют в производстве, не могут оказать ему сколько-нибудь полезной помощи, но стремятся все к тому же сверхцентрализованному распределению того, что произвели другие. Причем наблюдается стремление к перераспределению еще более жесткому и более некомпетентному, чем, скажем, в министерствах. Такова трагедия некомпетентности, в которую мы сегодня попали.

Особенно очевидно это в сфере внешнеэкономической деятельности, где вершиной коммерческого успеха стали бартерные сделки. По сути, они воскрешают условия чуть ли не каменного века. Меняют нефть на трусы и тапочки, в лучшем случае — на видеомагнитофоны и компьютеры. Я не против бартера — в определенных достаточно узких рамках он какое-то время имеет право на существование. Но даже здесь надо быть не мелким жуликом, а проявлять подлинную профессиональность, знание истинной конъюнктуры рынка. У нас же сплошь и рядом ситуации, когда умышленно занижаются, в сравнении с мировыми, цены, а главным фактором сделки становится личный профит ее производителя, будь то лишняя поездка за рубеж или подарок от фирмы.

Глядя на все это, приходишь к неутешительному выводу, что, видимо, не обойтись без установле-

ния сильной власти, которая бы убрала весь этот абсурд, который мы наблюдаем. Причем сильная власть необходима буквально на всех уровнях — от Президента до местного Совета. Опасение, не войдет ли в противоречие сильная власть Союза с сильной властью республики, разрешается Союзным договором, в котором должно быть определено, кто и на каком уровне имеет право последнего голоса.

При отсутствии вертикальных связей, которые, мне кажется, необходимы на сегодняшнем уровне, не исполняются на местах ни законы Союза, ни законы РСФСР, ни указы Президента. А могут ли они сегодня исполняться? Нет, не могут, так как отсутствует правовой механизм власти.

Для любого закона, который мы издаем — в России или в Союзе, — должен быть механизм его исполнения. В нашей стране процедура закона должна быть расписана как инструкция, к которым мы так привыкли. Если не записана строчка о том, что «если... то...», мы уже и не знаем, что делать. Увы, на первых порах придется, может быть, идти именно по этому примитивному пути — писания инструкций, как исполнять тот или иной закон.

Можно, конечно, вспомнить, что инструкция дана в помощь разуму, а не взамен оному, что нужно посадить других людей, которые бы реагировали на новации более адекватно. Но откуда этим людям взяться? Думаю, что особенно не откуда.

Да, есть немало тех, кто мог бы принести большую пользу, но они пока не попали и не могут попасть на ключевые должности. Их по-прежнему контролируют старые властные структуры и новые некомпетентные деятели. К сожалению, это так. Вопрос кадров — один из основных в экономической реформе.

Я не знаю, кто должен прийти — Пиночет или Ро Дэ У или кто-то другой, но должна прийти сильная исполнительная власть, которая выдвинет реальную концепцию осуществления намеченных преобразований. На первом этапе это должна быть система принудительного решения экономических — повторяю, экономических, — а не политических вопросов. Возникнет такой, может быть, мало популярный в будущем термин, как экономиче-

ская диктатура. В условиях мафиозной структуры торговли, в условиях сращивания административных структур с теневым капиталом другого выхода я не вижу.

Экономическая диктатура не будет кого-либо заставлять быть честным — это должен делать суд и правоохранительные органы в соответствии с существующими законами. Экономическая диктатура заставит исполнять те экономические законы, которые сегодня не исполняются на уровне самоорганизации. Скажем, ту же приватизацию провести не дадут те, кто в результате этого потеряет власть. Экономическая диктатура должна создать условия, при которых властные органы будут вынуждены поступать в соответствии с решениями парламента, а не так, как им хочется. Именно она должна дать им понимание того, кому в действительности принадлежит власть в стране.

И в то же время нужно как можно меньше запрещать — производителю, посреднику, потребителю. Они должны подчиняться, скажем, только налоговой инспекции. Конечно, следует создать и более сильное правовое обеспечение (сокрытие доходов во всем мире — тягчайшее преступление перед обществом), и более сильное ведомство, следящее за выполнением закона. Естественно, должно быть изменено в сторону здравого смысла и само налоговое законодательство, и финансовая система — иначе экономическая реформа окажется в очередной раз фикцией.

Казалось бы, все всем понятно. Но почему мы в очередной раз пытаемся создать какую-то особенную экономику Советского Союза, действующую по каким-то только нам известным законам? А экономические законы выдумывать не надо: все, что нам необходимо, будь то в сфере финансов, в инвестиционной политике, в направлении приватизации, в фискальной системе и других областях экономической деятельности, — все это уже хорошо разработано. Надо только с умом воспользоваться.

Можно без конца провозглашать лозунги о порядке, о дисциплине, можно запрещать забастовки и демонстрации — все это ничего не даст. Единственный путь преобразований — подлинная экономическая реформа, о которой пока мы, увы, только говорим.

О РЕГИСТРАЦИИ ГАЗЕТ

1. Разрешить Отделу Печати закрывать газеты.
2. Право прекращать выход той или иной газеты под другим названием принадлежит Президиуму М.С.Р. и К.Д.¹

Распубликовано в газете «Изв. В.Ц.И.К. Сов.» № 133 от 29 июня 1918 года

ОБ ОТДЕЛЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

1. Право закрывать, штрафовать и применение других репрессивных мер против газет и других органов печати, выходящих в Москве, предоставляется исключительно Отделу по делам Печати при М.С.Р. и К.Д.

2. Если же инициатива преследования контр-революционной печати исходит от Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем, то Чрезвычайная Комиссия сообщает об этом Отделу по делам Печати при М.С.Р. и К.Д. и все решения, касающиеся московской печати, проводятся через Отдел М.С.Р. и К.Д.

3. Если в случаях, указанных в пункте 2-м, степень строгости наказания печати не одобряется Отделом по делам Печати, то вопрос разрешает Президиум или же Бюро Президиума М.С.Р. и К.Д.

Распубликовано в газете «Изв. В.Ц.И.К. Сов.» № 133 от 29 июня 1918 года

О КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ТРУДОВОМ ЛАГЕРЕ

Утвердить следующее положение о концентрационном трудовом лагере.

Для выполнения общественно-необходимых работ нижеперечисленные категории лиц подлежат содержанию в концентрационном трудовом лагере, организованном Всерос. и Моск. Ч. Комиссиями в г. Москве.

1. Все обвиняемые или обвиненные в различных преступлениях или проступках, за исключением наиболее тяжких, как-то: грабежа, разбоя, преднамеренных убийствах, контр-революционных преступлениях, заговорах, в шпионстве.

2. Кроме лиц, указанных в пункте 1, в концентрационный лагерь направляются:

- а) лица без определенных занятий и не зарегистрированные на бирже труда;
- б) зарегистрированные, но отказавшиеся от работ не по специальности;
- в) трудоспособные члены семьи, бежавших к белогвардейцам советских работников;
- г) советские служащие и военно-служащие за проступки по службе;
- д) театральные барышники.

3. Указанные выше лица отправляются в лагерь распоряжением мест заключения или центрального административного отдела или судебных учреждений или Чрезвычай. Комиссий (В.Ч.К. и М.Ч.К.)

Примечание. От содержания в концентрационном лагере освобождаются по физическим недостаткам, нетрудоспособные при освидетельствовании врача при концентр. лагере.

4. На каждое лицо, препровождаемое в концентр. лагерь, составляется направляющим учреждением пре-

проводительный бланк с указанием преступления или проступка, а для осужденных и сроков заключения.

5. Заключение в лагере лица содержатся в нем: а) осужденные до срока приговоров; б) подсудимые до суда или до изменения судом меры пресечения; в) лица, указанные в пун. 2б в течение 3 месяцев; г) лица, указанные в пункте 2в до особого постановления; д) все остальные лица на срок, устанавливаемый народными судами при отправлении в концентрационный лагерь.

6. Труд работающих в концентр. трудовом лагере оплачивается по ставкам соответствующих профессиональных союзов, при чем К.Т.Л. удерживает из причитающейся заработной платы стоимость содержания (продовольствие, одежда, расходы на караул и проч.) не свыше 2/3 таковой.

7. Продовольственный пай для работающих в лагере устанавливается в размере норм для лиц занятых физическим трудом.

8. Условия работы, довольствие в лагере предусматривается особой инструкцией для концентр. трудовых лагерей. Условия содержания в лагере определяются положением о лишении свободы (598 ст. Собр. Узаконений Р.К.П.), если известные смягчения не будут установлены особой инструкцией.

Контроль за правильностью содержания принадлежит Народным Судьям, Московскому Совету Профес. Союзов, Центральному Административному Отделу и М.Ч.К.

Распубликовано в газете «Веч. Изв. Моск. Сов.» № 136 от 30 декабря 1918 г.

О ТЕСНОТЕ КГБ

Исполком Московского Совета постановляет:

1. Передать Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР на правах аренды жилье помещения квартир №№ 28, 31 и 32 (2 этаж) в доме № 3 по Старопанскому пер. общей площадью 102,5 кв.м., недостаточно пригодные для дальнейшего проживания граждан, для расширения служебных помещений Спецстройуправления ХОЗУ Комитета государственной безопасности.

2. Принять к сведению, что Спецстройуправление ХОЗУ Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР переселит 3 семьи (8 человек) из передаваемых (п. 1) помещений на свою жилую площадь (выделено ред.) и предоставит бесплатно транспорт и рабочую силу для перевозки их домашнего имущества.

3. Отделу нежилых помещений передачу помещений (п. 1) оформить ордером.

Председатель Исполкома Моссовета В. Про-
мыслов

Секретарь Исполкома Моссовета А. Пегов
1 июня 1971 г. № 22/50

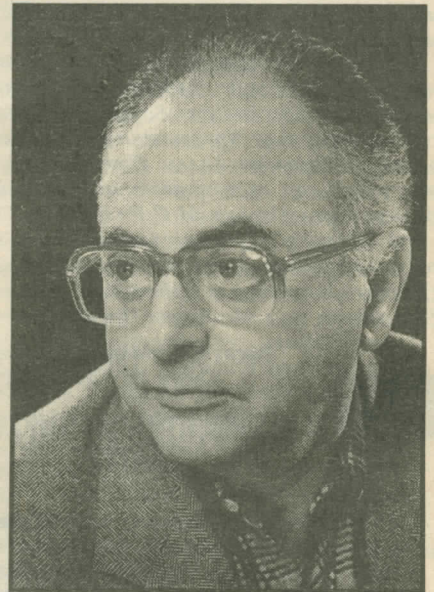
Обнаружил Алексей БОРИСОВ

¹ Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов.

² Так в оригинале. Видимо, термин «концентрационный» еще боролся с «концентрированным».

«СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ» ИЛИ СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ?

«Наши оппоненты из РКП, авторы альтернативного проекта Конституции, заявляют, что мы предаем демократию. Нас очень трогает их забота о судьбе демократии в России, но их демократию мы и в самом деле не принимаем», — говорит народный депутат РСФСР, известный московский правозащитник, адвокат, член Хельсинкской группы, один из авторов проекта Конституции Российской Федерации и проекта судебной реформы Борис ЗОЛУТХИН

Разработанный Конституционной комиссией проект еще до его опубликования подвергся шельмованию в «Советской России», других прокоммунистических изданиях. Не прекращается эта кампания и теперь, но текст проекта опубликован, и каждый гражданин России может сделать сознательный выбор. Именно — сознательный. Лучше всего, если этот выбор произойдет в ходе всенародного референдума. Напомню: после напряженной борьбы на съезде нам удалось добиться того, что назначение референдума перестало быть прерогативой исключительно съезда, теперь это может сделать и Верховный Совет республики. Так что референдум не за горами.

Как известно, одним из основных принципов любой демократии всегда являлось разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной. У нас же на протяжении семидесяти с лишним лет никакой судебной власти не существовало, а были лишь судебные органы, которые фактически являлись продолжением партийных. В прежние времена они назывались открыто — карательными. И по существу таковыми остались, хотя сменили название на более деликатное — «правоохранительные». Поэтому земля наша была бессудной, обвинительный уклон господствовал на следствии, в прокуратуре и, что особенно страшно, в суде.

Перед авторами проекта Конституции стояла задача придать правосудию принципиально иное направление,

превратить «судебные органы» в самостоятельную власть, ориентированную не на то, чтобы упрятать за решетку как можно больше народа, а на **охрану прав человека**. Не случайно глава о судебной власти начинается ее новым определением как хранильницы гражданского мира, прав и свобод личности.

Несколько слов об основных идеях проекта. Прежде всего — судебная власть является независимой ветвью власти государственной. Мы попытались создать гарантии такого независимого правосудия. А всем опытом человечества, всей историей установлено, что такую гарантию дает прежде всего несменяемость судей. То есть, они должны **назначаться** на свои должности и оставаться на них пожизненно. Судья не может быть смещен иначе, как по собственному желанию или по приговору за совершение уголовного преступления. Иными словами, ни исполнительная, ни законодательная власть, а тем более никакие политические партии не могут добиться его отставки до тех пор, пока он поступает в соответствии с законом.

Я отнюдь не думаю, что весь наш судейский корпус уже сегодня настолько осознал свое предназначение, когда каждого судью можно назначать в «пожизненные». Другое дело, что есть надежда: почувствовав реальную независимость, они изменятся. Во всяком случае, многие из них. Возможность выносить приговор без оглядки на власть способна уничтожить даже подсознательное желание угождать этой власти.

Итак, необходимо отказаться от выборности судей любого уровня. Наши оппоненты из РКП, авторы альтернативного проекта Конституции, заявляют, что мы предаем тем самым демократию. Нас очень трогает их забота о судьбе демократии в России, но их демократию мы и в самом деле не принимаем.

Система так называемых выборов, существовавшая при «развитом социализме», была фикцией. Это было то же самое назначение, только назначал партаппарат — угодных ему людей, прикрываясь «всенародным голосованием».

Нас не может удовлетворить и сегодняшняя система, которую сохраняет альтернативный проект, — выборы судей на сессиях Советов народных депутатов. Почему? Да потому, что жизнь показала: нельзя допускать выборы, на которых бушуют политические страсти. Судейская деятельность всегда порождает недобрых. Требуется отладить такой механизм отбора судей, который гарантировал бы их профессионализм и высокие нравственные качества. Возможно, для этого надо создать специальные комиссии по отбору, ввести конкурсную систему замещения таких должностей. Но главное — подход должен быть профессиональным.

Зависимость судей приводила к тому, что порой они принимали решение вопреки собственной совести. В проекте Конституции сказано, что судьи подчиняются только закону и голосу совести. (Но не той «революционной совести», которая отправляла людей на смерть и в лагерь, — она-то и отменяла закон.)

Другая гарантия независимого и справедливого судопроизводства — введение суда присяжных. Увы, наши народные заседатели — это институт, который полностью скомпрометировал себя и в глазах специалистов, и в глазах народа. Не случайно люди окрестили народных заседателей метким словом — «кивалки», что вполне соответствует их реальной роли. Но вот авторы альтернативного проекта Конституции никак не хотят расстаться с народными заседателями, считают, что те хорошо себя зарекомендовали на протяжении семидесяти лет. И предлагают по-прежнему возлагать на них решение непосильных для непрофессионалов юридических вопросов, то есть по существу сохранить за судей монопольное право вершить судьбы людей.

В нашем же проекте заложена идея суда присяжных. Но не того оскотенного, который закреплен в Законе о судостроительстве СССР, а такого, которому была бы подсудна очень широкая категория дел. Мы хотим, чтобы таким судом рассматривались все дела о преступлениях. В этом случае суд будет огражден от давления власти, да и от опасности подкупа. (Хотя об этом мало говорят, но такая угроза для правосудия всегда существует.) Присяжные должны решать вопрос факта — виновен или не виновен подсудимый. А профессиональный судья должен руководить процессом и назначать меру наказания, если присяжные вынесут обвинительный вердикт.

Причем суд присяжных совсем не новый институт для нашей страны — он существовал со времени судебной реформы 1864 года до октября 1917-го, был одним из лучших в Европе и пользовался широким признанием.

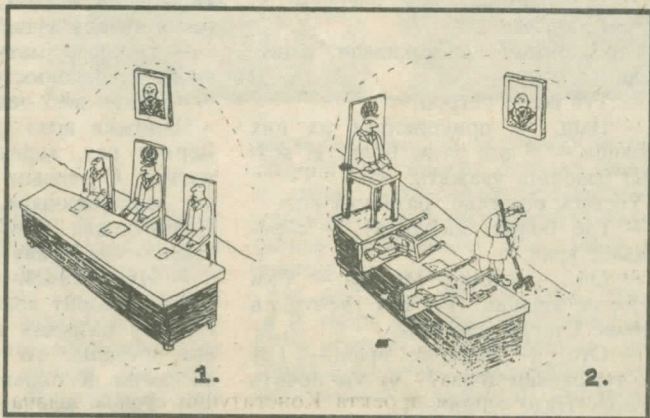
В чем сила такого суда? В том, что не специально подобранные заседатели, а практически все граждане (за исключением узкого круга скомпрометировавших себя) не только имеют право, но и обязаны участвовать в суде. Механизм достаточно прост. Составляется список, равный списку избирателей, и компьютер слу-

чайным образом выбирает участников судебного следствия. Никто заранее не может знать, кто займет место на скамье присяжных, — еще одна гарантия независимости и истинной народности этого суда.

Принципиальным нововведением для нашей судебной системы является создание Конституционного суда Российской Федерации. Все прежние конституции России носили чисто декларативный характер, новая же задумана как основной закон прямого действия. И нельзя допустить, чтобы какой бы то ни было закон противоречил Конституции. А функцию ее охраны, как показывает мировая практика, способен выполнить только Конституционный суд. Попытка создания Комитета Конституционного надзора СССР, с его по существу консультативными полномочиями, — еще одно тому подтверждение. Конституционный суд Российской Федерации будет действовать иначе. В частности, несменяемые судьи назначаются президентом республики с согласия парламента.

И я не думаю, что президент, правительство или какие-либо другие высшие должностные лица могли бы получить право обращаться в суд с запросом: соответствует какой-то закон Конституции или нет? Не дело суда давать консультации. Ставить вопрос о неконституционности закона можно только тогда, когда он поработает на практике. В главе о судебной власти мы записали, что судья не вправе применять закон, противоречащий Конституции. И далее: «...если суд при рассмотрении конкретного дела признает, что закон, который ему надлежало применить, противоречит Конституции, он приостанавливает производство по делу и вносит в Конституционный суд Российской Федерации представление о признании этого закона неконституционным». В этом случае суд может принять решение либо о соответствии закона Конституции, и тогда дело возвращается для рассмотрения по существу, либо признает закон неконституционным. Тогда он теряет юридическую силу с момента опубликования решения Конституционного суда. Жалобы на подобные решения не допускаются.

Союзным законом о Комитете Конституционного надзора предусмотрено, что в его состав наряду с юристами могут входить специалисты в области политики. Но политикам нет места ни в каком суде, а тем более в Конституционном! Он должен быть избавлен от политических пристрастий, у него только одна задача — охранять Конституцию. Понять, для чего в таком суде нужны были политики, можно, вспомнив, что эта норма создавалась, когда в самой Конституции присутствовала 6-я статья. И все эти «политики» не что иное, как функционеры КПСС.

Естественно, возникает вопрос — какой из органов государства будет следить за исполнением других законов? Сейчас это обязанность прокуратуры. В своем сегодняшнем виде она остается детищем Андрея Януарьевича Вышинского и приспособлена для охраны интересов государства и только государства. Поскольку оно было единственным собственником и монополистом во всем, прокуратура разрасталась, и из органа, который исторически был только органом уголовного преследования, поддержания обвинения в суде, превратилась в монстра, который должен следить за исполнением законов всеми, кроме правительства. Сколько она ни надзирала, законности в стране никогда не существовало. Я думаю, этот эксперимент можно было бы и закончить.

Проектом Конституции РСФСР каждому гражданину, каждому предприятию предоставлено практически неограниченное право обращаться в суд. Никто, кроме них самих, не сможет лучше защитить собственные права. Прокуратура с этим никогда не справлялась и никогда не была ориентирована на охрану граждан.

Поэтому в пакет нового судебного законодательства войдет закон о прокуратуре. Мы могли бы вернуться к идеям судебной реформы 1864 года, когда прокуратура возбуждала уголовные дела, надзирала за законностью предварительного следствия. Получив уголовное дело от следователя, прокурор составлял обвинительное заключение и поддерживал обвинение суда. Этим функции прокуратуры можно и ограничить. Проект Конституции предполагает отказаться от права прокурора санкционировать арест, обыск, продлевать срок содержания под стражей — эти функции передаются суду. (Тут Россия делает только то, что давно должен был сделать Союз, ратифицировав международные соглашения.)

Пожалуй, оппоненты не зря утверждают, что разработанный Конституционной комиссией проект направлен на изменение облика «нашего социалистического государства». Он действительно создает базу для строительства иного — правового — государства, в котором жизнь определяется законами, равными для всех. И слову «правосудие» возвращается, наконец, его утраченный смысл.

СКАЗКА

Герман
ДРОБИЗ

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Прибежала Москва-матушка к стоматологу, а там в очереди сто городов сидят, и каждый за щеку держится.

Москва говорит:

— Я, родимые, без очереди. С острой болью.

Сто городов повскакивали, зашумели:

— Тут все с острой!

— Цыц, — прикрикнула на них столица. — У вас разве боль? И возраст извольте уважать.

Уселась в кресло, разинула рот.

— Где болит, матушка? — спрашивает врач.

— Ой... — стонет Москва. — Сам разве не видишь? Тут вот где-то... в районе Старой площади.

— Ого! — говорит врач. — Где же ты раньше была? Тут уж лечить нечего. Надо удалять.

— Удаляй, милый! Сил нет терпеть!

Наложил врач щипцы, потащил... Треск пошел по всей полости! Лубянский коренной зашатался, и семь клыков на холмах, и тыща кремлевских зубцов вздыбилась.

— Не могу, матушка. У него корни по всей челюсти.

— Тащи всю челюсть, милый!

Наложил врач щипцы покрупнее. Дернул раз, дернул другой, дернул третий. С первым разом вся матушка завибрировала, со вторым — Подмосковьё заколебалось, с третьим — по Уралу дрожь прошла...

— Ну, какой-то удивительный зуб, — говорит врач. — По всему организму разросся и даже далеко за его пределы. От тебя, матушка, и до самых до окраин.

— Рви, — кричит Москва, — до са-

мых окраин, коли так!

— Ну, коли так...

Созвал врач помощников, наложили они все щипцы, какие нашлись, и по команде вместе как дернут...

Завопила столица от жуткой боли, а в коридоре сто городов взвыли, эхом отозвались.

Сползла Москва-матушка с кресла и, шатаясь, к дверям побрела.

— Как самочувствие?

— Шпашибо... замечательное...

— Следующий! — кричит врач.

А сто городов расплылись в улыбках лучезарных и кричат в ответ:

— Спасибо! Уже не болит! Само прошло!

Случай этот впоследствии в стоматологическом научном журнале был описан. Под заголовком «Чудесное исцеление».

Петр ВЕЖБИЦКИЙ

ГДАНЬСКИЙ СФИНКС

Сегодня мы решили нарушить традицию нашей постоянной рубрики, опубликовав в ней «портрет» не отечественного политического деятеля, а поляка Леха Валенсы. Причин к тому несколько. Во-первых, Валенса — одна из самых ярких фигур мировой политики последнего десятилетия, чья карьера уникальна даже в наше бурное время: от рабочего — лидера нелегального профсоюза до президента страны, которым он стал в конце минувшего года. Во-вторых, мало кому доставалось столько брани в советской прессе еще несколько лет назад, сколько выпало Валенсе. Образ такого исчадия антинародного ада (хотя и лауреата Нобелевской премии мира) был вбит в наше сознание достаточно крепко, так что и сейчас наши международники не могут толком объяснить читателям, почему в трудной для страны ситуации поляки передали президентство именно ему. И, наконец, в том Лехе Валенсе, что предстает в статье Петра Вежбицкого (ее мы перепечатываем из газеты «Тыгодник Солидарность» с небольшими сокращениями), нетрудно разглядеть черты некоторых отечественных политических лидеров. А может быть, вы заметите в Валенсе то, чего нашим политикам как раз и не хватает.

РЕНТГЕН ИЛИ СВАДЕБНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Хотя личное мое отношение к профессиональному союзу «Солидарность» скорее может быть сочтено прохладным, а мировоззрение у меня определенно консервативно-либеральное, то в отношении лич-

ности Леха Валенсы все у меня складывается совсем иначе. Будучи индивидуалистом, склонным приписывать творческую роль скорее личностям, чем коллективам, я слежу за всем, что Валенса затевает, буквально затаив дыхание. Во всем этом завораживающем представлении, которое вот уже

несколько лет, и особенно за последний год, вносит столько красок в нашу «польсконароднореспубликанскую», социалистическую жизнь, самое интересное для меня — именно он.

Дело как раз в том, что у меня вот уже несколько лет крепнут неоднократно подтверждавшиеся подозрения, что, хотя поляки и доверяют Валенсе, хотя они уважают и обожают его,

им все-таки, не считая пары расхожих анекдотов, неизвестно все то, что должна знать нация о своем ведущем политике. Валенса вознесен на большие высоты. Но высится он на вершине, вырастающей из горы дезинформации, анекдотов и мифов. Мне бы хотелось вознести его еще выше. Но я намерен попытаться развеять окружающий его туман и просветить самого героя: набросать политический и психологический портрет Валенсы — государственного мужа. Портрет очень лично авторский, субъективный, создающийся автором на его собственный страх и риск, но портрет, не отрывающийся от земли, реалистический, даже иногда безжалостный. Предупреждаю: на свадебном фото он похож не будет.

СИМВОЛ ИЛИ СТРАТЕГ

Миф о Валенсе утверждает, что Валенса — дорогой полякам национальный символ, символ «Солидарности». Не это ли слово прилепили мы к Валенсе, стоило ему появиться на польской сцене? Это должен был быть символ. Знак, декорация, приманка. Простой работа, которого поставили во главе мощного движения. Не будем пока трогать эту маску. Вот добьемся чего-то, тогда и можно будет заменить ее кем-то из наших настоящих политиков или же выдвинуть юнцов, с готовностью повинующихся повелениям достойных деятелей. Не так ли судачили о Валенсе в интеллигентских кругах региона Мазовше в 1980—1981 гг.? Не соглашались ли мы с наличием харизмы Валенсы? Если бы Валенса оставался лишь символом, а главной его добродетелью была бы харизма, не стоило бы и писать о нем.

Миф о символе и харизме возник в 1980—1981 гг. Изобрели его соперники Валенсы или кандидаты в соперники. Распространяли же, и с охотой, все или почти все. Валенса представлялся нам в то время в облике деятеля более умеренного, чем прочие. Энтузиазма это у нас не вызывало. Уж очень мы были восхищены тогда собой. Мы раздувались от восторга перед удивительным польским обществом, которое плевать хотело на опасности, от одной мысли о которых содрогался весь остальной белый свет. Всех нас, живших тогда в беззаботной эйфории, не пытавшихся предвидеть наиболее вероятный финал

всево этого, 13 декабря* скомпрометировало интеллектуально. Во всяком случае, именно такие переживания были у меня самого в лагере для интернированных.

В июле 1982 года я вышел из лагеря, осматрелся, оглядел Польшу... и понял: Валенса — это никакой не символ и ни харизма. Валенса — малый, ни разу не промахнувшийся. Разве не он, единственный из лидеров «Солидарности», предупреждал, что коммунисты власти еще не отдали, не он ли советовал не делить шакуру еще не убитого медведя, не номинал о том, что у одних — танки, а у других — только газетки и мегафоны? Заметил я, что Валенса не кричит громче всех, но лучше других умеет оценить соотношение сил, не ошибается, не отправляет свою армию под нож. Ошиблись его радикальные соперники слева и справа. Ошибся выдающийся советник, призывавший весной 1982 года к национальному восстанию, а Валенса не ошибался ни до 13 декабря, ни после.

Достало ему чутья, чтобы тихо сидеть себе в лагере, не выступать с заявлениями, не учить общество тому, что оно должно делать. Каким-то чудом знал он или чувствовал, что интернированный узник не имеет права голоса в том, что касается дел нации, ведь он отрезан от нормальной жизни, лишен нормальной информации; попытайся он высказаться — и почти наверняка выйдет какая-то глупость.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ИЛИ НЕПРЕДВИДИМЫЙ

Миф о Валенсе утверждает, что он иногда поступает нерасчетливо. Когда Валенсу выпустили из лагеря-интерната, разыгралась буря. Орда деятелей «Солидарности» — истериков, истеричек, идиотов, идиоток, безумцев, сдвинувшихся, а также как будто совершенно нормальных людей, которые поддались лагерной одержимости (каждый должен был делать вид, что ему хочется сидеть до смертного часа), накинулись в святом возмущении на Валенсу. «Почему он выходит? Почему не остается сидеть?» Возмущенные, они вообще не брали в расчет того «малозначительного» обстоятельства, что

*вопрос о сроке освобождения решал не сам Валенса, а Ярузельский с Кищакот**.*

Но у этого безумства была еще одна причина, тоже столь же серьезная. Выходя из лагеря, Валенса написал Ярузельскому письмо. И подписался: «капрал Валенса». Народ воспринял это совершенно нормально, с юмором. Но варшавская интеллигенция ударила в колокола тревоги. По первости она оцепенела. Потом начала дознаваться: «Что он хотел этим сказать?» И, наконец, отвернулась в неудовольствии: «Как он так мог? Что за неуместные шуточки в ужасные времена национальных страданий!»

Это факт: варшавский интеллигент, советник «Солидарности», подлинный деятель «Солидарности» никогда бы не подписался «капралом». Почему? Да потому, что он предвидим, прогнозируем. Времена серьезные, и письмо должно быть серьезным. Народ страдает, значит, и письмо должно выражать страдание и отражать раненую гордость. Ярузельский ввел военное положение, потому и в письме должны быть слова протеста. «Капрал» зачеркивает все это. Вводит в ситуацию какой-то странный фамильярный настрой.

Поначалу я, как и все, остолбенел. А затем ударил себя по голове и покрутил пальцем у виска. Шокировал, сбил с панталыку, сделал ход, которого не ждали?.. Ура, браво, да здравствует непрогнозируемый Валенса, это-то и нужно полякам: парень, действующий непредсказуемо, так, что противник никогда не может его подловить. Непредсказуемость — главная политическая добродетель Валенсы. Непредсказуемость как способ выигрывать битвы и войны. Разве не тот становится вождем-победителем, кто действует непредсказуемо? Разве не была самой уязвимой чертой подпольных властей «Солидарности» как раз предсказуемость их действий: они заранее сообщают о намерении отметить какую-либо очередную годовщину, то есть ЗОМО*** заранее становится известно, где и когда ждать демонстрантов; подпольщики перед противником открыты и прямолинейно искренни. Пусть непредска-

* 13 декабря 1981 г. — в Польше было введено военное положение. «Солидарность» была распущена, а ее руководство — помещено в «лагерь для интернированных». — Прим. пер.

** Президент и министр внутренних дел ПНР до 1989 г. — Прим. пер.

*** Нечто вроде ОМОНа или спецназа. Бойцы ЗОМО разогнали демонстрации, ловили подпольщиков и т. д. — Прим. пер.

зубый Валенса эту несчастную прогнозируемость хоть как-то уравновесит.

СОГЛАШАТЕЛЬ ИЛИ ЛИС

Миф о Валенсе утверждает, что это деятель по природе своей умеренный. Так уж выходит, что Валенса и действительно, в общем, оказывался умеренным. Но это не природа его. По природе он прежде всего хитрый лис.

Когда Валенса вышел на свободу, тут и начался весь этот впечатляющий танец на канате. Он решил действовать, говорить «да, конечно», лишь бы опять в кутузку не упрятали. Проявлял осторожность, гибкость, увертливость. Следил, чтобы нельзя было поймать его на слове. Решил оставаться на поверхности, действуя на грани законности. И плясал, как эквилибрист на канате. Некоторые пикейные жилеты из Варшавы терялись в моральных проблемах: не лучше ли было бы, позволь он себя посадить? Что они понимали, им в голову не приходило, что это наглец из наглецов, лис, Улисс, хитрец и стратег. Что даст Польше еще один политзаключенный? Мучеников в Польше хватает. Польша нуждается в политике, который сумел бы компенсировать нашу материальную слабость ловкими приемами, хитростью, лисьей стратегией и тактикой. Великие политики, особенно на портретах и памятниках, производят антично-мемориальное впечатление, но в жизни-то для них прежде всего была характерна хитрость.

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ПРОСТО ЧЕЛОВЕК

Миф о Валенсе утверждает, что это простой человек, вознесенный на вершину великим общественным движением.

Шел 1984 г. Я написал книгу «Мысли старосветского поляка», книжка была о Польше, «Солидарности», Валенсе. Там я выдвинул тезис, гласящий, что причиной поражения «Солидарности» в 1981-м могло быть легкомысленное (ввиду изготовившихся к нападению чужих войск) раздувание внутрипрофсоюзной демократии и беззаботность, не позволившая создать вокруг Валенсы сильный и уполномоченный на решительные и неожиданные действия руководящий штаб. Я поставил Валенсу в ряд наиболее ловких политических игроков новейшей истории Польши.

Книжку я отправил Валенсе. Через пару месяцев Валенса пригласил меня на встречу. Первую и единственную в жизни.

Я отправился в Гданьск, но не затем, чтобы источать там комплименты и здравицы. Верно, в своих «Мыслях» я соорудил Валенсе памятник, но в книге также была и такая очень неприятная шпилька. Я упрекал его в том, что он, покинув лагерь-интернат, уж очень легко соглашается на то, чтобы его водили за нос советники и деятели из подпольной «Солидарности», что уж слишком он пассивен, словно бы ему не хватает уверенности в своих силах.

Готовясь к моему визиту, Валенса прочел пару фраз в моей книге. Ему этого оказалось достаточно. Он понял, что ему светит. Вошел сосредоточенный, собранный, прохладно любезный господин. Беседа наша длилась полтора часа. Я коротенько представил ему очередные упреки и предложения. Он поочередно отвечал на них. Кратко. Никаких проповедей или речей. Пара, десяток предложений, после чего молчок и право голоса возвращается ко мне. Защита. Дьявольски хитроумная. Дьявольски разумная. Так мне и не понять до конца, что же он думает на самом деле. Он не озабочен выражением собственных мыслей. Его интересует подбор наиболее убедительных аргументов, опровергающих выдвинутые против него претензии. Способность читать чужие мысли, опережать их, просчитывать на десять ходов вперед. Я начинаю излагать мнение, которое мне кажется очень оригинальным, не успеваю произнести и пары фраз, а Валенса уже раскусил меня, разгадал мои намерения, ему известно, что я скажу через пять минут, и вот он опровергает те доказательства, которые я собирался представить.

Что более всего мешало интеллигенту увидеть в Валенсе государственного мужа? Этакая особенная

польская специфика: почтение к диплому и интеллигентности. Польский интеллигент любит и уважает «простого человека», даже иногда падает перед ним на колени, курит ему фимиам, восхваляет его выше небес, но смотрит на него, как на этакое диво. И опять-таки, польский «простой человек» может и не выносить временами интеллигента, но ему страшно хочется в него превратиться.

По Польше кружат легенды: что Валенса учится в Католическом Университете, что он заочно написал и защитил магистерскую диссертацию, что перелистывает какие-то пухлые тома. Ничего подобного, Валенса каким был, таким и остался, не учится, не листает ни книжек, ни газет. Десять лет общался с интеллектуалами, но не совершил этого рокового шага: не превратился из выдающегося рабочего в дюжинного полунинтеллигента.

МАРИОНЕТКА ИЛИ ТИРАН

Миф о Валенсе утверждает, что им вертят, как хотят, советники-интеллигенты. Да и мог ли не возникнуть такой слух? Достаточно поглядеть на всю эту компанию: тут профессор, там редактор, а вот доктор. Большие мозги, щебечут по-французски. Разве не понятно, кто тут для стратегии, тактики, концепции и важных решений, а кто для представительства, символики и раздачи интервью.

Каждому, кому хоть что-то известно о Валенсе из достоверных источников, ясно, что, даже если не принимать во внимание, что Валенса превосходит своих, несомненно, великодушных советников просто своим политическим талантом, тем, что мыслит он быстрее, хитроумнее строит планы на будущее и куда более ловок в решениях... каждому, говорю, имеющему какое-то понятие о Валенсе, известно, что советники не могут манипулировать Валенсой

уже в силу одной-единственной причины: он недоверчив, недоверчив тотально и предельно. Выслушивает всех. Не доверяет никому. Напротив: вот, явился ты к нему с добрым советом, он же сначала изведет тебя подозрениями: не собираешься ли ты втянуть его в авантюру, не затеваешь ли ты что-либо этакое... О, Валенса совсем не добрячок. У него могучий инстинкт самосохранения, устремленный к политическому владычеству. Его стихия — политика. А политика — это мир мрачный, беззащитный, жестокий.

Все, кому хоть как-то доводится иметь дело с Валенсой, знают, что проблема не в сговорчивости Валенсы, но в его предельной неподатливости. Окружение, которое манипулирует Валенсой... Что ж, можно и пошутить. Оно, окружение это, нередко ни малейшего представления не имеет, ни в едином глазу не видит того, что он завтра выкинет и что затевает этот сообразительный гданьский сфинкс.

КАПРИЗНИК ИЛИ КОМПЬЮТЕР

Миф о Валенсе утверждает, что он очень капризен. На самом же деле — все как раз в точности наоборот: Валенса, непрогнозируемый в том, что касается конкретных его действий, реагирует логично, четко, словно компьютер.

Валенса не щепетилен. Его интересует власть. В политике он ценит только силу. Терпит иные воззрения. Его можно оскорблять — не обидится и не станет мстить. Но действий против себя не прощает. Не прощает... разве только соперник выкажет свою силу. Тогда Валенса превращается в дипломата. Это — расчетливый, бесстрастный реалист. О Словике из лодзьской «Солидарности» и слышать не хотел. Но стоило ему увидеть, что этот Словик может стать шефом региона, и вот уже рассуждения и похвалы: неплохой ведь деятель этот Словик.

Валенса идет с теми, кто силен, деятелен, деловит. В «Мыслях старосветского поляка» я упрекал Валенсу, что он слишком легко соглашается с тем, чтобы его водили за нос левые советники. Но теперь понимаю, что Валенса вел себя рационально: они тогда были самыми лучшими, самыми эффективными, самыми смелыми и самыми сильными. Обнаружил Валенса, что рядом рождается центристская группиров-

ка — и тут же поддержал ее. Протолкается к Валенсе сильная правая формация — Валенса и с ней вступит в игру. Но пусть никто не рассчитывает на то, что ему удастся перетянуть Валенсу на свою сторону. Милость Валенсы на пестром коне развезжает. Ибо Валенса — человек равновесия, он бдит, дабы никто из силачей не сумел вырваться слишком далеко вперед. Он стремится играть на всех клавишах. Пусть только раздастся чересчур громкий голос, прочие уж постараются его заглушить.

ХАМЕЛЕОН ИЛИ ПРАГМАТИК

Миф о Валенсе утверждает, что Валенса — хамелеон, меняющий взгляды как перчатки. В этой легенде есть какая-то правда. Валенса говорит очень по-разному и разное, в разных местах даже совсем разное, бывает, что противоречащее одно другому или что-то совсем непонятное. Если бы нечто подобное позволил себе кто-либо из его советников или еще кто-то, не протянул бы и месяца: ему бы указали на неуместное поведение. А Валенсе все это сходит с рук, и даже как-то ему это к лицу. Речь для Валенсы — органичная часть его непостижимой, лисьей игры. Он выказывает невероятную реакцию в ходе интервью и пресс-конференций, в детской непосредственностью выбираясь из самых запутанных и неудобных положений. Как хочет, так и выражается, с поразительной четкостью и прямотой раскрывая сущность явления в прекрасной литературной метафоре. Валенса извивается как угорь, не дает поймать себя на слове.

Валенса может кому-то показаться хамелеоном, но это потому, что Валенса — предельно, стопроцентно прагматичен. Если не считать того, что он по-христиански не признает насилия, держится польского Костела, что не влекут его никакие безумства и крайности, что он совершенно неподатлив на антисемитизм, что он не пылает любовью к национальной символике, то он не привязан ни к каким доктринам. Не интересуют его формулы и концепции. Его интересует, что люди едят и что они болтают о «Солидарности». Интересуют его и настроения в обществе. Он — словно некое устройство, безошибочно регистрирующее эти настроения. Ему известно, что стоит ему с ними разминуться, и он превратится в ничто.

Любая мирная дорога, кратчайшим путем ведущая к свободной Польше, ему хороша. Он теперь вглядывается во все дорожные указатели.

ПРОФСОЮЗНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИЛИ БИЗНЕСМЕН

Миф о Валенсе утверждает, что он — профсоюзный деятель. Сам Валенса ревностно поддерживает эту легенду. Но это похоже, скажем, на ситуацию, если б Шопен называл себя учителем музыки. Верно, преподавал он музыку, но, кроме того, и прежде всего, Шопен занимался и другими делами. Валенса уже давно выступал во множестве ролей сразу.

Меня больше всего завораживает роль, в которой Валенса выступил осенью 1989 года: это роль истинного бизнесмена, главного вдохновителя возврата к частной инициативе. Валенса первым среди польских государственных мужей понял, что все теперь не в счет: и профсоюзные фразы, и самоуправленческие утопии, и национальные причитания и повизгивания. Ему стало ясно, что ценится только «капуста», деньги, которые можно выторговать на Западе, а экономическую революцию следует проводить, руководствуясь либеральным духом. И что же делает Валенса? Отправляется за рубеж. Но вместо посещения поговостов, вместо благословенных национальных воспоминаний и чтения в университетах лекций о «Солидарности» он расставляет силки на фабрикантов и банкиров.

Вместо того чтобы уговаривать население, агитировать за самоуправление, сокращение рабочей недели и т. п., Валенса побуждает поляков к производственной активности; пекарь, взывает он, кондитер, золотые руки, чего ты задыхаешься на верфи или дохнешь на заводе, бегом, заводи свое, строй свое дело, затевай что-нибудь на свой страх и риск, это сейчас нужно Польше.

Валенса превзошел самого себя. Он поднялся над частными интересами профессионального союза «Солидарность», чтобы выразить интересы всей Польши.

Перевод Алеся КАВТАСКИНА

СПЛОШНЫЕ НЕУДОБСТВА

В последние годы все чаще и чаще у меня стало возникать чувство, что наша почта вслед за торговлей перестает сознавать себя частью сферы обслуживания населения. А взамен этого чем она хочет стать — не пойму. Но зато все ошутимей ее диктат надо мной, все больше она мне как жителю ставит условий. И я вынужден их, увы, выполнять — деться некуда.

Наступательные действия на своих клиентов московская почта начала еще на грани семидесятых—восьмидесятых годов. До этого — мы помним — в любом отделении связи можно было произвести любую почтовую операцию: «отбить телеграмму» (так тогда говорили), заказать переговоры, упаковать и отослать бандероль и даже посылку. Что, впрочем, логично и естественно — на то и отделение связи, чтоб обеспечивать эту самую связь людей, живущих вдали друг от друга. Мало ли что люди хотят передать — в одном случае слово, в другом — вещь. Конечно, оказание услуг должно быть прибыльным, но ограничивать нас в услугах — бессмыслица.

А нас взяли и ограничили. Начали этот процесс исподтишка, как водится, — вдруг в одних отделениях связи исчезла тара для посылок, а в других — нет. Потом это исчезновение тары приняло затяжной характер, потом — хронический, а потом и вообще отделы посылок в целом ряде почтовых отделений закрылись.

Мы стали со своими посылками носиться по всему городу. Облегчив участь работников почты, мы за те же деньги усложнили свою.

Думали — временно. Не может же так быть постоянно. Оказалось — навсегда. Потом отправка посылки подорожала, потом снизили их предельный вес с 10 до 8 килограммов, потом...

Потом случилось то, что может быть лишь результатом сверхприбыльной, а вовсе не убыточной экономической деятельности почты: между городским почтамтом и отделениями связи появилось передаточное звено — межрайонные почтамты. Дата их рождения — 1 января 1988 года, причина появления на свет — перевод предприятий связи на по-

льный хозяйственный расчет и самофинансирование на основании Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)». На основании этого закона вышли в свет постановление Совета Министров СССР № 956 от 19 августа 1987 года и соответствующий приказ Минсвязи СССР № 535 от 6 октября 1987 года.

На хозрасчет должны были перейти, по идее, предприятия связи, то есть самые обыкновенные почтовые отделения. Они бы зарабатывали отправкой переводов, посылок, бандеролей, телеграмм, продажей марок, открыток и конвертов, проведением подписки, платили бы государству налог, рассчитывались с поставщиками и получали бы прибыль, которую бы и делили по усмотрению коллектива.

Тут от приема посылок не отказалось бы ни одно отделение связи — разве бы упустил коллектив прямую выгоду?

Но в том-то и дело, что права предприятия и отделений связи в этот самый момент взяли и украли. Украли те самые только что созданные межрайонные почтамты (их появилось в Москве девять). Правда, при этом был упразднен 31 районный узел связи, то есть сменился надсмотрщик, но сами-то предприятия связи не стали от этого ни самостоятельными, ни хозрасчетными. Прибыли такая постановка дела не сулила — сколько ни давай ее, все отнимут, поделают, перераспределят и вернут лишь зарплату, причем не очень высокую.

Это быстро поняли почтальоны и, подавав казенные сумки, пошли искать места получше.

Обнажилась проблема кадрового голода. Тут бы первопричину поискать — не может, по логике, отделение связи, имея в обороте ежемесячно не тысячи, а десятки тысяч рублей, работать в убыток. Тем более после еще одного повышения цен — на сей раз на конверты с марками и телефонные переговоры.

Причину искать не стали. Решили вновь выйти из положения за счет рядовых работников почты и рядовых ее клиентов: внедрили так называемый «гибкий» график работы отделений связи. Хотя не пойму, что в нем гибкого — день работают с утра, день — с обеда, в воскресенье и в праздники отдыхают.

Может, «гибкость» в том, что прежде сокращали объем работы, а теперь — рабочее время?

Со временем «гибкость» дала и другие результаты: почту стали разносить по домам не тогда, когда она поступает, а когда сочтут нужным. В результате мы газеты получаем, как правило, вчерашние, журналов вообще не дожدهмся. А на дверях отделения связи вдруг неожиданно могут вывесить листок: с такого-то числа работаем только с 9 до 12, или еще того хуже: временно почта не работает. Крутись, клиент!

А в последнее время еще одно новшество: почта стала решать, что мне, клиенту, отправлять можно, а чего нельзя, и в какую сторону нашей необъятной державы можно посылать посылки, а куда нет — тоже решает почта. И в подписке на печатные издания она тоже выполняет роль регулятора — скажем, прибалтийские газеты уже не выписывай.

Отчего это? От нехватки денег на содержание государственной почты? Но тогда зачем из доходов Министерства связи изымается 70 процентов прибыли в государственный бюджет, как об этом говорит замминистра связи Е. Манякин? Потому что трудно поверить в нерентабельность почты, имеющей доходы не только с почтовых марок, но и от использования каналов спутниковой связи.

Думаю, дело в отрывках командной системы. Почта, как и наша торговля, привыкла диктовать своим клиентам условия и правила игры. Это своеобразная привилегия, от которой весьма затруднительно отказаться. И ведь не заставишь ее заботиться о нас — плохая или хорошая, но почта у нас одна.

А может, создать вторую? Параллельную? Хотя бы на территории одной Москвы для начала. И обратиться к коллективам тех предприятий связи, которые действительно хотят самостоятельности, с предложением уйти от прежнего хозяина и объединиться. Мчались бы по городу курьеры с нашими срочными депешами. Встречали бы на почте нас как долгожданных друзей и ни в какой услуге связи не отказывали бы.

Возможно ли это?

Ну а то, как мы сейчас мучаемся и унижаемся, — так дальше возможно?

Евгений МЯГКОВ

Давали сосиски...

Я принадлежу к тем, кого в очередях не любят: я за справедливость...

В магазине «Продукты» на улице Герцена давали сосиски. Очередь была ужасная! Вилась, плелась, переплеталась — стояли друг за другом берлинской стеной. Понятно: сосиски. Сосиски нужны всем. Давно не видели. И вот что я заметила: очередь движется вроде бы быстро, но не уменьшается. Окажется, одни и те же люди, человек пять-шесть, купят свои полкило — и снова в очередь. Я подняла этот вопрос: на глазах у всех идет форменная скупка! Продавцы меня не поддержали:

— А нам какое дело? Мы покупателям в лицо запоминать не обязаны!

Но разве так уж и не обязаны? По правилам торговли, может быть, и не обязаны, но ведь в тех правилах ни слова нет о ситуации повального дефицита продуктов, ситуации, в которой оказались все мы. Если бы продавцам велели подготовиться к новым условиям, то возле прилавков не вспыхивало бы драк. Да и самих очередей могло бы не быть и, кстати, спекуляции, с которой от отчаяния перестала бороться милиция. Даже в самом нашем крупном магазине, в ГУМе, спекуляция идет открыто и безбоязненно...

Давали мужские сорочки. Тут же, рядом с секцией на втором этаже, эдак облокотясь о балконный парапетик, стояли десятки людей с теми же самы-

ми сорочками в руках и предлагали их купить не за 14.50, а уже за 25 рублей. Заранее согласна с теми, кто скажет, что это — прекрасно. Это якобы предприимчивость, которую в человеке нужно пробуждать, предприимчивость возводит небоскребы и рождает прочие прекрасные проекты века. Только я все же спросила двух продавщиц, которые впускали покупателей в секцию партиями, почему они допускают, чтобы рядом, у них на глазах, шла альтернативная торговля по «предприимчивым» ценам? Продавщицы вежливо послали меня... искать милиционера. Что ж, я пошла. Нашла. У выхода из ГУМа. Задрали мы с ним головы, смотрим на галерею, где идет вольная торговля рубашками. И он мне говорит (очень интеллигентно, сам в очках):

— Спекуляция-то это вроде бы спекуляция. А с другой стороны, и не спекуляция: хотите брать за 25 рублей — берите, не хотите — не берите. Свобода выбора. Да вы, говорит, так не переживайте, там наши люди в штатском ходят...

Если ходят, как и я, в штатском, что же, спрашивается, не видят того, что я? Купить сорочку за 14.50 и, не отходя от секции, продавать ее за 25 рублей — предприимчивость? Да какая в этом такая уж высокая предприимчивость? Стыд и совесть нужно потерять, чтобы так поступить. А если это считать предприимчивостью, то почему же

столь не предприимчивы наши торговые руководители? Ведь ничегошеньки придумать не могут, чтобы мы, покупатели, за всякой мелочью не выстраивались в очередь. В тех очередях идет борьба за место, происходят драки, хорошие люди начинают ненавидеть друг друга... Все из-за того, что торгующих, как специально, мало, а нас, покупающих, становится много. Немножко предприимчивости, побольше продавцов — и очередей ведь не будет!..

Мало того, что сосиски скупали так же открыто, как сорочки, — пакетами, но, по сговору с продавщицами, шли косяком их подружки из соседней парикмахерской: даже своих халатов, усыпанных волосиками, не снимая. Очередь, привыкая к любым несправедливостям, не только не молчала, но еще и на меня напала:

— Не мешайте, гражданка, продавцам отпускать товар! Только отвлекаете!

Это я-то отвлекаю!..

А когда дошла и моя очередь, и я, послушно предъявив «визитку», приобрела свои «полкило в руки», продавщицы, глядя прямо на меня, сказали, обращаясь ко мне в третьем лице, чтобы оскорбить сильнее:

— А этой не стоило и давать.

Вот такие сосиски...

Г. НОВИКОВА,
Москва

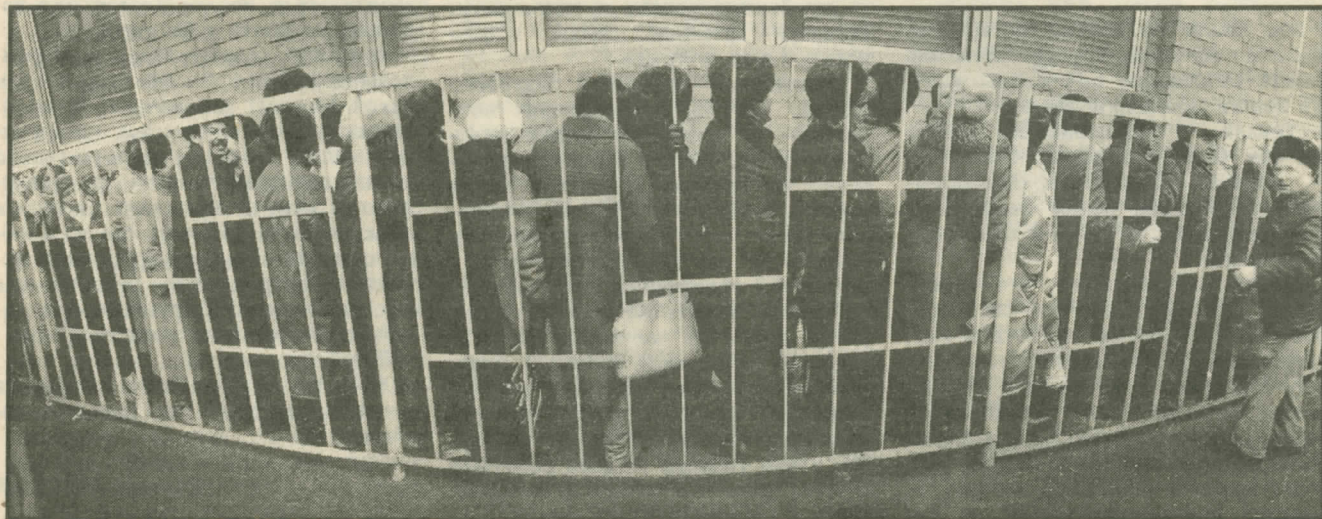

фото Г. Бодрова

Давали обувь — достался шампунь...

4 декабря нам, жильцам дома № 9, что находится на Чистопрудном бульваре, вручили долгожданное приглашение на покупку необходимых товаров в ГУМе. Вот обрадовались мы при этом! Благодарили наших депутатов из Бауманского района за проявленную о нас заботу...

Ранним утром 5 декабря мы все спешили в магазин. И, о боже! Что творилось там у входа! С большими препятствиями мы все-таки в магазин попали, а в магазине, к нашему ужасу, увидели многотысячную массу народа, бегающего по этажам в надежде «отквитать» обещанный дефицит.

В магазине, как нарочно, отсутствовала так нужная в этот день информация о товаре: обуви, одежде и прочем исчезнувшем с наших прилавков имуществе.

Мы с моей пожилой соседкой с трудом добрались до отдела обуви и заняли очередь в длинном ряду разутых, и, боже, что там творилось! Порядка никакого, милиция внутри ГУМа отсутствовала, хотя вокруг ГУМа, на улице, милиционеров было более чем в разумной необходимости.

За обувью стояли с 8.45 до 12.30 дня. Обувь кончилась, а бедные продавцы приняли на себя шквал недовольства и брани. Опять никакой информации, а мы, набравшись терпения, продолжали ждать и верить, что наше терпение не будет обмануто. Очередь лютовала, и что тут только не было, все негодование народа вылилось в импровизированный митинг. Становилось страшно за народ и за его долгое смирение — и тут прорвалось все: ну и досталось здесь нашему «родному правительству»... Слышали бы они там, на самом верху нашей Высокой власти, а послушав все это, уже больше не пытались бы говорить от имени народа и за народ. В залах магазина находилось много так называемых гостей столицы, но не лучших их представителей, а тех, кто занимается спекулятивным промыслом. Как они попали в ГУМ — не знаю, но такое множество их было, и так получалось, что они были хорошо отоварены и уходили из ГУМа с полными сумками.

У прилавков, где давали дефицит, отсутствовал контроль, не было депутатов.

Депутаты в это время находились в комнате администратора ГУМа. Дефицит скуднел, и толпы возмущенного народа из очереди за товаром переключали в очередь к депутатам района, от имени которых были приглашены в магазин, и там высказывали свое возму-

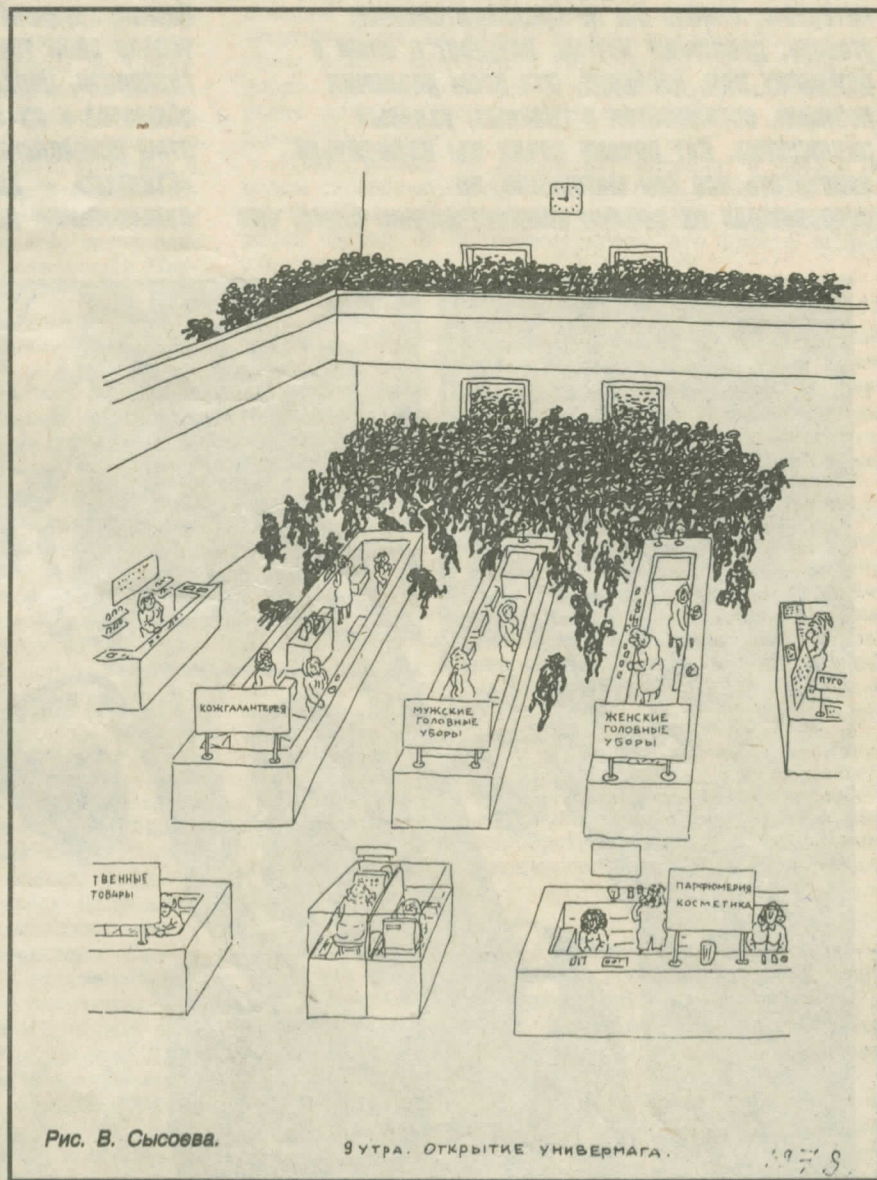

Рис. В. Сысоева.

9 УТРА. ОТКРЫТИЕ УНИВЕРМАГА.

щение за издевательство.

Почему, выдав приглашение на многотысячную очередь, депутаты не согласовали с администрацией магазина количество товара? Почему не было никакой гарантии покупки по приглашению?

И много, много «почему» относилось к депутатам. Кто заинтересован поставить галочку о проведенном мероприятии? Во что это вылилось и во что еще выльется!.

Итак, мы вышли из магазина измученные, с покупкой-дефицитом: флаконом заморского шампуня и двумя кусками мыла «Хозяюшка», тоже дефицитом...

Перестаю верить в «близкое светлое», а потому пишу это письмо вам, журналистам, в чью гражданскую и человеческую совесть верю, и призываю вас собирать мнение людей о власти — это и будет общественным мнением.

С. БАЖЕНОВ,
Москва

Три интервью, публикуемых в этом номере «Столицы», не заказывались редакцией и, следовательно, не задумывались нами как «круглый стол» по проблемам, столь остро и, казалось бы, неожиданно вставшим сегодня перед Русской Православной Церковью. Но каждое из трех интервью, словно бы по предварительному уговору, дополняет другие, вступает с ними в полемику или, наоборот, при всем различии позиций, соглашается в главных, узловых положениях. Вот почему сочли мы возможным напечатать все три материала, не сопровождая их своими комментариями, благо, они

и так достаточно красноречивы. Отметим лишь одно обстоятельство. На проходящих в последнее время под председательством Патриарха Алексия II Поместных Соборах и заседаниях Священного Синода все большее внимание уделяется не пышным празднествам, но будням Церкви, трудным и горестным. Передавая не только свои торжества, но и свои беды гласности, Церковь сама приглашает широкие круги общества к их осмыслению. Посильное участие в этом осмыслении, мы надеемся, примет и журнал «Столица» — как нынешней публикацией, так и дальнейшими материалами рубрики «Совесть».

Фото А. Мещерякова

СВЯТАЯ РУСЬ, КАМО ГРАДЕШИ?

— РПЦ — АГИТПУНКТ КГБ!

Катакомбная Православная Церковь образовалась в России в 1927 году. Движение возглавили митрополиты Петр, Агафангел, Иосиф, Кирилл и другие. Приверженцы Катакомбной Церкви не признавали за Советской властью права вмешиваться в церковную жизнь. Наряду с православной церковью в катакомбном движении в той или иной мере принимали участие все христианские конфессии России. Верующие, ушедшие в подполье, приняли на себя первый удар атеистическо-репрессивной кампании, инспирированной большевиками. Преданная Московской Патриархией, затравленная светской властью, Катакомбная Православная Церковь тем не менее и несмотря ни на что — жива.

Священник нынешней Катакомбной Церкви А. К. ВЛАСОВ пришел в нее в зрелом возрасте, совершил свой выбор сознательно.

— Катакомбная Церковь в своих истоках опирается на стремление значительной части Православной Российской Церкви к освобождению от государственной зависимости, отказу от методов произвола и насилия во внутрицерковной жизни, культивируемых государством. То есть ставится задача возвращения к христианским методам руководства церковной жизнью, основанным на любви и сострадании.

Поместным Собором 1917—1918 годов было восстановлено Патриаршество. Впервые за триста лет возникла надежда на независимость церкви от государства. Но в 1922 году «обновленцы» («митрополит» Введенский и др.) первыми предали заветы Собора, открыто встав на сторону большевиков.

Своим авторитетом и жертвенным примером Патриарх-мученик и исповедник Тихон удержал в те годы паству от падения. Однако после того, как он скончался под домашним арестом в Донском монастыре весной 1925 года, на путь использования во внутрицерковной жизни «авторитета» светской власти, основанного на запугивании верующих и прямых репрессиях против сторонников церковной самостоятельности, встали «сергиане» — сторонники митрополита Сергия (Страгородского). Они отказались от реформирования обрядности, но сохранили и даже культивировали дух раболепия перед новой, откровенно богоборческой властью, что позволяло последней, не затрагивая явно обряда, наполнить их угодным для себя содержанием.

Редкое размежевание Церкви на официальную и катакомбную произошло сразу же после опубликования митрополитом Сергием «Декларации», в которой он провозгласил «радости страны Советов нашими радостями, а неудачи — нашими неудачами». И это в то время, когда в заключении на Соловках уже не первый год томилось большое количество епископов, священников, мирян.

Слепо идя за своими «архипастырями», значительная, если не большая, часть православных верующих встала на сторону большевиков. То есть — верующие стали гонителями Христа. В этом глубинная причина трагедии русского православия.

— Но ведь в Священном Писании сказано: «Нет власти не от Бога».

— Апостол Павел пишет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены», разъясняя далее: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если делаешь зло — бойся, ибо он не напрасно носит меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

Итак, только те правители, которые в общем и целом способствуют соблюдению божественных и естественных законов, считаются властью с христианской точки зрения. В противном случае это просто шайка самозванцев.

— В официальной церкви всегда существовали священники-диссиденты. Можно назвать трагически погибшего отца Александра Меня, отца Глеба Якунина, подвергавшихся гонениям со стороны не только советских, но и духовных властей. Тем не менее ни отец Александр, ни отец Глеб не покинули рядов официальной православной церкви.

— Как и во всякой большой игре, мы видим здесь существование преднамеренного агитпункта в виде священников-диссидентов для демонстрации всему миру религиозной свободы в СССР. Судьба людей, выбравших для себя эту роль, особенно трагична, так как они, зачастую сами того не понимая и не желая, создают иллюзию жизни в официальной церкви и тем возвращают других и продлевают время распада этой церкви. Они, по существу, бальзамируют труп. За это их терпят до определенного предела.

Отец Александр Мень был талантливым богословом, проповедником, историком религии, одним его деятельностью стала приобретать опасные с точки зрения религиозной и государственной мафии размеры — он был убит.

— На Центральном телевидении появляются в последнее время «Воскресные проповеди», по коммерческому каналу регулярно «крутят» программы с участием средних лет священника в окружении штатных телевизионщиков. Официальная церковь ищет пути в народ... Удачно ли, на ваш взгляд?

— Телепроповедники наши не угодники Божии, а угодники начальству, потому и слова их, вроде бы формально правильные, не имеют силы. Вот и получается что-то вроде нудной жвачки. Из дьявольской троицы: КПСС, КГБ, РПЦ — два «лика» уже разоблачены. Перед РПЦ в лице Московской Патриархии, наоборот, входит в моду пресмыкаться, изображать ее хранительницей морали, духовных традиций, уважения к личности и т. д. Правда же горька. Воссозданная по инициативе Сталина, «сергианская» церковь была откровенно языческой, что явлено даже в ее названии, где на первое место поставлено «Русская», а затем уже — «Православная Церковь». До советского раскола отечественная церковь называлась Православной Российской Церковью. Это и естественно, ибо РПЦ —

детище Сталина, верой и правдой служившее самому чудовищному тирану, какого когда-либо знала история. Такой РПЦ остается и по сей день — духовно репрессивной организацией. Театральное благолепие в ней направлено на обезличивание человека. Поощрение раболепия и смирения перед злом постоянно воспроизводит благоприятные условия для нового деспота.

— *Сегодня самое популярное слово в официальных документах Русской Православной Церкви — «раскол». В «Заявлении Священного Синода» Московская Патриархия обвиняет греко-католиков (униатов) в «нарушении нормальной церковной жизни на Украине», Священный Синод обвиняет в попустительстве и «поддержке» требований греко-католиков «некоторых деятелей» РУХа и местные Советы... Что вы об этом думаете?*

— Конфликт в основе своей от начала до конца создан и спровоцирован самой Московской Патриархией, во все времена послушно выполнявшей волю партократии, активно принимавшей участие в фальшивом соборе 1946 года (г. Львов), на котором было объявлено о самороспуске греко-католической церкви. Вплоть до последнего времени ушедшая в подполье Униатская церковь не раз обращалась к Московской Патриархии с просьбой о возвращении храмов. Но это был глас вопиющего в пустыне. Теперь Патриархия воздевает руки и разыгрывает из себя ни в чем не повинную жертву.

Как-то, летом 1989 года, я вместе с униатами стоял напротив Московской Патриархии в Чистом переулке. На мой вопрос, обращенный к представителю Патриархии: «Как же так, вы уживаетесь с атеистами и коммунистами и не можете найти общего языка с братьями во Христе?», он ответил: «Атеисты — это люди, которые еще не знают Бога, и поэтому их можно обратить, тогда как католики сами идут к дяволу и пытаются совратить других!»

— *Есть ли у Катакомбной Церкви свои храмы, своя печать?*

— У нас нет ни храмов, ни типографии, ни печатного органа. Правда, мы пытаемся получить храм, приобрести ксерокс, но пока все наши усилия тонут в откровенной волоките и недоброжелательстве. Московская Патриархия раньше называла нас контрреволюционерами, потом делала вид, что нас совсем не существует, теперь же развязно и бесовски претендует на роль арбитра и судьи в вопросах каноничности Катакомбной Церкви. К сожалению, в этом в последнее время с большим энтузиазмом помогает ей Зарубежная (Карловацкая) церковь. Ранее в статьях и книгах Зарубежная Церковь признавалась в пламенной любви к гонимой Катакомбной Церкви. Когда же эту любовь стало возможным проявить реально, то оказалось, что в их «чистое» православие никто из иерархов Катакомбной Церкви войти не может без отречения от мучеников и исповедников, стоявших у истоков катакомбного движения.

Русский человек стал человеком очень гордым и потому глупым и несговорчивым. Гордые люди, представленные сами себе, неизбежно переделаются, а потом отдадут себя в подчинение деспоту. Гордость приводит к рабству перед высшей мирской властью, но даже и в этом скотском состоянии человек, как показывает опыт многих деспотий, продолжает себя тешить национальной исключительностью и превосходством над всеми остальными нациями. Чем же мы тешили? Чистотой православия, пребывающей только у нас,

считали себя избранным, вторым Израилем, надорвались в этой претензии, сменили ее на «самое передовое и единственно верное учение» — марксизм-ленинизм, теперь же снова возвращаемся к первому. В этом смысле Зарубежная (Карловацкая) и РПЦ по существу не отличаются друг от друга. Обе — националистичны, и спор их — о частностях.

— *Не является ли легализация, регистрация катакомбных общин парадоксом, нарушением традиции? Или в этом — надежда на разрешение трагической истории Катакомбной Церкви?*

— Регистрация общины нужна прежде всего для получения храма, ибо красота православного богослужения может быть раскрыта во всей полноте только в нем. Трудность же заключается в том, что храм требует больших, непосильных для общины верующих затрат на содержание и реставрацию. Если же храм использовать для выкачивания денег из верующих, то в нем исчезает община как Церковь. Мы надеемся найти богатых покровителей, а в будущем добиваться того, чтобы реставрацию храмов проводило за свой счет государство. Мы легализовались, чтобы проложить дорогу к каменному храму, не вступая ни в какие компромиссы с властями.

Я не хочу изображать Катакомбную Церковь как некую идиллию, где царят тишь да гладь, да Божья благодать. Нет, в ней много своих проблем, главная из которых — имперское сознание, имперский дух, в большей или меньшей степени продолжающий порабощать души верующих всех православных российских церквей. Его основные признаки: гордыня в виде претензии на исключительное обладание Истиной, подозрительность и нетерпимость, наиболее ярко проявляющиеся как большевизм, то есть признание воли большинства как воли Божьей и подавление меньшинства, даже как умственного идеального течения.

Верующие, ушедшие в подполье, в катакомбы, ужаснулись откровенно сатанинским устремлением новой империи и официальной церкви, не признали их духовной власти над собой. В условиях гонений Катакомбная Церковь состояла из нескольких священников, мирян и епископа — главы ее. Миряне здесь не пассивные прихожане, а полноценные члены церкви, принимающие участие в ней в зависимости от данного Богом дара и от степени развитости этого дара. Все, как правило, хорошо знают службу, поют, читают по церковнославянски. Как отдельные катакомбные общины, так и целые церкви разнообразны по форме. Есть общины с монашеским уклоном, есть интеллектуально-философские, есть делающие акцент на милосердии и благотворительности. В этом разнообразии большую роль играет личность епископа, священника. Предстоять Богу, взваливать на себя по мере сил бремя решений не только личных, но и соборных, нравственно-духовных проблем спасения — дело, требующее прежде всего постоянного упования на Бога, но также и личного мужества, долготерпения, любви и умения рисковать.

Однако крестный путь этот дает возможность ощутить жизнь подлинную, соприкоснуться с неземной радостью, делающей все страдания ничтожными.

**Беседу вел Юрий ГОНЧАРОВ,
редактор Независимого
редакционно-издательского
объединения «Февраль»**

— ЗА НАМИ — ПРАВДА БОЖИЯ!

Сергей Вольевич Энгельгардт — глава Всероссийского православно-монархического Ордена-Союза (ПРАМОС), существующего с 1924 года. Сегодня же он выступает в «Столице» в качестве ином — как староста православной общины Св. Царя-Мученика Николая и всех Новомучеников и Исповедников Российских. Эта община, насчитывающая около 600 человек, — одна из восьми (по положению на декабрь 1990 г.), заявивших о своем переходе в юрисдикцию Русской Церкви Заграницей. Все они безуспешно пытаются зарегистрироваться в местных органах Советской власти. В чем камень преткновения?

— Мы, к примеру, пытались зарегистрироваться еще по старому законодательству. Нам отказывали, говоря: подождите Закона о свободе совести — и уж тогда мы вас зарегистрируем. Сегодня — заявляют: новые общины будут регистрироваться только с 1 июля 1991 года, согласно особому пункту о вступлении закона в силу. В это соответствие букве Закона хотелось бы верить, если бы не некоторые обстоятельства.

Как только наша община подает заявку на какой-то храм, тут же следует отказ. А буквально на другой день объявляется созданная Московской Патриархией община, претендующая на тот же самый храм.

Идет согласованное противодействие, борьба с нами и со стороны исполкомов, и со стороны Московской Патриархии, и со стороны КГБ. — всем им нужна церковь подчиненная, послушная, покорная.

Все это тем печальнее, что одновременно в Москве регистрируются кто угодно: сектанты, кришнаиты, зарегистрирован даже «Храм Сатаны»! А мы до сих пор остаемся изгоями...

Увы, мы пока не в силах предать ситуацию гласности, ибо руководство РПСЦ практически блокировало все средства массовой информации. Люди в своем отношении к нам опираются на малодостоверные слухи и откровенную клевету...

Обыкновенно нас в советской печати именуют «раскольниками». Вот почему я хотел бы, пусть вкратце, упомянуть здесь об «истории раскола», доселе умалчиваемой и попросту неведомой широкому кругу наших соотечественников.

В 1917 году на Всероссийском Поместном Соборе, созванном в Кремле, Патриархом был выбран Преосвященный Тихон. В январе 1918-го Святейший Патриарх подверг анафеме коммунистов-безбожников и всех сочувствующих им. В том же году на территории, занятой Белой Армией, было создано Церковное Управление. После разгрома Белого движения сотни тысяч русских оказались в эмиграции. С ними разделили участь много священников и епископов. Сначала в Константинополе, затем в Югославии они организовали такое же Управление, какое было на Юге России во дни смуты.

В начале 20-х годов гонения на Церковь в Совдепии усилились. Сам Патриарх был арестован и посажен в тюрьму. Большевики не посмели осудить его, как многих епископов, посланных на Соловки, а тем более — лишить жизни. Но угроза эта над Святейшим Тихоном висела до последних его часов. Большевики угрожали ему, впрочем, кое-чем пострашнее — намерением, под предлогом борьбы с контрреволюцией и шпионажем, уничтожить все русское духовенство. Патриарх вынужден был приказатьграничному Церковному Управлению закрыться. Епископат за границей подчинился своему Первосвятителю, но возобновил свой центр заново — уже не на основании преемственности от Церковного Управления Юга России, а руководствуясь Патриаршим Указом, изданным двумя годами ранее, но лишь теперь дошедшим до «русской пасты, в рассеянии сущей»: в нем повелевалось всем епископам, которые окажутся за границей, держаться вместе, выбрать старшего из своей среды и управляться самостоятельно.

25 марта 1925 года Патриарх Тихон умер. До сих пор не опровергнута версия его отравления большевиками. Местоблюстителем Патриаршего Престола стал по традиции митрополит Крутицкий Пётр, вскоре арестованный и отправленный в концлагерь, где он впоследствии и погиб. К исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя приступил митрополит Сергей.

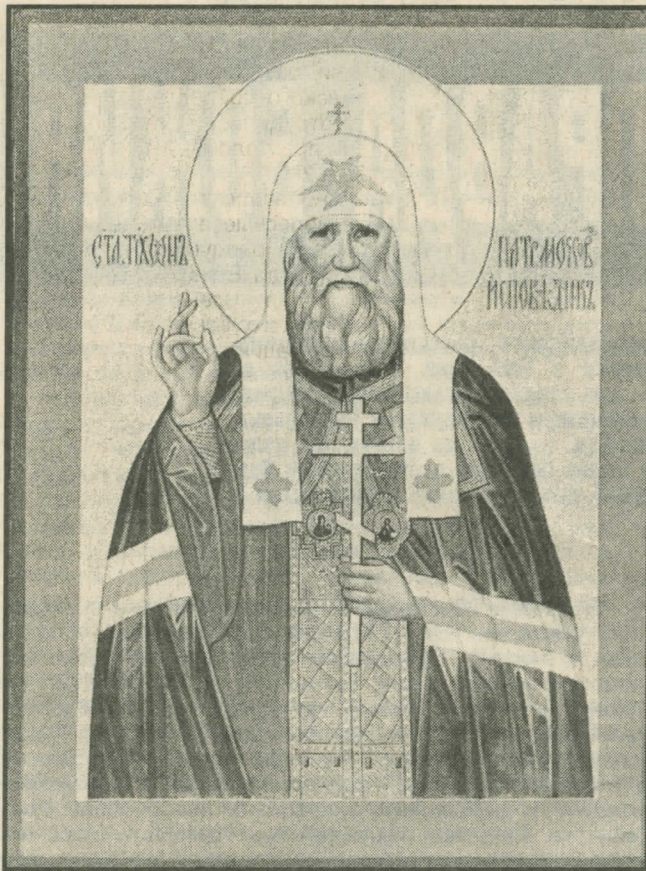
Первое время он, как и его предшественники, занимал достаточно твердую позицию в диалоге с безбожной властью. Но в ноябре 1926 года последовал арест — и случилось непоправимое.

Выйдя из тюрьмы, митрополит Сергей публикует «Декларацию», в которой заявил, что Советская власть — законная, а те, кто пострадал от нее (в том числе и за веру), — заслужили свое наказание.

«Декларация» расколола Церковь и в России, и за границей.

В настоящее время за рубежом Русская Церковь разделена на четыре юрисдикции:

1. Московский Патриархат, подчиняющийся «советскому» Священному Синоду;
2. Американская Церковь, провозгласившая себя

Канонизация Патриарха Тихона стала своего рода завещанием Патриарха Пимена. Канонизирует ли Алексей II царя-мученика Николая II ?..

«автокефальной» и запятнанная связью с Советами;

3. Западноевропейская Архиепископия, фактически подчиненная Константинопольскому Патриарху;

4. Русская Церковь Заграницей, с прошлого года принявшая название Российской Православной Свободной Церкви. Этим подчеркнуто было, что с образованием на территории СССР приходов РПЦ в изгнании наконец-то объединились две части Церкви, которые разделены были лишь территориально, «железным занавесом»... Да и территориальное разделение не мешало нам чувствовать, что «Церковь — едина», что она — Тело Христово...

Любопытно, что в изданном недавно в «Политиздате» сборнике «Православие в наши дни» РПСЦ, объединяющая миллионы православных в России и по всему миру, даже не упомянута! Будто ее никогда и не существовало!..

— **Сергей Вольевич, я знаю, что прошлый год был отмечен оживленной «перепиской» руководства Русской Церкви Заграницей и Русской Православной Церкви (в Москве). Справедливости ради стоило бы все эти послания опубликовать, сделать общедоступными. Опубликованы, увы, лишь тексты «нашей стороны» — да и то в малодоступном «Церковном Вестнике».... Эта полемика продолжена двумя интервью с Патриархом Алек-**

сием II — в «Литературной газете» (28 ноября) и в телепрограмме «Взгляд» (7 декабря)..

— Интервью Алексея II могут произвести впечатление лишь на человека, незнакомого с историей Русской Церкви в XX веке. «Декларацию» Сергия Алексий II объявляет сегодня чуть ли не патриотическим деянием! Он прямо заявляет: «Мы не считаем, что позиция, занятая с 1927 года митрополитом Сергием, а затем и последующим церковным руководством, принесла вред Церкви и народу».

— А что же она принесла, позвольте спросить?!

Это ведь был союз не с какой-то новой властью, среди многих других, а с ипостасью Сатаны...

Здесь я просил бы разрешить мне длинную цитату. Она взята из «Послания Архидиаконника Синода Русской Православной Церкви Заграницей» от 27 июля 1990 года. Речь идет о секретном документе брежневских времен — докладной записке членам Политбюро ЦК КПСС тогдашнего первого заместителя председателя Совета по делам религии Фурова. Тайное всегда становится явным — и этот текст получил широкое хождение в самиздате. Цитирую:

«Он (Фуров) среди прочего отмечает, что совет ведет систематическую «воспитательную работу» с членами Синода, которые «на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах, и в этом же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе, и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения». Далее в докладе Фурова дается оценка степени надежности разных членов епископата с коммунистической точки зрения. На первое место он поставил Патриарха Пимена, а на второе — ныне избранного Патриархом митрополита Алексея. Его Фуров в своем докладе относит к группе иерархов, которые «доказали свою лояльность не только на словах, но и на деле» и, «соблюдая законы о религиозных обрядах, наставляют настоятелей приходов и прихожан в том же духе. Они знают о правительственной линии не расширять религию и роль Церкви в обществе и поэтому не стремятся распространять влияние религии на народ».

Такой человек, что бы он ни писал, в изменившихся условиях, не может заслуживать доверия паствы. И когда он старается заклеить нас именем «раскольников», когда старается приписать нам якобы нарушение данной при хиротонии присяги верности Московскому священноначалию, мы прежде всего должны напомнить ему, что в нашей среде нет ни одного епископа, давшего такую клятву на верность нынешней Московской Патриархии...»

— **Да, что называется не убавить, не прибавить...**

— И в ответ на эту часть доклада бывшего куратора Церкви по ведомству ЦК и ГБ «Воззвание» Московской Патриархии неуклюже оправдывается тем, что, мол, «авторы послания не гнушаются и выпадов личного характера против новоизбранного Святейшего Патриарха, основанных на источниках, которые с церковной точки зрения не могут заслужить доверия».

Ах, если бы Московская Патриархия почаще вспоминала о «церковных точках зрения»...

Кстати, знаете ли вы, что в одном из своих интервью экс-генерал КГБ О. Калугин прямо заявил, открытым текстом, что в Синоде у КГБ есть свои агенты? И Московская Патриархия на это никак не отреагировала, косвенно подтвердив своим молчанием справедливость слов О. Калугина!..

— Но в «Воззвании» Архиерейского Собора РПЦ есть обнадеживающие слова о покаянии: «Церковь-Мать долго проявляла снисхождение к своим заблудшим сынам, несмотря на то, что в тяжкие годы гонений их безответственное поведение углубляло ее раны и увеличивало ее мучения. И сейчас мы по-прежнему готовы все понять и все простить...»

— Простите, но кого они могут простить? Христиан, доказавших своим мученичеством стойкость христианства?

Эти люди гонимы и сегодня. И Церковь-Мать, «готовая их понять», применяет к ним насилие, достойное злой мачехи.

В Севастополе, где перешел под омофор РПЦ Никольский собор, 4 октября он был силой захвачен священниками Московского Патриархата при содействии советских властей.

7 октября таким же образом был захвачен Троицкий храм в селе Голочелово Ступинского района Московской области.

Сегодня, конечно, прямое насилие употреблять все труднее. И идут в ход другие ухищрения. Настоятеля Покровского собора в Уссурийске, к примеру, публично оклеветали, обвинив в том, что он «продал храм американцам».

А взять нашумевшую «суздальскую историю»! Сколько грязи вылило было на отца Валентина и его паству. Тоже обвиняли чуть ли не в сотрудничестве с ЦРУ (по аналогии с КГБ, что ли?)...

Знаете, когда приход о. Валентина переходил под омофор РПЦ, когда там была учреждена митрополичья кафедра, я оказался на этом празднике. Прибыли епископы Иларион Манхэттенский и Нью-Йоркский, Марк Германский, богослужение возглавил наш архиерей епископ Лазарь. Храм был полон прихожан, шло глубокое молитвенное общение. Весь город собрался там! А в это время, нарочно, рядом передавали музей — под храм. Привезли туда собранных по району неизвестных людей, которые стали изображать службу. Пел прекрасный хор. Экспонаты сдвинули в сторону. И вокруг ходили «дяди в черных шляпах». А потом они все сели по автобусам — и уехали. И бросили освященный престол. И теперь там снова музей. Вот такое кощунство...

Почему я говорю об этом? Потому что слишком много перемен в жизни Церкви сегодня носят идеологический характер. Церковь пытаются взять «не битьем — так катаньем»...

— Но ведь есть очень эффектные эпизоды в новейшей истории Русской Православной Церкви в СССР: богослужение в Успенском соборе, в Исаакиевском и Казанском, закладка Казанского собора на Красной площади...

— Я отношусь к этому так же, как и к воскресным телепередачам «о нравственности», где иерархи ухитряются за 15 минут ни разу не упомянуть имя Божие. Что касается Успенского собора — мало кто знает, что там даже не потрудились убрать туалет, расположенный прямо за престолом. Как же там вообще можно было служить?!

Все это — действительно эффектные, придуманные «наверху» и вполне безопасные аттракционы. Их задача, помимо всего прочего, предупредить любую инициативу, исходящую от Народа Божия.

В прошлом марте мы учредили Всенародное общество ревнителей памяти Великого Государя Николая II, благотворительную организацию, главная задача которой — возведение Храма на крови в память Святых Царственных мучеников на месте Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Об этом была оповещена общественность. И вдруг совсем недавно газеты и ТВ с гордостью сообщают, что Свердловский исполком передал эту землю... Патриархии! Под часовенку...

Если говорить о передаче храмов — совершенно непонятно, почему все они должны принадлежать исключительно Московской Патриархии? Мы полагаем, что наша Церковь вправе предъявить свои права на те храмы, с кафедр которых епископы были за несогласие с Декларацией 1927 года отправлены в лагерь и на смерть...

— Сергей Вольевич, ну вот теперь у вас несколько иное положение, чем, скажем, год назад: глава приходов РПЦ на территории СССР епископ Тамбовский и Моршанский Лазарь стал членом Архиерейского Синода, побывал в Канаде, где при его участии было выработано и принято упомянутое «Послание» и соответствующие юридические акты, ставленнические грамоты. Дай Бог вам добиться хоть какого-то статуса и здесь, в России. Но в «Воззвании» РПЦ подчеркивается, что число «мятежных клириков и мирян», заявивших о выходе из-под «советской» юрисдикции в «зарубежную», очень невелико... Какая наблюдается, по-вашему, тенденция в этом плане?

— Есть тенденция к росту. И довольно быстрому. Думаю, если бы нам не чинили препятствий с регистрацией и передачей храмов, мы могли бы уже сейчас открыть сотни приходов по России.

Люди помнят: блаженны гонимые за правду. И поскольку мы до сих пор остаемся гонимы, как при всех временщиках большевистского режима, это служит перед людьми свидетельством того, что за нами — Правда Божия.

Вел беседу руководитель объединения русской духовной поэзии «Имени Твоему» Евгений ДАНИЛОВ

— К ПОКАЯНИЮ — ОТ ВЗАИМНЫХ ОБВИНЕНИЙ

— Отец Михаил, все мы отчетливо видим, что празднование 1000-летия Крещения Руси оказалось тем рубежом, за которым жизнь нашей Церкви, ее положение в обществе заметно переменялось. Уже одно то, что Евангелие стало вседоступно, — событие для СССР эпохальное, о последствиях которого можно лишь догадываться. Проблемы церковной жизни открыто обсуждаются в печати. Даже самые болезненные, самые деликатные, «внутрицерковные...». Но вот на что я обращаю внимание. Пишут об этом, с одной стороны, известные публицисты, церковные журналисты и религиозные диссиденты; с другой — лица официальные, как правило, митрополиты, включенные в общественно-политическую жизнь страны — и, стало быть, в определенном смысле, зависимые...

Практически не встречаешь в «перестроечной» печати мнение рядового священнослужителя... Вот, собственно, что заставило нас обратиться к вам: вы — настоятель сельского храма в тихом углу Московской области. Но ведь вы, простите за выражение, — «пастырь пишущий»: опубликованы ваши воспоминания об Ахматовой, в журнале «Континент» печатается эссе о Зоценко, привлекла внимание многих статья «Соблазн политики» в газете «Рабочая трибуна»; наконец, издается (правда, под псевдонимом «Нарбеков») самобытная ваша проза... Вы стали священником не в самое благоприятное — «брежневское» время. Не могли бы вы поделиться своими наблюдениями относительно нынешнего состояния Русской Православной Церкви?

— Не без некоторого смущения я решаюсь отвечать на ваши вопросы. Года три тому назад, когда пресса только начинала касаться этой тематики, все было в новинку, хотелось читать эти публикации, хотелось и самому высказывать свое мнение... Но теперь, с развитием новейшей гласности, я всякий раз не без тревожного чувства открываю газету или журнал — не дай Бог, опять наткнешься на какое-нибудь очередное сенсационное разоблачение, ибо так называемые «церковные писатели», да и некоторые клирики высказываются о Церкви и об иерархии в совершенно непозволительном тоне, приводят сомнительные факты, распространяют недостоверные слухи.

На мой взгляд, это объясняется двумя причинами. Во-первых, всеобщим одичанием нашего общества, которое не могло не коснуться и членов Церкви. Но есть тут и другая, более существенная. То, что мы теперь читаем и слышим о Православной Церкви и ее иерархии, старо как мир. Примерно те же самые обви-

нения выдвигались в свое время и Лютером, и Вольтером, и Львом Толстым, и Владимиром Соловьевым, и многими деятелями «русского религиозного ренессанса» — словом, «обновленцами» всех времен и народов.

Да, у иерархов, как и у мирян, всегда были и есть недостатки и даже пороки... но это не заслоняет главного: того, что Церковь — не только сообщество несовершенных людей, но «Столп и Утверждение Истины».

Заметьте, ни у одного из настоящих подвижников веры и благочестия мы никогда не найдем претензий к церковной организации вообще и к иерархии в частности. Этого нет ни у Преподобного Серафима Саровского, ни у Святителя Феофана Затворника, ни у Праведного Иоанна Кронштадтского... Хотя невозможно предположить, чтобы святые чего-то не видели, не замечали или знали о Церкви и ее положении меньше, чем Лев Толстой, Владимир Соловьев или обновленческий «митрополит» Александр Введенский...

Вернемся, однако же, к проблемам сегодняшнего дня. К великому сожалению, я принужден констатировать, что Русская Православная Церковь входит в полосу таких смут и нестроений, которые по масштабу своему могут быть сравнимы лишь с тем, что произошло в двадцатые годы.

Надвигающаяся сумятица чрезвычайно вредно отражается на ситуации в стране. Во-первых, потому, что православные составляют не один десяток миллионов, а во-вторых — потому, что церковные деятели вместо того, чтобы выполнять свою миссию — проповедь нравственности, призыв к самоограничению и восприятию духовных ценностей, будут заняты борьбой различных юрисдикций, взаимными обвинениями и ссорами.

В нашей среде сегодня слышатся возмущенные голоса по тому поводу, что «карловчане захватывают наши приходы», что они проникают на территорию нашей страны. Однако удивительного и неожиданного в этом ничего нет, ибо одной из главных идей, вдохновлявших в течение долгих десятилетий жизнь Русской Зарубежной Церкви, была именно идея возвращения на Родину! И мудрено ли, что при первой же возможности идея эта стала осуществляться?..

Тут следует заметить, что под омофор Зарубежной Церкви уже теперь зачастую переходят отнюдь не худшие из наших клириков, предпочитая иерархию, которая в гораздо меньшей степени была вовлечена в политику и не скомпрометировала себя угодничеством перед безбожными властями.

Тем же, кто особенно возмущается «захватом наших приходов», следует вспомнить историю. Кто с

Старостотерпец или вероотступник?.. Патриарх Сергей — самая загадочная фигура истории Русской Церкви XX столетия.

помощью израильского правительства отобрал у Зарубежной Церкви едва ли не большую часть имущества в Святой Земле?.. Кто отобрал у них собор в Берлине?.. Всего несколько лет тому назад в «Журнале Московской Патриархии» было опубликовано письмо покойного Патриарха Пимена к правительству ФРГ с требованием конфисковать у Зарубежной Церкви все имущество, принадлежащее ей на территории Германии...

— Как известно, осенью прошлого года в Москве состоялся архиерейский собор Русской Православной Церкви, который специально занимался проблемой раскола с Зарубежной Церковью и принял «Воззвание к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви».

— Могу сказать, что многое в нем производит отрадное впечатление. И прежде всего высказанная там готовность к открытым и честным переговорам: «...Мы готовы к проведению в Москве или в любом другом месте широкой дискуссии (в рамках научно-церковной конференции или иным образом) по всем вопросам жизни нашей Русской Православной Церкви в текущем столетии, и особенно в связи с Декларацией 1927 года».

На чем основаны мои надежды? На здравом смысле.

В свете последних разоблачений кровавой сталинской тирании лукавство и цинизм «Декларации» митрополита Сергея ясны, как никогда прежде. Рассматривать этот документ можно с самых разных точек зре-

ния, наиболее существенными представляются три из них.

Первая — психологическая. С этой точки зрения «Декларация» суть попытка слабыми человеческими силами, с помощью лжи и умолчания спасти Церковь, и даже не самую Церковь, а хотя бы часть ее членов и служителей Алтаря.

Засим существует точка зрения каноническая, церковная. Тут «Декларация» выглядит как апостасия — отречение от крови и дела новомучеников российских.

И, наконец, третья позиция, которую я бы назвал юридической. С этой точки зрения «Декларацию» митрополита Сергея можно считать предвозвестником последовавших через десять лет знаменитых московских процессов, на которых подсудимые публично оговаривали себя, признавали мнимую вину свою и своих товарищей, говорили о безусловной правоте убивавшего их сталинского режима. Хвала Господу, что мы дожили до таких времен, когда можем говорить об этом открыто и называть вещи своими именами. А посему Русской Православной Церкви от Декларации 1927 года следует не только публично отречься, но и, употребляя усвоенную нашими гонителями библейскую терминологию, «отряхнуть ее прах с наших ног».

— В «Воззвании» архиерейского собора нашей Церкви, однако, высказывается «дань глубокого уважения памяти Патриарха Сергея» и выражается ему благодарность за его «борьбу за выживание Церкви в тяжелые для нее годы гонений». Не перечеркивает ли этот пассаж вышесказанное?

— Митрополит (Патриарх) Сергей — фигура трагическая. Трудно сомневаться в искренности его попытки «легализовать» Православную Церковь и установить нормальные отношения с тогдашними властями. Но просчет его был в том, что он, священник и богослов, пытался заключить конкордат... с уголовниками. А с блатными, как известно, никакие уговоры заключать нельзя. Ведь Сталин был уголовником в прямом, юридическом смысле слова (вспомним о его активном участии в большевистских «экспроприациях»). Не следует забывать и то, что «выжить» нашей Церкви помогла не столько «мудрость» митрополита Сергея, сколько разразившаяся между Гитлером и Сталиным война, в ходе которой на оккупированных немцами территориях стали открываться закрытые большевиками храмы.

Тут позволю привести достоверный анекдот.

Один пастырь военного времени, никогда не поминавший за богослужением Сталина, молился — ходили такие слухи — за Гитлера. Когда его спросили впоследствии, правда ли это, он простодушно отвечал: «Ведь он — благодетель мой!» (на каждой литургии возглашается молитвенное прошение о здравии «благодетелей, благоуказателей и создателей святого Храма сего»)...

Митрополит Сергей горько ошибался, полагая, будто взамен лжи ему будет позволено властями оставаться «ревностным приверженцем Православия со всеми его догматами и преданиями, со всем каноническим и богослужебным уставом». Настало время — и иерархию нашей Церкви, вопреки канонам и догматам Православия, втянули, а лучше сказать, втолкнули, уже не в коммунизм, а в экуменизм.

— Вы не могли бы, отец Михаил, сказать об этом подробнее? Тем более, что участие в экуменическом движении — один из пунктов обвинения, которое предъявляется сегодня Зарубежной Церкви Московской Патриархии.

— Каноны Вселенской Православной Церкви издре-

вле категорически запрещают нам совместные моления с инославными. Кстати, митрополит Сергей в этом отношении был безупречен. Мне вспоминаются его слова, сказанные о каком-то имеющем быть экуменическом собеседовании: «Мы, православные, относимся к присоединению к нашей Церкви инославных, как к спасению утопающих. Странно было бы, если бы утопающий со своей стороны выставлял спасающему какие-то условия».

До конца пятидесятых годов Русская Православная Церковь в вопросах экуменизма стояла на позициях строго канонических. Однако же к шестидесятому году Хрущев и Суслов посчитали для себя выгодным вольечь в свою международную деятельность Церковь.

Теперь этот факт уже не составляет никакого секрета. В сентябре 1989 года в Москве состоялась Международная Церковная конференция, на которой с пространном докладом на тему «Русская Православная Церковь при Святейших Патриархах Сергии и Алексии» выступил священник Сергей Гордун. Доклад был составлен на основе рассекреченных ныне документов из архива Совета по делам религий, и отсюда мы узнаем, что наша Церковь была вынуждена примкнуть к экуменическому движению по прямому приказу гражданских властей. В докладе о С. Гордуна, в частности, говорится: «В записи беседы Патриарха Алексия с В.А. Куроедовым, состоявшейся 15 сентября 1960 г., имеется такая фраза: «Патриарх принял рекомендацию Совета о вхождении Русской Православной Церкви в члены Всемирного Совета Церквей и расценил это как крупную акцию со стороны Русской Православной Церкви в ее деятельности за рубежом»...»

Кстати, в этот «совет» до сих пор не входят даже Римские Католики — у них там статус наблюдателей...

— В «Воззвании» архиерейского собора говорится, что «участие в деятельности Всемирного Совета Церквей уже в течение нескольких десятилетий всех Поместных Православных Церквей дает им возможность свидетельствовать перед лицом остального христианского мира истинность хранимой ими веры». Как бы вы прокомментировали это утверждение?

— Мне представляется, что «истинность хранимой веры» свидетельствуется не на конференциях и встречах, а тем обстоятельством, что Православие хранит евангельское и святоотеческое учение в неповрежденном виде. Что же касается Всемирного Совета Церквей, то, насколько я могу судить, эта организация в высшей степени политизированная, предметы ее забот — свободы и права человека, социальное и расовое неравенство и т. д., и т. п. То есть вовсе не то, о чем христианам надлежит иметь свое главное попечение.

Поймите меня правильно, я вовсе не хочу призвать к тому, чтобы православные отделили себя глухой стеной от прочих христиан. Мы могли бы перенести свое сотрудничество с ними из политической сферы в моральную. Могли бы вместе бороться против наркомании и СПИДа, против чудовищного распространения абортов, против порнографического и кощунственного искусства...

— Кажется, гласное осуждение порнографии есть еще одно требование, которое выдвигается представителями Русской Зарубежной Церкви в их послании к нам, живущим в Стране Советов?

— Совершенно верно. И хочу сказать, что требование — вполне справедливое. Увы! Мерзость эта во всех видах, от видеолент до мелких сувениров, буквально наводнила страну. Достоин удивления и сожаления то, что практически ни один из теперь уже мно-

гочисленных депутатов в священном сане не уделил сей проблеме сколько-нибудь существенного внимания. В который раз они ждали, когда их (!) решение примет за них Горбачев...

— Отец Михаил, особым пунктом, разделяющим позиции Зарубежной Церкви и Московской Патриархии, следует назвать прославление Новомучеников Российских...

— Насколько я знаю, да и самое «Воззвание» архиерейского собора о том говорит, прославление новомучеников в нашей Церкви готовится. Еще совсем недавно камнем преткновения был вопрос о канонизации последнего русского Царя и его семейства, которые были вероломно и зверски убиты в 1918 году. Противники прославления царственных мучеников указывают на политический элемент, будто бы присутствующий в данном акте. Однако же люди эти, сами того не замечая, ударяются именно в политику, повторяя прямую клевету, которую в начале века возводили на Государя Императора и его семью многочисленные враги Российской монархии. Тем, кто сомневается в правомерности прославления Императора Николая II, я бы рекомендовал обратиться к истории Церкви и осознать тот факт, что первыми канонизированными русскими людьми были Святые страстотерпцы князя Бориса и Глеба, которые приняли страдания и смерть не за открытое исповедание веры Христовой, а потому только, что хотели избавить свою страну от междоусобной брани. А что иное, как не это самое желание, заставило Царя-мученика Николая Александровича отклонить предлагаемую кайзером Вильгельмом помощь и в конце концов привело августейшую семью в подвал ипатьевского дома?..

— Из ваших ответов следует, что вы признаете совершённую правоту Русской Зарубежной Церкви в ее споре с Московской Патриархией? Так ли это?

— Я бы не хотел, чтобы у кого-нибудь сложилось подобное впечатление. Позиция Зарубежной Церкви по отношению к нам отнюдь не безупречна, а иногда и просто нелогична. В «Послании архиерейского собора Русской Православной Церкви Заграницей» от 16 мая 1990 года мы читаем, в частности, такое: «Верим и исповедуем то, что в храмах Московской Патриархии, в тех из них, в которых священник горячо верит и искренне молится, являясь не только служителем культа, но и добрым пастырем, любящим своих овец, по вере приступающих, подается в таинствах спасительная благодать». Весьма странно читать подобное за подписью нескольких православных иерархов — ибо так рассуждать могут только люди нецерковные. Можно признавать спасительность и силу таинств какой-нибудь Церкви или не признавать их вовсе, но уж никак нельзя ставить это в зависимость от нравственных и духовных качеств каждого из совершителей таинства.

В процессе примирения нашей и Зарубежной Церкви (а это сейчас насущно необходимо в интересах всего Православия и нашей многострадальной Отчизны) и нам, и им есть в чем покаяться. Но мы уповаем, что с помощью Божией можно преодолеть все разногласия и разномыслие, если от прещений и обвинений перейти наконец-то к смиренному признанию собственных своих бед и недостатков.

Вопросы задавал
обозреватель «Столицы»
Михаил ПОЗДНЯЕВ

ЕСЛИ ВЕРИТЬ В ПЕРСПЕКТИВУ

18 мая 1989 год Министерство финансов зарегистрировало совместное советско-итальянское предприятие «Антарекс СУ»

Учредители «Антарекс СУ»:
от СССР

— завод «Мосгорреморгтехника»

— управление делами ВЦСПС

от Италии:

— фирма «Hantarex SU»

— «Антарекс СУ» не совсем обычное СП. Названо предприятие, его торговый знак и даже директор, г-н Марио Джермондари, — все итальянское. Итальянский партнер является основным разработчиком и производителем продукции, а также владельцем большей части (62,5%) капитала. При такой «расстановке сил» возникает вопрос: зачем создавать СП, не проще ли и безопаснее было ограничиться представительством фирмы? Конечно, СП находится в более выгодных по сравнению с кооперативами и госпредприятиями условиях, но подчиняется все-таки советским законам, которые способны изменяться самым непредсказуемым образом. Можно было предположить, что такой шаг — следствие излишней доверчивости и наивности иностранцев. Но г-на Джермондари вряд ли можно заподозрить в подобных грехах.

В 1969 году он закончил экономический факультет МГУ и почти все последующие годы работал представителем различных фирм в Советском Союзе. За это время у г-на Джермондари были возможности убедиться в своеобразии наших экономических и юридических законов, получить представление о специфике советского рынка.

Что же заставило итальянского бизнесмена осознанно пойти на риск — создать и возглавить совместное предприятие? На этот и другие вопросы г-н Джермондари ответил в своем интервью.

— Все дело в том, как фирма смотрит на перспективу. Если она не верит в благополучное будущее вашей страны, то ограничится представительством на ее территории. Я придерживаюсь другой точки зрения: внутренний рынок будет расширяться, и фирмы, имеющие здесь свои корни, окажутся в более выгодных условиях.

— Совместное предприятие существует полтора года. Каких результатов удалось достичь за это время?

— «Антарекс СУ» родилась как фирма, работающая в области электронных систем. Но по мере изучения рынка мы постепенно расширяем сферу своей деятельности. Например, выяснили, что у вас, как и в других странах, популярны игровые автоматы. Играть любят все — независимо от возраста и национальности. Продажа таких автоматов — прибыльный бизнес, в котором обе стороны будут выступать равноправными партнерами. Итальянские специалисты разрабатывают системы, а советские — комплектуют и изготавливают автоматы. Кроме этого, предприятие производит и продает компьютерную и телефонную технику, системы охранных сигнализаций зданий,

антенны спутниковой связи. Продукцию «Антарекс СУ» признали и покупают совместные и государственные предприятия, кооперативы, западные фирмы, внешнеэкономические объединения. Наша фирма принимала участие в оформлении музыкальной передачи «Ступень к Парнасу». Стена, собранная из мониторов, и компьютеры превратили программу в эффектное зрелище.

— Г-н Джермондари, продукцию «Антарекс СУ» можно приобрести за рубли, сырье или только за валюту?

— Мы продаем только за валюту. Первое время мы шли навстречу партнерам, заключая бартерные сделки, но ожидаемого успеха этот метод расчета нам не принес.

— В последние годы появилось много СП, которые поставляют в страну различную технику. Создается впечатление, что желающих продать за валюту больше, чем имеющих её покупателей. Вы не боитесь конкуренции?

— Нет. Многие из этих предприятий создавались ради получения сиюминутной прибыли и вряд ли смогут долго конкурировать с теми, кто ведет дела строго и корректно.

— А какую прибыль получила «Антарекс СУ»?

— Об этом говорить еще рано, так как любое солидное предприятие требует больших вложений, а доход приносит не сразу. Но в 1991 году мы рассчитываем получить прибыль.

— Не помешает ли вашим планам указ президента о валютном налогообложении?

— Положение, конечно, тревожное. Я считаю, что этот указ — смерть предпринимательству и в конечном итоге перестройке.

Но надеюсь, что, как всякое непродуманное решение, это постановление будет отменено. Поэтому мы продолжаем работать на перспективу: расширяем свое производство, создаем новые предприятия и подразделения. Сегодня, кроме «Антарекса СУ», уже существуют «Антарекс Строй», «Антарекс Мотор» и Школа менеджеров.

«Антарекс Строй» строит и реставрирует здания, которые «Антарекс СУ» начинает электроникой. «Антарекс Мотор» продает и обслуживает автомобили. Школа менеджеров за короткий срок готовит квалифицированных специалистов с их дальнейшей стажировкой за границей.

— Какую территорию охватывает деятельность вашего предприятия?

— Практически всю страну. Во многих крупных городах, например Ташкенте, Киеве, Таллинне, Алматы, Перми, мы уже имеем свои филиалы и представительства.

— И последний вопрос: вы, наверное, оптимист?

— Нет. Я просто неплохо знаю историю и поэтому убежден, что путь, выбранный мною, — это путь реального предпринимательства, освобождающий людей и всю страну от последствий длительного ведения экономики без учета существующих экономических законов.

HANTAREX

SOVIET UNION

ФИРМА ПРЕДЛАГАЕТ

«АНТАРЕКС СУ»:

Широкий спектр персональных компьютеров, рабочих станций и файл-серверов. Локальные сети. Программное обеспечение UNIX/XENIX. Аппаратно-программные комплексы для медицинских приложений; сопутствующее оборудование (оргтехника, цифровые телефонные станции, устройства бесперебойного питания, телефаксы, видеотехника, приемные устройства спутниковых систем телевидения, телевизионные «видеостены»), а также русификация компьютеров и принтеров; установка, ввод в эксплуатацию; гарантийное и послегарантийное обслуживание; разработка и адаптация программного обеспечения.

Поставка оборудования, имеющего стандартную конфигурацию, в двухнедельный срок.

Гарантия 2 года, обслуживание в любом регионе СССР и за его пределами.

«АНТАРЕКС МОТОР»:

Новые автомобили фирмы FIAT — любая модель.

Автомобили ведущих европейских фирм: BMW, Мерседес, Форд, Вольво, Рено, Аудио — в хорошем состоянии.

А также прокат и сервисное обслуживание автомобилей.

Телефоны 334-29-74. Телефакс 4202250. Телекс: 412160

«АНТАРЕКС СТРОЙ»:

Реконструкция зданий, строительство коттеджей, ремонт офисов и квартир, проектирование помещений.

Телефоны 925-33-78, 923-55-25.

Алла ЯРОШИНСКАЯ:
**«КОМПАРТИЮ УКРАИНЫ Я СЧИТАЮ САМОЙ
 ДЕСТРУКТИВНОЙ СИЛОЙ В РЕСПУБЛИКЕ»**

С народным депутатом СССР из Житомира, членом Комитета Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан А. Ярошинской беседует наш корреспондент.

— Алла Александровна, если судить по сообщениям центральной печати, то общественно-политическая обстановка на Украине остается очень напряженной. В конце прошлого года достоянием широкой общественности стали такие факты острого политического противоборства, как массовые демонстрации на центральных улицах Киева и у здания Верховного Совета УССР, голодовка студентов и принятие украинским парламентом их основных требований, арест народного депутата Украины Хмары и опять голодовка — на этот раз самих парламентариев...

— Почему возникло это политическое противоборство? Главным образом, из-за стремления партукратии во что бы то ни стало сохранить господствующие позиции. Несмотря на успех демократических сил (их представители возглавили Советы в западных областях, более ста депутатов Верховного Совета Украины объединились в «Демократический блок»), у власти по-прежнему находится партаппарат. Первые секретари обкомов, горкомов, райкомов во многих центральных и восточных областях стали председателями областных, районных и городских Советов. Кстати, в народе по этому поводу говорят «катаются вони, як вареники в гладышке». Гладышка — это такая посуда с узким горлышком, в которой вареники плавают в масле и сметане. И с какой стороны ни потрясешь эту гладышку, они все равно не выпадут.

Случаев, когда Советы возглавили беспартийные, демократически настроенные люди, немного, но они есть. Например, председателем Житомирского горсовета стал народный депутат Украины Виталий Мельничук (он был моим доверенным лицом на выборах в союзный парламент)... Возникла необходимость объединения демократических Советов различных уровней. Их представители сейчас создали свою ассоциацию, чтобы реально противостоять засилью бюрократии. Ну а партийные власти делают все возможное, чтобы скомпрометировать демократов.

Так, Житомирский областной Совет (в его составе большинство — за секретарями парткомов, директорами предприятий и т. д.) принял решение заморозить ввод в эксплуатацию в областном центре нескольких жилых домов, которые предполагалось заселить до конца прошлого года. А потом все было подано под таким соусом: вот, дескать, пришли к власти демократы (читай — горсовет Житомира) и стало хуже со строительством жилья.

Фото Ю. Штукина

Или другой «тезис»: пришли к власти демократы — стало меньше в магазинах мяса. А почему? Да потому, что часть мясных фондов Житомира тот же облисполком перебросил в другие города области. И сколько сил пришлось приложить тем же демократам, чтобы через печать (которая тоже в руках партии) показать, как все было на самом деле.

В общем, идет настоящая блокада действий городского Совета со стороны областного Совета, возглавляемого первым секретарем обкома партии В. Федоровым. И в этом деле верным помощником нашей партукратии, как всегда, является партийная печать. А независимой, демократической, печати просто не существует. Есть, правда, попытки создания таких изданий, однако тиражи их мизерны. Например, в том же Житомире выходит газета «Голос гражданина»,

которую издает народный депутат Украины Яков Зайко (он тоже был моим доверенным лицом в свое время). Тираж — 15—20 тысяч экземпляров. Скромно, конечно, но дело не в том, что эту газету никто не покупает, нет, каждый номер расходуется мгновенно. Редакция завалена письмами читателей, которые просят помочь выпустить газету. Но нет бумаги. Для партийных изданий она есть, для нас же — нет. Кроме того, на местах просто саботируют подписку на эту газету, отказывают в ней читателям. Хотя «Голос гражданина» зарегистрирован в Госкомпечати Украины, внесен в республиканский каталог, а министр связи УССР Деликатный даже вынужден был направить в отделения связи телеграмму, в которой объяснил, что оснований для отказа в подписке на газету быть не может.

В новом Законе о печати четко сказано, что печать свободна. Но для независимых изданий это означает только то, что они свободны прежде всего от типографских площадей, оборудования, бумаги.

Конечно, тиражи многих партийных изданий, особенно районных газет, резко упали, некоторые из них оказались на грани закрытия. Но я не знаю случаев, чтобы рядом с какой-нибудь официальной районной газетой возникла независимая...

Зато знаю другие примеры. По инициативе администрации некоторые трудовые коллективы колхозов, совхозов, предприятий, организаций выделяли деньги, чтобы выпустить своим работникам газеты. Но не любые, какие захочет работник, а «Правду», «Правду Украины», «Радянську Житомирщину» и т. д.

Многие рядовые читатели, которых «облагодетельствовали» таким вот образом, плохо представляют себе практику сознательной дезинформации, выживания из партийных изданий неугодных журналистов и т. д. Но когда такие факты становятся им известными, они уже не молчат, как раньше. Недавно в наш Комитет Верховного Совета СССР пришло письмо от жителей районного центра Магдалиновка Днепропетровской области. Подписалось около трехсот человек. Люди пишут, что районный комитет партии без предъявления каких-либо претензий снял с занимаемой должности редактора районной газеты Леонида Безуглого, известного своей независимой позицией, которая, очевидно, не нравилась райкому.

Чем тут помочь? Мы же не можем, как это делали раньше партийные чиновники, снять телефонную трубку и сказать секретарю райкома: восстановите редактора на работе! Секретарь ответит, что считает себя правым, да еще сошлется на Закон о печати. Если мы стремимся к правовому государству, то и действовать надо правовыми методами. Поэтому, вероятно, у редактора нет другого пути, кроме как подать в суд на райком партии.

Почему партийная бюрократия перешла в решительное наступление после киевской голодовки студентов? Вероятно, аппарат осознал, что дальнейшее отступление губительно для него. И сейчас он стремится взять реванш и за успех студенческой голодовки, и за частичную потерю своих позиций на выборах в Советы разных уровней. Но каким образом можно взять этот реванш? Опираясь на поддержку народа? Думать так, по меньшей мере, наивно.

Остается один путь — политическая провокация. И она была разыграна, в частности, в истории с народным депутатом УССР Хмарой...

— Да, по Центральному телевидению была

показана видеозапись обыска разъяренной толпой полковника милиции Григорьева, изъятия у него рации и табельного оружия. Подчеркивалось, что инициатором всего этого дела был депутат Хмара.

— Кстати, о видеозаписи, сделанной, как выяснилось, МВД республики. Как она могла появиться? По свидетельству очевидцев происшедшего, рядом никакой видеокамеры не было. Выходит, снимали скрытой камерой: как депутат идет по подземному переходу, как к нему подбегает женщина, как он подходит к полковнику милиции... Заранее все «предвидели» и решили снять на видеопленку?

Представьте себе ситуацию. К народному депутату Украины бросается женщина, просит защиты, утверждает, что ее чуть ли не избивает мужчина в штатском. Почему Хмара не насторожился, не почувствовал провокации, ведь он столько лет жил «под колпаком» как диссидент, прошел через лагеря за свои убеждения... Но он, вероятно, посчитал своим долгом, как мужчина, защитить женщину. И Хмара подходит к этому самому «обидчику» — человеку в штатском, называет себя, просит предъявить документы. Тот отказывается. Мгновенно собирается толпа, которая дает волю рукам, устраивает обыск этого человека и обнаруживает у него рацию и кобуру с пистолетом. Логично, что у людей могла возникнуть мысль — а может, это какой-нибудь опасный преступник, рецидивист? Иначе почему он отказывается называть себя?

Плачущая женщина тем временем исчезает. Поиски ее ни к чему не приводят. А уже после того, как по телевидению была показана видеозапись происшедшего, ее опознали некоторые телезрители: оказывается, бывшая рецидивистка, недавно вышедшая из днепропетровской тюрьмы. Дальнейшее известно, Верховный Совет Украины дал согласие на арест Хмары (что было сделано тут же, в здании Верховного Совета!). Он объявил голодовку, народ забурлил, ряд народных депутатов выразили свое возмущение и тоже начали голодовку протеста... Я думаю, что вся эта история ударит новым бумерангом по авторитету Компартии Украины, руководству Верховного Совета республики. Они сами уже понимают, что грядет большой скандал, и, чтобы предупредить события, покажите видеозапись по ЦТ. Удивляет, что вся эта «детективная» история происходит в то время, когда Прокуратура УССР имеет массу нераскрытых уголовных дел. Самые ужасные преступления, убийства, входят в обыденную жизнь. Почему-то правоохранительные органы не спешат их раскрыть, вероятно, не могут. Зато с арестом депутата Хмары проявили завидную оперативность!

Все большее число людей убеждается, что «дело Хмары» шито белыми нитками. Они требуют, чтобы суд над Хмарой, если он состоится, был гласным, транслировался по телевидению, а не проходил за закрытыми дверями. Я думаю, что этот процесс станет трибуной для народного депутата Степана Хмары.

Почти все вопросы в Верховном Совете Украины решаются в сложной борьбе.

— Кажется, едва ли не единственным решением, принятым единодушно, стала ратификация договора с Россией...

— Это было второе единогласное решение, а первым стало принятие Декларации о суверенитете. И правые, и левые тогда тоже объединились. Иногда удивляются: откуда такое единодушие? Мне кажется, есть смысл прислушаться к опасениям иных полити-

логов, которые полагают: национальная бюрократия хочет суверенитета и независимости, чтобы продолжать править, укреплять свою власть. Если раньше она заглядывала в рот Центру (и сейчас порой продолжает это делать по инерции), то теперь у нее появляется соблазн все сосредоточить в своих руках. Давайте подумаем: если украинские парламентарии пойдут по пути прибалтийских республик, провозгласивших независимость, то какой тогда режим установится на Украине — при существующих структурах власти? Я думаю, что это будет тот режим, который существовал в стране до 1985 года...

В партийной печати часто встречаешь обороты типа: «нам подбрасывают идейки», «деструктивные силы» и т. д. Как-то один из украинских депутатов шутя сказал: «Может, нам составить список тех, кто «подбрасывает?»»

По моему глубокому убеждению, партийная верхушка КПУ и является самой деструктивной силой в республике. Скажем, с помощью прямого или скрытого саботажа (например, противодействуя внедрению новых форм собственности) препятствует тому, чтобы можно было спокойно купить в магазине мясо, колбасу, сыр и т. д.

Причины же ищут по-прежнему в кознях демократов. А сами тем временем проводят (как в «нашем» Житомирском обкоме КПУ) совещания о ходе сельхозработ. Все это — под аккомпанемент разговоров о том, что партия-де «не может уйти», «не может снять с себя ответственности» и т. д. А если называть вещи своими именами — так они просто не могут смириться с тем, что рушатся устои идеологии, которая освящала их благополучие.

— Алла Александровна, в то время, когда российский и некоторые другие парламенты принимают законы, разрешающие частную собственность, в том числе и на землю, украинский Верховный Совет, похоже, хранит по этому поводу гордое молчание. Хотя известно, например, что на Украине (особенно Западной) в большей степени, скажем, чем в Центральной России, были развиты традиции частного землевладения.

— Да, я согласна с вами: на Украине до революции было немало сильных крестьянских хозяйств. У меня самой прадед был «кулаком», он имел 18 гектаров земли. Перед коллективизацией, почуяв неладное, быстро пережил своих четырех сыновей и разделил между ними всю землю. Но это не помогло, землю отобрали. А заодно и лошадей, коров, дом. То есть оставили практически ни с чем. Но предки были трудолюбивые. Мой дед с бабушкой, например, уехали в Житомир, поселились на окраине города, построили дом и смогли еще обрабатывать пустующую вокруг землю...

Конечно, крестьянские традиции еще живы, особенно в западных областях. Там, не дожидаясь никаких решений ВС Украины, распускают убыточные колхозы, раздают крестьянам бесплатную землю. Верховный Совет СССР с большим опозданием пришел к выводу, что надо принимать Закон о земле, стал обсуждать разработанный проект. Я не уверена, что нынешний состав парламента республики сможет дать толчок развитию фермерского хозяйства, когда земля становится предметом купли-продажи, как это имеет место во всех цивилизованных странах.

Но я хочу при этом сделать существенную ого-

ворку. Думаю, что земля и средства производства в процессе приватизации должны передаваться трудящимся бесплатно.

Недавно на встрече с избирателями в Житомире люди вполне логично ставили вопрос: если фабрики, заводы, земля считались у нас «общенародной собственностью», то почему сейчас мы должны все это выкупать? И у кого выкупать? У государства, которое с каждого заработанного нами рубля 70 копеек забирало себе?

У нас же все опять получается «шиворот-навыворот». Бюрократия в своих корыстных интересах извращает суть происходящих перемен, а люди думают, что эта пародия на реформы и есть сами эти реформы.

Ко мне подходит работница одного из житомирских заводов и говорит: «Что мне делать? Директор

сказал, что каждый из нас должен внести 2 тысячи, чтобы выкупить предприятие, стать его совладельцем. Я ответила, что у меня таких денег нет, потому как многодетная семья, большие расходы... А он сказал: «Ну, тогда уходи с предприятия».

Зачем трудящимся такая «демократия», которая выбрасывает на улицу малообеспеченных только потому, что у них нет двух тысяч? Люди могут сказать: «Нам такие реформы не нужны».

— А власти придерживающиеся опять все свалят на демократов...

— Разумеется. И скажут еще при этом: раньше вы были хоть как-то защищены, а сейчас и этого не имеете.

Настоящая неразбериха получилась и с пресловутыми купонами. В тот день, когда они были введены на Украине, в 8 часов утра я заглянула на городской рынок в Житомире. И там уже шла... бойкая торговля купонами. 1 купон — 2 рубля (сейчас, вероятно, цены возросли). Полное раздолье для спекулянтов. И так же, как и раньше, пустые полки магазинов. При этом цены резко подскочили. Если мясо на рынке раньше стоило пять рублей, то теперь десять, ведь в магазинах его можно купить только на купоны. Хотя нередко для номенклатуры делают «исключение» и продают за рубли.

А как прожить пенсионерам, многодетным, студентам? Одна старушка, которая получала 70 рублей пенсии в месяц, спрашивала меня: как ей быть? Теперь на руки она получает купонов на 50 рублей, остальное — деньгами, на которые ничего в магазинах не продается. А ей надо прокормить и себя, и внука-десятиклассника, который живет с ней.

Я обратилась к Председателю Верховного Совета Украины Л. Кравчуку с депутатским запросом на имя Председателя Совмина УССР В. Фокина: как прожить этой бабушке и ее внуку? Как прокормить себя при нынешней купонной системе сотням тысяч социальных аутсайдеров?

Леонид Макарович убеждал меня, что оглашать этот запрос не стоит. Я настаивала, он пообещал все-таки огласить. Но слово свое не сдержал.

— Я согласен с вами в том, что население Украины не испытывает никаких иллюзий в отношении «своей» партократии. Но знаю, что многие уроженцы Восточной Украины (а я сам являюсь таковым) не испытывают восторга и по поводу шумной кампании в защиту «национальной идеи» в некоторых областях Западной Украины, фотографий Степана Бандеры на демонстрациях или хулиганских выходов по отношению к Патриарху Всея Руси Алексею II во время его приезда в Киев. Тревожно становится на душе, когда слышишь о конфликтах между верующими разных конфессий в западноукраинских землях...

— Что можно ответить? Когда национальная идея становится сверхидеей, ничего хорошего в этом нет. Потому что тогда права человека приносятся в жертву «правам нации». И мы опять можем стать пленниками тоталитарной идеи, от которой сейчас пытаемся отойти.

Но не могу не сказать и о другом. Вспомним, откуда в свое время появились бандеровцы. На Западной Украине еще живы люди, которые 40 лет назад хлебом-солью встречали Красную Армию, и они знают, что последовало потом. Недавно около Дрогобыча (это во Львовской области) нашли массовые захоронения жертв НКВД... Репрессии, раскулачивание, насильственная коллективизация — и многие

отшатнулись от тех, кого так радостно встречали. А потом эти люди пополнили армию Бандеры. Это надо понять не в оправдание жестокости бандеровцев, а чтобы разобраться в причинах, по которым люди за ним пошли.

Немалая часть населения Западной Украины еще не забыла тот вкус свободы, который они имели раньше, до «освобождения». А демократическое движение в этих областях возглавили бывшие политзаключенные, отсидевшие не один год в лагерях за идею независимого украинского государства, — такие, как Вячеслав Черновил, который стал теперь председателем Львовского областного Совета.

Конфликты между православными и католиками на западноукраинских землях, захваты храмов — не лучший способ решения вопросов, которые требуют особой деликатности и такта. И сейчас руководство того же Львовского областного Совета пытается сделать все возможное, чтобы уладить споры, не дать погреть руки тем силам, которые заинтересованы в разжигании страстей.

Но что касается жителей нашей, Житомирской, области (так же как и большинства других на Украине), то нас волнуют иные проблемы: не конфликты между самими верующими, а конфликты между верующими и партийно-государственной машиной, которая по-прежнему унижает их человеческое достоинство. Людям отказываются вернуть то, что когда-то у них забрали силой, — храмы. И приходится вести борьбу, чтобы помочь избирателям. При чем не только своим.

Недавно ко мне обратились жители одного из сел соседнего Коростенского района. Их церковь когда-то отдали под клуб, кладбище сровняли с землей, сделали танцплощадку. На месте, где были раньше две могилы, сделали общественные туалеты. А ведь еще живы люди, чьи родственники были погребены в этих могилах! Мне кажется, что только наш безропотный человек, выросший в советских условиях, мог стерпеть такое...

И вот верующие обратились к местным властям с просьбой вернуть им храм. Сессия райсовета приняла решение: не возвращать! Меня потрясло, сколько бурной ненависти проявили руководители сельсовета — коммунисты по отношению к 70—80-летним старикам и старухам! Слушала выступления этих представителей Советской власти и содрогалась.

Нам все-таки удалось добиться того, чтобы церковь вернули верующим. Правда, газета «Радянська Житомирщина», в которой я работала, кстати, 13 лет, отреагировала на это соответствующим образом. Она изобразила дело так, будто бы депутаты Ярошинская и Зайко подкатили к клубу (то есть бывшей церкви) и, так сказать, в явочном порядке потребовали ключи от здания. Можно подумать, что мы подбегали на бронетранспортере и захватили очаг культуры.

На самом деле, конечно, ничего подобного не было. Было письмо, которое подписали 500 человек, был сельский сход (в нем приняли участие 300 человек). Но до мнения народа — не придуманного, а подлинного — нашей партийной прессе, видимо, нет никакого дела.

...На Украине сейчас очень много проблем. Но тяжелые болезни партаппарат предпочитает не лечить, а загонять вовнутрь. Вот почему я считаю руководство КПУ самой деструктивной силой в республике.

Беседу вел Александр МЕШКОВ

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СЫНА

Мать моя, Марфа, отец, Дмитрий, — русские. И вокруг меня родные соседи — все были русские. Или... нерусские. Но в детстве мы, послевоенные барачные девчонки в заштопанных чулках и мальчишки в кирзовых сапогах не по размеру и ватниках ниже колен, не задумывались о том, кто какой национальности. Был один, которого дразнили «Сайка» за странное имя Исай, не игравший с нами, тихий, задумчивый и, как нам казалось, злой. Но мы не думали о его национальности, а просто не любили за страх, который испытывали, когда он пытался догнать нас, дразнящую мелюзгу. А несколько позже в школе я впервые услышала слово «антисемитизм».

Из учебника истории мы знали про каких-то черносотенцев (чуждых нам, советским людям — честным, справедливым, равноправным). Помнили и смешные в своей абсурдности, совершенно для нас бессмысленные, наподобие считалки, стишки: «Бей жидов, спасай Россию!» Их мы повторяли, дурачась, воясь, толкаясь на переменах.

А потом на родительском собрании мама одной из девочек во всеуслышание сказала, что ее дочь дразнят за то, что она еврейка. И моя мама удивилась моему поведению. А я не могла понять, как можно кого-то обидеть за национальность.

С тех пор я избегала произносить слово «еврей» в присутствии еврея, боясь его обидеть. Пока не возмутилась, не взбунтовалась и, перейдя на промежуточное робкое, начавшее употребляться в 70-е годы даже в печати «человек еврейской национальности», в конце концов освободилась от комплекса да с перехлестом в новый — подержанного содействия и товарищества, поддержки этих людей, что тоже порождение антисемитизма, проявление его в виде жалостливости, сострадания с чувством вины. Я преодолела его, когда родила сына. В убогой палате, в небрежении и грубости медперсонала я еще убедилась, как равны мы все, женщины любой национальности, объединенные одним — материнством.

Да, у рожениц нет национальностей, нет ее и у новорожденных. До

чего же гуманно наше государство, продлившее внеа национальное бытие детей до шестнадцатилетнего возраста. Зато потом в паспорте им непременно прищандорят, к какому они роду-племени относятся, для кадровиков и разных властей.

Не буду пытаться понять, зачем необходимо, заполняя анкеты, указывать национальную принадлежность. Эта тема уже не раз цепляла перья писателей, журналистов. Я вернусь к гуманности нашего государства. Ибо нет в первом документе родившегося ребенка строки «национальность».

Вот тут-то я и промахнулась, доверилась этой гуманности, потеряла бдительность. В пору появления на свет моего сына, вопреки уговорам работников ЗАГСа, я настояла на том, чтобы при регистрации ребенка указать истинную национальность отца — «еврей» в знак моих к нему любви и уважения. Сам он убеждал этого не делать и настоял на том, чтобы происхождение сына не открывать и свое отцовство не фиксировать. Примем к сведению, что все это происходило в разгар 70-х годов. Начинался «исход» инакомыслящих, и сам отец готовился последовать «туда».

Итак, слово «еврей» по моей инициативе рядом со словом «русская» все же в метриках появилось. И было забыто до школьной поры, которая началась неудачно. Попытавшись дать сыну «лицейское» образование, определила его в лучшую школу-интернат Москвы, куда детей аж на «лимузинах» доставляют. Но в первые же десять дней стало ясно, что надо сына забирать: в простую школу да поближе к дому, к ласковой бабушке Марфуше. Сына передали с сопровождающими документами, подшитыми в папку с надписью «Дело». Раскрыла и ахнула. В анкете, которая, как сказано в ней, должна следовать за ребенком при переходе из класса в класс, из школы в школу, из города в город, до получения аттестата, в пятой строке стоит «национальность — еврей». И мать русская, и бабушка, и дед, а сын-внук — еврей. Как, кто мог это решить за мать, за сына?

Учительница младших классов. Она заполняла анкету, используя данные из свидетельства о ро-

ждении.

— «Дело» завели! На ребенка! — восклицала заведующая районным ЗАГСом, призывая сотрудников разделить ее возмущение. — Ох уж этот Минпрос! — продолжала она. — Это его самодеятельность! Нет у детей национальности! У них одна национальность — детская!

Вместе со мной разделяли мое возмущение, но помочь мне ничем не могли. Оказалось, что запись в свидетельстве о рождении изменить невозможно, потому что она соответствует данным, занесенным в регистрационную книгу, которая где-то в архивах.

— Ну, не переживайте! — утешала сочувственно зав. ЗАГСом. — Будет получать паспорт и опять станет русским. А сейчас-то его национальность не имеет никакого значения:

Эти слова были произнесены в начале не менее жестких 80-х годов. Моя собеседница понимала мои страхи. Я, в свою очередь, хорошо знала, что она имеет в виду, говоря «сейчас». Сколько я встречала в жизни молодых, одаренных, которых не принимали на работу в «ящики» (да и не только туда), хотя были вакантные места. Я помнила и как сама, пусть бессознательно, обидела одноклассницу. И знаю много историй про ребят, которым доставалось от сверстников за то, что они не «той» национальности.

Я не принимала несправедливость антисемитизма. Я сопротивлялась ей, работая в городской газете, отказываясь брать интервью у рабочего-еврея о том, как ему на Руси жить хорошо. Я знала, что несправедливость существует, и не хотела, чтобы она коснулась моего ребенка. На душе было гадко из-за унижения, которое я перенесла, испытывая страх за сына. Гадко и сейчас. Поэтому что страх остался.

Простите меня, еврейские матери, которые ни за что не захотят изменить национальность своих сыновей, как бы ни страшились за их будущее. В каком безумном мире мы живем, если меня, волевою, умеющую постоять за себя женщину, повергло в такой страх одно слово, написанное в детской анкете!

В. ВЕДЕСОВА

Москва

«Крестовый»

Под рубрикой «Отражение» «Столица» регулярно публикует самые разнообразные статистические сведения, в которых отражается поистине вся наша жизнь. Но этого нам кажется мало. Поэтому отдел социально-бытовых проблем предложил начальнику Московского городского управления статистики Лидии Зотовне КОРНЕЕВОЙ время от времени вести

РАЗГОВОР ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТИСТИКА С ЧИТАТЕЛЕМ

на тему, какую она выберет сама или какую ей подскажут читатели.

Для своего первого разговора Лидия Зотовна избрала тему, которая актуальна в каждой семье, —

СЛЕЖАВШИЙСЯ РУБЛЬ

Чем больше денег скапливается у каждого из нас, тем беднее город. Деньги должны постоянно обращаться, они не должны надолго собираться ни в кошельке, ни в сберкассе, ни в профсоюзной кассе, ни в банке, куда ходят кассиры, чтобы выслать нам зарплату, — нигде. Слеживаются деньги — замирает не только торговая, но и культурная, научная, политическая жизнь.

Еще в марте 1989 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР опубликовали свое постановление № 231 «О мерах по финансовому оздоровлению экономики и укреплению денежного обращения в стране в 1989—1990 гг. и в XIII пятилетке». Вскоре на этот счет появилось и решение Мосгорисполкома. Что изменилось с тех пор?

Впервые за многие годы во втором квартале 1990 года наблюдался отток денег из московских отделений сберегательных банков. Вкладчики сняли 2 миллиарда 700 миллионов рублей. А внесли на 400 миллионов меньше. Остаток вкладов москвичей на 1 июля 1990 года составил 17 миллиардов 300 миллионов рублей. Это — много. И это говорит о том, что все-таки потратить свои накопления москвичам пока не на что. Или их останавливает рост цен.

Подорожали и продовольственные товары.

Деньги можно было бы вкладывать в несъедобное, но на все группы непродовольственных товаров обрушился «повышенный спрос».

Нужно заметить, что если бы Москва, как и прежде, получала товары из других мест, тот ажиотажный спрос не произвел бы столь опустошительного эффекта. Но первое полугодие 1990 года показало, что не выполнены плановые поставки молока и молочных продуктов, яйца, сахара, растительного масла, маргарина и чая.

Поставки в город со стороны, даже при налаживании обширных обменных операций с другими регионами, вероятнее всего, будут сокращаться. Дело в том, что в настоящее время привоз основных продовольственных товаров в Москву занимает непропорционально высокую долю в общем объеме поставок РСФСР. Доля Москвы составляет по мясопродуктам — 21 процент, по колбасным изделиям и сыру — 28 и т. д. Это естественно: Москва — столица СССР и РСФСР и должна снабжаться лучше, но не все города и веси так считают. В такой ситуации единственный выход — попытаться Москве самой себя прокормить. Но, к сожалению, местное производство товаров не увеличивается.

Основной причиной этого можно считать естественное старение оборудования на предприятиях, откуда мы по-

лучаем вещи и еду в расфасованном виде.

Завод холодильников не выпустил 459 холодильников, завод «Орбита» — 9400 магнитофонов, МПО «Мосбытхим» и завод «СМС» — 547 и 379 тонн синтетических моющих средств соответственно, электротракторный завод имени Куйбышева — 88 000 утюгов, ПО «Художественная гравюра» — 3900 электрочайников...

В целом по городу по сравнению с соответствующим периодом прошлого года сокращена выработка мяса, животного и растительного масла, молочной продукции, майонеза, хлеба и хлебобулочных изделий, крупы, чая, маргарина...

37 московских предприятий не выполнили плана по производству товаров народного потребления.

Несколько слов о наших рабочих. В первом полугодии с промышленных предприятий города по разным причинам выбыла 91 тысяча человек. Текущее рабочих составила 5,9 процента — больше, чем в прошлом году. Потери рабочего времени из-за простоев, прогулов и неявок с разрешения администрации составили 451 тысячу человеко-дней.

Московские предприятия выпускают много брака. Он оценивается в 21 миллион 300 тысяч рублей. Больше всех брака гонит ЗИЛ, 1-й ГПЗ, МЭЛЗ, телевизионный завод, АЗЛК...

Но довольно «чернухи». Поговорим о вещах приятных.

Несмотря ни на что, денежные доходы москвичей с прошлого года возросли и составляют 16 миллиардов 269 миллионов 700 тысяч рублей. Сюда входят зарплата, вознаграждения за труд в кооперативе, пенсии, пособия и стипендии. Но прирост доходов обусловлен не столько повышением зарплаты (хотя «в среднем» можно говорить и об этом), сколько за счет погашения облигаций выпуска сороковых — пятидесятых годов.

Так что денег у людей стало вроде бы больше, но тратить их не на что. Сложившаяся в настоящее время (полтора года спустя после принятия постановления № 231) ситуация не позволяет рассчитывать на существенное оздоровление финансового положения и состояния денежного обращения в городе. Производству «московских» товаров мешает многое, в частности монополизм. Так, монополистом по компрессорам к бытовым холодильникам и охладителям для напитков и соков является ЗИЛ. Завод «Торос» имеет монопольное право на выпуск торговых автоматов для переработки мяса, рыбы, теста, овощей. Бытовые электроинструменты выпускает лишь ПО «Москабель», телевизионные кинескопы — ПО «МЭЛЗ», школьные ЭВМ — завод «Квант», утюги — завод имени Куйбышева... Нет даже намёка на конкуренцию! Следовательно, есть стремление повышать цены, но нет желания поставлять на рынок товаров больше и больше.

Отсутствием конкурентной борьбы за рынок сбыта объясняется и пустота прилавков, и рост цен при снижении качества товаров, и медленное обновление продукции, и нестабильность производства в случае малейшего нарушения производственных связей. Поэтому рубль — слеживается, не доставляя большой радости обладателю такого богатства.

Елена БОЛДЫРЕВА

ВО ЧТО ОДЕТЬ МУЖА?

Мужчине свойственно стремление к прекрасному. Ему хочется быть одетым. Элегантный костюм, достойная обувь и со вкусом сшитая рубашка могут совершенно преобразить человека. Походка его приобретает легкость и уверенность, в выражении лица появляется сдержанное достоинство, и девушки на улицах глядят ему вслед.

Стремление к прекрасному заложено в мужчине изначально. Сколько героических усилий предпринимают подростки, чтобы выглядеть красиво! Вот идет юноша с изящным хохлом на макушке, выразительно расцвеченным красной и зеленой тушью. И напрасно при виде его пожилая женщина так огорчается и в знак протеста плюет на тротуар. Напрасно! В юном возрасте тяга к прекрасному может приобретать самые причудливые формы. Один мой знакомый, ныне довольно известный литературный критик, лет двадцать назад, на заре туманной юности, построил себе великолепный костюм. Штаны были из тонкого брезента. По защитного цвета полю — машинная вышивка красным: пальмы и листья. На пиджак пошла мебельная ткань — вся в розах. Сильное было впечатление! Будущий литератор летящей походкой шел по московским улицам, и девушки глядели ему вслед...

Увы, увы! Обстоятельства нашей жизни подавляют порывы молодости, и годам к сорока человек встает в ряды простых советских мужчин — шеренгу безликих людей в

одеждах, исполненных в монотонной серовато-черной гамме. Эта безликость особенно ощутима зимой. Летом толпа пестра и красочна, но осенью и зимой наши мужчины надевают на себя нечто темновато-бесформенное, не поддающееся видовой классификации, что можно обозначить общим понятием «одежда».

Плохо, однообразно и скучно одеты наши мужчины. На всех — унифицированные брюки и пиджаки. Головные уборы — кепка да ушанка, иногда приблизительного качества шляпа. Обувь... подсчитать бы, сколько километров отличной кожи извели наши обувщики на неуклюжие, унылые башмаки и туфли. Но их дело не пропало — в конце концов скупили и эти изделия. Когда смотришь на тускло одетых мужчин, с невеселыми лицами бредущих по московским тротуарам, хочется спросить: за что же так не любит их наша родная промышленность? Да и есть ли она у нас вообще — промышленность для мужчин?

Есть. И выпускает самые разнообразные товары. Костюмы, куртки, свитера, пальто и полупальто, майки, футболки, жилеты, спортивные костюмы, пижамы, галстуки, сорочки, запонки, ремешки и браслеты для часов, сами часы, нижнее белье, мужскую парфюмерию, носки и многое, многое другое. И не надо нервничать при одном упоминании слова «носки». Конечно, их нет на прилавках. А что сейчас есть? Момент такой, что нет ничего. Но все эти товары наши фабрики производили и — что кажется удивительным — продолжают производить. Совсем недавно, каких-то полтора-два года назад, все, что я перечислила, плюс еще множество товаров, спокойно продавалось в магазинах. Правда, внешний облик всего этого «производимого», то, что называется качеством, всегда оставлял желать... Из-за этого самого качества наши мужчины и

выглядят столь скверно одетыми. Оттого-то и возникает ощущение, что промышленности для мужчин у нас нет.

А ведь был, был момент, когда промышленники, увидев и осознав, что торговые залы перенасыщены их продукцией, которую не очень-то хотят покупать, слегка встрепенулись и начали «бороться за качество». В результате этой борьбы на прилавках стали появляться вполне симпатичные мужские одежды и приемлемая обувь. Но как же не ценили мы это время! Придирчиво рассматривали строчку на ботинке и не спешили покупать двухсотрублевый костюм, казавшийся нам чересчур дорогим. Куда, куда удалились те благословенные дни — пусть неважно состряпанного, но все же изобилия...

Сегодня те, кто работает на фабриках, производящих товары для мужчин, могут особенно не переживать. Выяснилось, что зря они так уж пугались два года назад. Сегодня — возьмут все. А значит, и не нужна никакая особенная борьба — ни за качество, ни за покупателя.

Как хочется, чтобы наши мужчины были хорошо, красиво, разнообразно одеты! Но когда я заговаривала об этом — в Минторге России, в Росторгодежде, на фабрике, производящей мужские костюмы, — все дружно удивлялись: «Господи, да до того ли сейчас!» Как сказал один мой знакомый, «когда мысли у всех лишь о колбасе и митингах, не до красоты». Сегодня все мы угрюмо уперлись взором в безотрадность дня сегодняшнего и впали в некоторое оцепенение. Но ведь должен же наступить день, когда нынешние мясо-молочные проблемы утратят остроту, перестанут глобальностью своей заслонять все остальное. Вы в это не верите? Я видела людей, которые верят.

Владимир Владимирович Оберган, главный художник фабрики мужской одежды, названной почему-то

нежным женским именем «Большевичка», так и заявил:

— Я — оптимист. Все наши производственные нехватки — дело времени. Сегодня людям, может быть, и не до красоты, но скоро им захочется одеваться красиво.

Надо сказать, что в ряду производств, которые, вздыхая и мучаясь из-за нехватки сырья, материалов и всякой разной фурнитуры, пытаются сегодня создавать хоть что-то из чего-то, «Большевичка» выглядит достойно и rispetабельно. Как ни странно, здесь даже с сырьем не возникает проблем. Московские текстильные предприятия и суверенное государство Литва пока поставляют все необходимые ткани. Или почти все. Владимир Владимирович утверждал, что фабрика выпускает то же, что и прежде, количество костюмов, брюк, пиджаков и курток, которые сразу же поступают в московские магазины. Только не спрашивайте, почему мы их не видим. Разве это — вопрос к «Большевичке»? На фабрике с революционным названием прогрессивное, мудрое и оптимистичное

руководство. Прогрессивное — потому что внедряет у себя новейшие технологии и системы. Мудрое — потому что задумывается о дне завтрашнем, разрабатывая новые модели элегантных мужских костюмов. Оптимистичное — ибо верит, что наступит время, когда человек будет думать не только о съестном, но и о прекрасном.

Увы! Среди предприятий легкой промышленности «Большевичка» выглядит даже как-то странно. На большинстве фабрик считают, что сегодня не до элегантности. А цены — их и так можно повысить, без всякого улучшения качества, на те же модели — все равно все раскупят. И повышают. И стряпают абы какую продукцию. Прошедшая в декабре прошлого года торгово-промышленная ярмарка — это ж были слезы! Пустыня с редкими вкраплениями этого, «абы какого» товара.

Сегодня пессимистам — тем, кто в наступление лучших времен не верит, — живется прекрасно. Можно гнать убогую продукцию, можно бессовестно вздувать цены, вещи необходимые обозначая «предметами

роскоши», можно не иссушать себя ненужными думами и излишними заботами — потребитель потребит все. Оптимисты же, уверенные в том, что придет в конце концов настоящий день, делают все, чтобы самим усложнить себе жизнь.

Как, к примеру, художники Общесоюзного Дома моделей одежды и их художественный руководитель Александр Данилович Игманд. Они разрабатывают новые идеи, создают перспективные модели мужской одежды — как раз для промышленности. Организовали небольшое опытное производство. Шьют хорошую одежду, но — хлопот много, а отдача пока невелика. И сильно огорчаются, что предприятия не очень-то охотно берут их разработки, а если и берут, то прикладывают максимум усилий для того, чтобы исказить замысел модельера до неузнаваемости. Огорчаются именно потому, что все как один, во главе со своим художественным руководителем, — неисправимые оптимисты, верящие в то, что день иной наступит.

— Пока многие наши замыслы остаются невостребованными, — говорит Александр Данилович. — Но убежден, работать на перспективу необходимо. Появятся, обязательно появятся те, кто сможет шить красивую модную одежду. А люди, сегодня замороченные всяческими нехватками, завтра обязательно захотят красиво одеваться. И тогда те предприятия, которые развратил нынешний глобальный дефицит, окажутся безнадежно оставшими. Смогут ли они, выживут ли в условиях рынка?..

Как поется в популярной песне, «это — завтра. А сегодня...» А сегодня внешний вид наших мужчин, вступивших «в возраст элегантности», вызывает искреннее сочувствие. Действительно, во что сейчас одеться среднестатистическому гражданину? Но и те, кто занимает достаточно высокое общественное положение, выглядят не лучшим образом — похоже-безликими. Сейчас таких мужчин мы во множестве видим на экранах телевизоров — во время бесконечных съездов, сессий, собраний, заседаний и совещаний, плавно переходящих одно в другое. Все заседающие облачены в стандартный пиджак, брюки, галстук. Единственный в зале заседаний мужчина в свитере — Попов, единственный мужчина на Мавзолее в кепке — Лукьянов.

Конечно, все это — мероприятия официальные, и существует опреде-

фото В. Христофорова

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН» — ЭТО ХОРОШО!

ленный стиль одежды для тех, кто заседает и совещается. Понятие «официальный костюм» принято во всем мире, и к такому костюму, к его ансамблю и всяческому аксессуарам существует ряд непереносимых требований, которые деловые люди на Западе тщательно соблюдают и которым у нас сегодня обучают на курсах менеджеров. Но дело-то в том, что там, «у них», кроме официальной, существует множество других видов одежды. Для отдыха, для дома, для улицы, для занятий спортом (для каждого вида спорта — отдельно), одежда для званого вечера, одежда для коктейля, для театра и т. д. А у нашего среднего гражданина лишь два вида одежды — для службы и для дома. Все. И если «там» ассортимент одежды для дома бесконечно разнообразен, наш мужчина располагает только тренировочными штанами, пузырящимися на коленях, да бесформенными тапками. Когда-то, в давние годы, в нашей стране культивировался и вовсе уникальный вид домашней одежды. Пижама. В ней, в полосатой, мужчины спокойно, будто так и надо, разгуливали и в коммунальной кухне, и в вагоне поезда. Больше ничего для домашней жизни мужчины наша промышленность не изобрела.

Сегодня мы, конечно, бедные. Чего ни хватиться, ничего у нас нет. Даже ткани повывелись. Во всем мире бум вокруг вискозы, самой модной сейчас. Когда-то и у нас она была — помните милый, уютный штапель? Но вместо того, чтобы самим производить модные вискозные ткани, мы поднимаем со дна рек топляк — во множестве затонувшие стволы деревьев (что поднимаем — хорошо) и отправляем его на Запад (что плохо). На западный стандарт не тянут даже наши бараны: шерсть для производства высококачественных костюмных тканей мы вынуждены покупать за границей.

... Идут по улицам скудно одетые мужчины, и лица их озабочены и невеселы. Другие мужчины, предпочитающие официальный стиль одежды, с трибун и от микрофонов в залах беспрерывно говорят. И все сокрушаются, печалятся, горюют — какой-то всеобщий дефицит оптимизма. Неужели так уж все беспросветно плохо? С нуля-то начинать легче. Ну нет у нас сегодня достойной человека промышленности, так и бог с ней, с недостойной. Значит, надо строить иную.

Начнем с нуля, начнем сначала?

фото ТАСС

Катинка Диттрих фон Веринг — директор Центра культуры ФРГ в Москве — утверждает, что не будет заниматься экспортом достижений Германии. «Я здесь для того, чтобы понять, что нужно вам», — говорит она. По ее сведениям, дефицитом в Советском Союзе являются не только промышленные товары и продукты питания, но и продукты интеллектуальной деятельности. «Это же явление наблюдалось и в послевоенной Германии, когда она лежала в руинах», — добавляет Катинка.

По иронии судьбы Центр культуры ФРГ будет располагаться в здании бывшего посольства ГДР. Что же касается несколько устаревшего названия, то «виной» тому неожиданно быстрые перемены в мире. Кто же мог тогда, в июне 1989 года, во время подписания между правительствами СССР и ФРГ соглашения о создании этого Центра, предположить, что его название станет анахронизмом еще до его открытия?

Строго говоря, Центр является отделением Института Гёте, который базируется в Мюнхене и имеет около 150 отделений по всему миру. Это самый крупный из подобных институтов в Германии. Хотя соглашение и было подписано правительством ФРГ, Институт Гёте является частной организацией и правительство не вмешивается в его работу. Главные направления деятельности института — это организация изучения немецкого языка, создание библиотек, позволяющих изучать немецкую культуру, и организация культурных мероприятий. Одним из приоритетов института в СССР будет знакомство советских людей с творчеством тех немецких писателей, которые никогда не переводились на русский язык. К примеру, в создающемся совместно с «Иностранной литературой» альманахе будут опубликованы произведения восточногерманского писателя-диссидента Хорста Бинека, который в свое время так досадил властям ГДР, что они направили его

перевоспитываться на восток — в Воркуту (сейчас он живет под Мюнхеном).

«В своей работе, — говорит Катинка Диттрих, — мы проводим различие между культурой в широком понимании и искусством. Главное для нас — культура, то есть умение жить вместе, понимать друг друга, находить общий язык. Без этого нам не решить проблем, которые угрожают всему миру, таких, например, как загрязнение окружающей среды.

Существует предубеждение, что Запад очень богат материально, но беден духовно. На самом деле 80% музеев в Германии некоммерческие, театры, а также государственное телевидение главным образом тоже некоммерческие. Парадокс заключается в том, что именно СССР стоит сейчас перед опасностью коммерциализации культуры, которую здесь пытаются заставить жить по законам рынка. Одно из достижений западного общества в том, что оно не пытается ничего навязывать человеку или изменить его природу. Оно лишь создает механизмы, защищающие от проявлений отрицательных сторон человеческой природы. Этот принцип основывается на осознании того, что люди не плохие, а слабые и никогда не будут идеальны. Главное — не давать никому слишком много власти».

Сегодня еще трудно сказать, когда Центр культуры ФРГ развернет свою деятельность в полную силу. Предполагается, например, что классы для занятий немецким языком не будет до 1992 года. Однако временные трудности не должны помешать организации встреч не только людей творческих профессий, но и тех, от кого зависит принятие решений быть или не быть культуре в этой стране коммерческой, то есть быть или не быть культуре вообще.

Виталий ЕРЕНКОВ

Москва из-под стола

Глава IV. КАК МОСКВА ПОБЕДУ ПРАЗДНОВАЛА

Зимой 41-го изрядно потрепанный Сталин вспомнил свое единственное незаконченное образование — тифлисскую семинарию (откуда, как гласит кавказское предание, был изгнан не столько за воровство, сколько за пакостную проделку — нагадил в алтаре) и призвал в Кремль духовенство для молебна о даровании победы. Тогда же, как гласит предание, соответственно московское, чудотворная икона Тихвинской богородицы из церкви Тихона в Алексеевском была обнесена на самолете вокруг Москвы — столица была спасена. А 9 декабря освободили Тихвин...

Через два года после победы собрались у Сталина архитекторы — Щусев, Меркуров, Гельфрейх — и задумали такую вещь: Василий Блаженный, ГУМ — сносятся, Сенатская башня Кремля разбирается, а на ее месте воздвигается громадный монумент Величайшему Полководцу — олицетворению нашей победы!

Проект, слава Богу, не осуществили, но почести Корифею Всех Наук воздавали еще долго. К 70-летию устроили выставку подарков. Для этого пришлось закрыть Музей изящных искусств (Пушкинский) — на целых три года! А годом раньше, кстати, разгромили Музей новой западной живописи — гогонов и ван гогов раздарили эрмитажам...

8 сентября 1947 года справляли 800-летие города, опять-таки под знаком всенародной любви к... Приветствие Величайшему Гению Всех Времен и Народов подписали 3 665 859 москвичей — почти весь город!

В день города заложили памятник Юрию Долгорукому («Один феодал — другому»). Молва связывает с ним такую историю. Когда памятник отлили, его представили на суд Самому. Тот ознакомился и сказал:

ИСТОРИЯ ГОРОДА В ЛЕГЕНДАХ, АНЕКДОТАХ И ОПЕЧАТКАХ

— Нэ мог Юрий Долгорукий в Москву на кобыле въезжать!

Срочно вызвали слесаря и темной ночью лошади припаяли недостающие части — получился конь.

В день города заложили и восемь высотных зданий.

Дом в Котельниках строили пленные немцы и ээки. планировали на листах фанеры, бежали по веревкам, разбивались — попадавших замуровывали прямо тут же, в стену подвала. В крыле «Б» расселилась энкавэдэшная знать — Богдан Кобулов и присные. Вышинские же жили в Гнездиновском, в знаменитом доме Ниризе. Говорят, тишайшая и милейшая семья была, правда, пользовалась отдельным лифтом.

Проезжая мимо будущего МИДа, Первый Кандидат в Депутаты спросил:

— А почему на здании нет шпиля?

На следующий день в «Правде» появилась статья о шпилевой традиции в русской архитектуре, и все высотки увенчались шатрами или шпилями.

Наконец, эпоху стало подмывать, возводившееся на месте когдатошнего Мокринского переулочка восьмое высотное здание в Зарядье «поплыло»... Пришлось его списать.

Умер. Положили под бочок Ленину. Знаменитый парикмахер из ЦДЛ Моисей сказал:

— Как в коммунальной квартире. Вот только жировка-то выписана на одного!

А 31 октября 1961 года Сталина из мавзолея вынесли. Положили рядом с убитым им Фрунзе. Тот спросил:

— Куда дальше пойдете, Иосиф Виссарионович?

— Куда пошлет партия, — ответил Лучший Друг Физкультурников.

Глава V. КАК ХРУЩЕВ С АРХИТЕКТУРНЫМИ ИЗЛИШЕСТВАМИ БОРОЛСЯ

Оттепель была со всеми причиналами: распускающимися вербочками и остекленевшими лужицами.

Сносили, разбирали, переименовывали. Станция метро «Охотный ряд» получила сначала имя Кагановича, затем — «Проспект Маркса». «Сталинская» стала «Семеновской»...

В пику сталинскому «ампиру» Хрущев затеял борьбу с излишествами, вплоть до того, что архитектор Поляков, автор высотки у трех вокзалов, был лишен Государственной премии за дикую стоимость отделочных работ в гостинице.

В 1955-м открыли Кремль; из Манежа убрали гараж; поставили заложный еще в 20-м монумент Марксу. Кербель хвастался, что изваял самого тяжелого в мире человека — на 140 тонн!

Дворец Советов собрались было снова строить, да потом плюнули; наплевали целый бассейн; москвичи говорят: «Был Храм, потом — хлам, а теперь — срам», в смысле, люди голые...

Церкви сносили уже по инерции. Когда у Хрущева начало все из рук сыпаться, он две отдушны и нашел: учить художников, как писать картины ну и церковь крушить. Последний удар он нанес по Преображенке, смахнув, якобы под метро, кафедральный храм. А тут еще митрополит Николай при загадочных обстоятельствах умер... Тогда, как говорят в народе, сам Бог не стерпел — Хрущева через две недели сняли!

А рьяные бойцы замаливали гре- хи: самым прилежным певчим в Елоховском соборе был, говорят, в последние свои годы Георгий Маленков, тот, что надавал пинков Берии...

Глава VI. ПРИЗРАК ОБРАЗЦОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО

Гришин-промысловщина была похожа на картины постим- прессионистов: манеры, кра- ски, приемы — те же, а размаха того — нет... Можно списать на ме- ждународную, конечно, обстановку — требовалась известная тонкость.

Как пронизательно заметил поэт Владимир Вишневский:

*В центре города, в историческом,
Стоит залобоваться
Самобытным особняком —
Моментально ловишь на себе
Взгляд постового,
Охраняющего это посольство.*

Действительно, полсотни лучших особняков в самых аристократи- ческих районах раздали посоль- ствам; на редкость же «градообра- зующей» случилась ночь накануне приезда президента Никсона.

Днем Гришин отправился инспек- тировать трассу завтрашнего прое-зда высокого гостя. Проезжая мимо Тургеневской библиотеки, первый секретарь любопытствовал: «А это что за развалина?» Библиотеку тут же ликвидировали, а на ее ме- сте недавно вырос уникальный по своей убогости дом, который автор ласково называет «собором своего сердца»...

Две следующие жертвы обнаружи- лись на Якиманке — кино «Аван- гард» (в девичестве — церковь Ка- занской Божьей Матери) и бога- дельня церкви Иоанна Воина, что «во французях» — именуемая так по близости с французским посоль- ством. В первомайскую ночь обе взлетели на воздух.

Третий маневр предприняли в са- мом центре. Между Боровицкими воротами и Пашковым домом был небольшой кварталчик старинных, но запущенных домиков. Рассчитав, что Никсон будет въезжать в Кремль именно здесь, Гришин счел за благо островок убрать. Так за одну ночь этот пригорок занял гордое название — «Холм Ни- ксона»!

Самое же интересное заключается в том, что назавтра Никсон поехал совершенно иной дорогой.

А еще Гришин был известен хай- фобией, высоты боялся. Ехал одна- жды по Тверскому, видит, ТАСС строят, выскочил из машины и го- ворит:

— Это куда ж так высоко-то? Что за безобразие? Урезать!!!

И ТАСС урезали наполовину про- тив первоначального проекта. Зод- чий, говорят, с тех пор больше ни- чего не строит...

То же самое произошло с «Инту- ристом», тому, правда, повезло больше. Пришел Промыслов как-то утром на работу, огляделся — что- то не так! Сел в кресло — и с ужа- сом обнаружил, что больше из его окна «площадь Красная не видна!» Оказалось, за ночь «Интурист» вы- рос на два этажа и перерос Моссо- вет. Срочно созвал комиссию, прие- хал, а оказалось — все построено и ничего не ломать, укорачивать — некуда, верхние этажи — техниче- ские.

Зато неподалеку зодчий Кубасов выстроил свой шедевр в стиле «кре- маторий» — новый МХАТ. Москви- чи справедливо нарекли его — по примеру пушкинского напротив — «Театром имени Дантеса».

В 73-м спроектировали вторую очередь Калининского проспекта. Волосы дыбом встают: музей архи- тектуры «уезжает» в глубь кварта- ла, все остальное — прочь! Слава Богу, Воздвиженка уцелела, за исключением дома Рахманинова. С ним решили просто — Устинов по- звонил Гришину и брякнул, что дом-де мешает строить замок Мини- стерства обороны. «Гут», — сказал Гришин, и на следующий день Мос- совет решил дом композитора раз- обрать и «воссоздать при возмож- ности в каком-либо ином месте го- рода»...

Сам же «белый Пентагон» стро- ился на месте задуманного Хруще- вым Дома Мира. Что интересно — оба проекта сделал тогдашний глав- ный архитектор города Михаил По- сохин...

Поставили рекордное количество памятников — 42 штуки за 20 лет! Любопытную историю рассказыва- ют про Энгельса.

Стояла холодная осень 76-го. У Пречистенских ворот копошились рабочие, лениво вертел выей подь- емный кран, неся — покойником — гранитную фигуру Фридриха Эн- гельса. Дело шло к вечеру, рабочие замерзли, прораб смотался домой — решил отложить до завтра. Назавтра... статуя основоположника научного коммунизма оказалась на- мертво примерзшей к крану! Были

подняты на ноги все райкомы, по городу сновали черные «Волги», развозя депеши. Дабы не смущать народ и не нарываться на аллюзии, фигуру накрыли белым полотном. В таком виде она провисела пару дней. Редкий ночной прохожий с воплем шараялся в сторону, а прожженный москвич тихо ронял:

— Призрак коммунизма...

ОТЕЦ КИБЕРНЕТИКИ НОРБЕРТ ВИНЕР СЧИТАЛ,

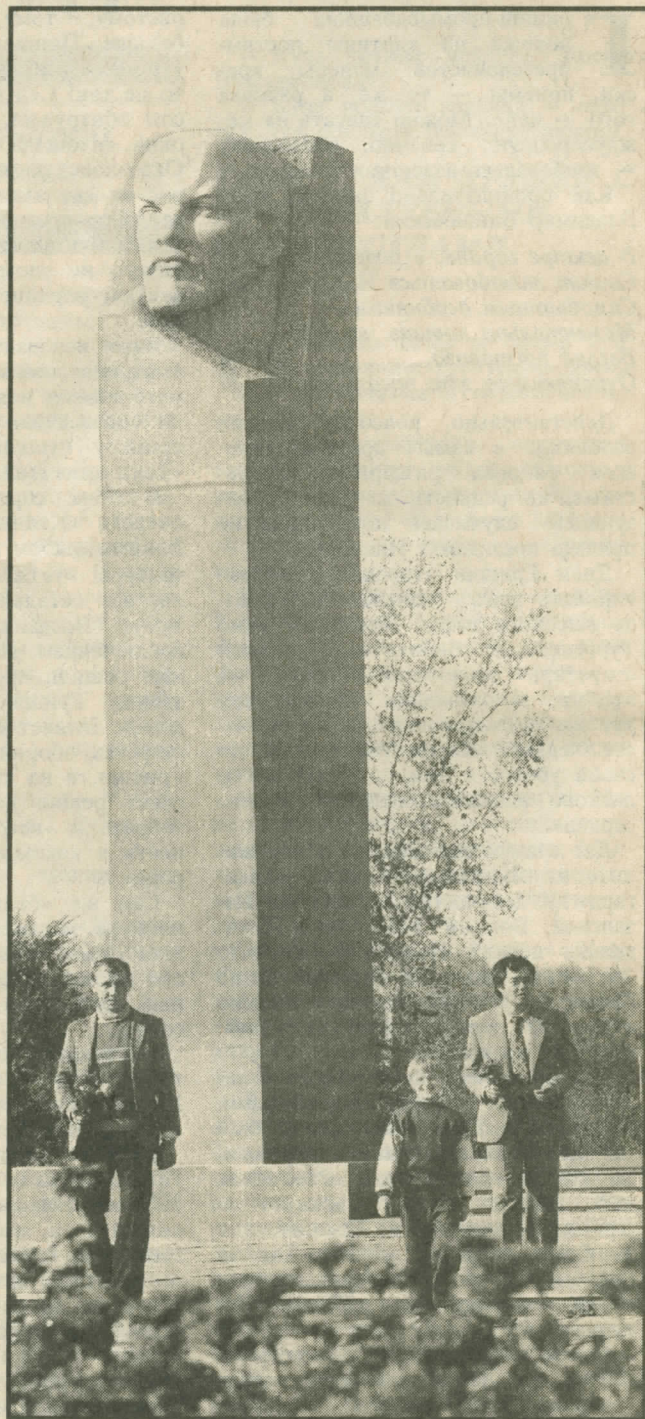
что сообщение о вероятном инфор- мативнее сообщения о случившемся. Поэтому не сердись, читатель, если какие-то истории показались неправ- доподобными. Если есть легенда — значит, к тому шло. И слава Богу, если хотя бы половина описанных событий — выдумка. Иначе наша история была бы слишком грустной шуткой.

...Иногда по близорукости принимаешь XXI век за век XX, да еще с восклицательным знаком. Вроде того, что завтра будет лучше, чем вчера. Спасибо, не надо; хватит с меня и XX века.

Р. С. Приюмина сюжеты ко второй части нашей «Истории...», я с благодарностью вспомнил тех, кто поведал мне эти маленькие притчи: писателей Петра Паламарчука, Юрия Борева и Владимира Осипова, поэта Александра Аронова и кино- критика Дениса Горелова, журнали- стов Марию Чегодаеву и Екатерину Гушину, архитекторов Александра Болтинова и Георгия Маркуса, историка Василия Марача и сержан- та погранвойск Дениса Иванова...

ЧУДЕСНАЯ ССЫЛКА

Николай Владиславович ВОЛЬСКИЙ (псевдонимы: Валентинов и Юрьевский) родился в 1879 г. в Моршанске. С 1897 г. участвовал в социал-демократическом революционном движении. Его неоднократно арестовывали, ссылали, сажали в тюрьму, ему не раз приходилось жить на нелегальном положении, уезжать за границу. Валентинов близко знал Ленина, других видных деятелей большевистской партии. Это позволило ему после 1929 года, когда он окончательно переехал из России во Францию (и тем спас себе жизнь), издать несколько книг, основанных на личном опыте и изучении малодоступных документов («Встречи с Лениным», «Среди московских символистов», «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» и др.). Умер Валентинов в 1964 г., а в 1990 г. в издательстве Чалидзе в США вышел сборник его статей, публиковавшихся в эмигрантской периодике. Мы публикуем (с некоторыми сокращениями) главу из наиболее громкой книги Валентинова «Малознакомый Ленин». Название книги красноречиво: ее автор сосредоточил свое внимание на тех эпизодах из жизни В. И. Ленина, которые старательно обходились или искажались советской исторической наукой.

Памятник В. И. Ленину в селе Шушенское. Фото ТАСС.

На содержание, одежду и квартиру царское правительство выдавало ссильным 8 рублей в месяц. При сибирской дешевизне продуктов и квартир, то есть комнаты в избе крестьянина, такое пособие гарантировало от голода, но оно могло обеспечить лишь крестьянский образ жизни при полном игнорировании культурных потребностей, присущих попавшим в ссылку интеллигентам. При 8 рублях в месяц нельзя было приобрести одежду вообще, и в частности ту, что необходима в условиях сибирского климата: тулуп, валенки, шапку и т. д. Люди без «достатка», прибыв в ссылку, должны были немедленно, особенно если их сопровождали жены и родственники, отыскивать себе какую-нибудь службу, в чем правительство им не препятствовало. «Глеб и Базиль, — сообщал Ленин матери в письме от 24 октября 1897 года, — имеют теперь работу, без нее они не могли бы жить...»

Но Ленину не нужно было об этом думать: достаточно было намекнуть матери, что нуждается в деньгах, и они к нему приходили. В январе 1898 года Ленин писал: «Финансы получил, дорогая мамочка, и первые, и вторые (т. е. от 28/XI и от 20/XII). Теперь у нас и пособия получают правильно, так что дело в этом отношении вошло вполне в норму, и я думаю, что долго (сравнительно) не понадобятся никакие экстра-добавления».

Перерыв в обращении за помощью «сравнительно» недолог, и уже в марте 1898 года посылается матери следующее послание: «С Н.К.¹ пришли мне, пожалуйста, побольше финансов... Расходы могут предстать изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему займу». За две недели до этой просьбы Ленин тоже говорил о возврате своего долга. «Долги свои все возмещу. (Надо только не забывать их)».

Фраза свидетельствует только о том, что Ленин испытывал некоторую неловкость постоянно обращаться к матери за помощью. Долг его никогда не будет возвращен. Он превосходно знал, что его мать на это никогда не согласится и посылаемые сыну деньги долгом не считает. Обращаясь к матери за деньгами и получая их, Ленин часто указывал, что на возмещение «долга» должен идти гонорар за ту или другую произведенную им литературную работу. Насколько это лишь добрые слова, можно судить по следующему (одному из нескольких) случаю. 28 сентября 1898 года, прибыв из Шушенского в Красноярск для лечения зубов и разных покупок, он писал матери: «Финансы мои, вследствие поездки, необходимости помочь А. М. и сделать кое-какие закупки, сильно истрепались. Пошли, пожалуйста, Елизавете Васильевне² (у которой я сделал заем) около половины той суммы, которую должны были прислать за весь перевод Webb'a (отправленный в СПб. 27 августа)».

Речь идет о переводе книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Издательство О. Н. Поповой должно было Ленину за нее заплатить около 400 рублей. Если бы мать послала Елизавете Васильевне требуемую сумму («половину» 400 руб.) и возместила ее полученным гонораром, она в этом деле была бы только посредницей. В действительности же она послала свои деньги, так как указанный перевод был напечатан лишь в 1900 году —

голько тогда Попова стала выплачивать гонорар. В ноябре 1898 года Ленин пишет сестре Анне: «Недоумеваю, отчего это нет все гонорара за перевод, отправленный в СПб. еще 27 августа! Если придет гонорар, отправь, пожалуйста, рублей 50 в книжный склад...»

Пятьдесят рублей были посланы в книжный склад Калмыковой в Петербурге, откуда Ленину приходили пачки купленных им книг, и этот расход в конечном счете тоже покрыт не его гонораром.

25 февраля 1899 года Ленин, снова ссылаясь на все тот же непоступающий гонорар, просит прислать ему денег: «Меня удивляет, что О. Попова долго не рассчитывается за Webb'a... У нас финансы пришли опять к концу. Пошлите, пожалуйста, 200 р. на имя Е. В. Если нет все еще ничего от О. Поповой, и не предстоит через 1—2 недели, то я попрошу бы уже занять, ибо нам иначе не извернуться».

Нет надобности следить за дальнейшими поступлениями денег Ленину от матери. К их итогу мы еще вернемся. Мы хотели бы лишь обратить внимание на то, как мала любовь к истине у его сестры Анны, раз она в предисловии к изданию книги Ленина «Письма к родным» без малейшего смущения могла утверждать: «Видны также из писем Владимира Ильича его большая скромность и незыскательность в жизни, умение довольствоваться малым; в какие бы условия не ставила его судьба, он всегда пишет, что ни в чем не нуждается, что питается хорошо; и в Сибири, где он жил на полном содержании на одно свое казенное пособие в 8 р. в месяц, и в эмиграции, где при проверке, во время наших редких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко недостаточно».

Как на самом деле шло Ленину в ссылке — можно довольно ясно себе представить по свидетельству Крупской: «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная, — писала Крупская. — Например, Владимир Ильич за свое «жалованье» — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит... Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе — в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, — тоже на целую неделю... В общем ссылка прошла неплохо».

Мало сказать — неплохо. Она была чудесна. Что ссылка была совсем не страшна — Ленин это почувствовал очень скоро по своему водворении в Шушенском. «Сегодня ровно месяц, как я здесь, и я могу повторить то же самое: и квартирой и столом вполне доволен...» (письмо от 20 июня 1897 года).

Бараны и котлеты с добавлением горы картофеля, огурцов, кислой капусты, свеклы, а в качестве десерта сибирских ватрушек, очевидно, шли Ленину впрок. О минеральной воде, прописанной для него желудка швейцарским доктором, «я и думать забыл и надеюсь, что скоро забуду и ее название» (письмо от 20 июня 1897 года). А четыре месяца спустя в письме к матери он добавляет: «Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болести побоку!».

Ленин в ссылке приобрел столь упитанный вид, что приехавшая в Шушенское в мае 1898 года вместе с

¹ Надежда Константиновна Крупская, в то время невеста Ленина.

² Мать Н. К. Крупской, с 22 июля 1898 года — теща Ленина.

Крупской ее мать, увидев его, не могла воздержаться от возгласа: «Эк вас разнесло!». «Он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере», — сообщила Крупская Марии Александровне Ульяновой в письме от 22 мая 1898 года. Пожив немного в Шушенском, она сама должна была откровенно признать, что их ссылка действительно одно только удовольствие. «Вообще теперешняя наша жизнь напоминает «форменную» дачную жизнь, только хозяйства своего нет. Ну, да кормят нас хорошо, молоком поят вволю, и все мы тут процветаем. Я еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи, в Питере-то я его привыкла видеть всегда в довольно прихварывающем состоянии» (письмо от 26 июня 1898 года).

Чтобы сделать жизнь еще более удобной и отвечающей их вкусам и потребностям, супруги Ленины перешли от пансиона у чужих людей к собственному хозяйству, приобретя все, что нужно для его ведения. Заботу о нем взяла на себя Елизавета Васильевна, а на подмогу наняли прислугу. «Наконец мы наняли прислугу, девочку лет 15, за 2½ р. в месяц+сапоги, придет во вторник, следовательно, нашему самостоятельному хозяйству конец. Напасли на зиму всякой всячины» (письмо Крупской от 9 октября 1898 года). О том же предмете две недели спустя: «Наняли девочку, которая теперь и помогает маме по хозяйству и всю черную работу¹ справляет».

Вот эта возможность не думать о зарплате, о хлебе насущном, сбросить всю «черную работу» на прислугу, эта удивительная свобода, которой Ленин пользуется в Шушенском, превратили его трехгодичное пребывание в ссылке, по выражению Крупской, в дачную жизнь, полную всяких приятностей. «Пленник царизма» отдается в ссылке спорту, конькам, охоте. Тетерки, утки, зайцы, дупеля не сходят с их стола. Он ездит в гости к другим ссыльным и принимает их у себя, получает через родных тюки журналов, газет, русские, немецкие, французские книги, нелегальные издания. Он ведет обширную политическую переписку, составляет книги, пишет статьи в журналы и революционные брошюры для издания в Женеве. За исключением конца 1899 года, когда он рвался скорее уехать из ссылки, не спал и худел, и начала пребывания в Шушенском, когда он «с горечью» (его слова) чувствовал принудительное удаление в Сибирь, жизнь проходит под знаком спокойствия и довольства при полной свободе интересоваться и изучать то, к чему его влекло. Только недавно вступивший в литературу Ленин, побуждаемый самолюбием, желанием завоевать скорее известность, спешит выступить в печати с каким-нибудь сборником своих произведений. Мало кому известному писателю найти издателя нелегко. Ленина это не смущает. Деньги найдутся. «Насчет финансов, потребных для издания, я думаю, можно было бы сделать у мамы «внутренний заем»...» (письмо к М. Елизарову от 13 марта 1898 года).

Ему прекрасно известно, что родные всегда готовы беззаветно ему служить, поэтому все дела по печатанию проектируемого сборника — покупке бумаги, выбор типографии, контроль за ее работой он намеревался возложить на Елизарова, а Маняше поручается корректура. Решив это и убедившись, что мать не отказывает ему в потребных для издания нескольких сотнях рублей, он составляет сборник «Экономические этюды и статьи», в котором значительную часть пред-

ставляет статья «К характеристике экономического романтизма», уже напечатанная в апрельской книге (№ 7) журнала «Новое Слово» за 1897 год. Этот сборник, за исключением парадоксальной статьи «От какого наследства мы отказываемся?», содержания весьма тусклого и начатый набором на средства, выданные матерью, в конце концов благодаря разным протекциям — особенно П. Б. Струве — удается для выпуска передать издательнице Водовозовой. Тираж его невелик, гонорар мал, но это литературное выступление не в журнале, не скопом, а в одиночку, отдельной книгой, привлекая к себе внимание, — уже успех для начинающего писателя.

В это же время из материалов, собранных и разработанных в тюрьме, Ленин в Шушенском тщательно составляет книгу «Развитие капитализма в России». Он работает над ней не торопясь, два раза, с помощью Крупской, переписывает текст. Пишет он отнюдь не потому, что ему нужен заработок: это ему приятно, это его увлекает. Он проникнут мыслью об особой важности книги. Уже с 1894 года — после появления на мимеографе его очерка «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — Ленин придает своим произведениям громадное значение. По его глубокому убеждению, подготавливаемая им книга лучше и глубже, чем какое-либо из появившихся марксистских произведений, покажет, как, откуда, при каких условиях развивается русский капитализм и какие перспективы он несет. <...>

В силу своего особенного положения Ленин рассчитывал легко найти издателя на книгу «Развитие капитализма в России». «Мне, — писал он сестре Анне, — нет никакого резона торопиться с получением денег». Жизнь его обеспечена (мы видели, какую роль в этом играют займы у матери), и для Ленина важны не гонорар за книгу, не заработок, а другие условия, которые он требует поставить будущему издателю. Он хочет, чтобы, во-первых, «издание было с внешней стороны безукоризненно, хотя бы и ценой уплаты лишних нескольких сот рублей», и, во-вторых, было «обеспечено вполне хорошей корректурой». Без этого *положительно не стоит издавать*... Безусловно необходим вполне интеллигентный и платный корректор, — это надо поставить непременно условием, и я сам охотно соглашусь заплатить такому корректору хоть двойную плату...» (письма от 4 и 18 декабря 1898 года).

Возможность не торопиться с получением гонорара, отказаться от нескольких сот рублей — а это сумма по тому времени немалая, — но добиться «безукоризненной внешности» предполагаемого издания — достаточно говорят о благополучном материальном положении Ленина.

До ссылки его библиотека была бедна. Он редко покупал книги, пользуясь чужими. Приехав в Шушенское с двумя десятками книг, он уезжает оттуда с 15 пудами очень ценных книг, стоящих многие сотни рублей. «Если не очень стесняться в средствах для выписки книг, — писал Ленин Потресову 7 февраля 1899 года, — то можно, я думаю, и в глуши работать, — я сужу, по крайней мере, по себе». <...>

Сестру Анну, покупающую и отправляющую ему книги, получающую его гонорары, он нагружает множеством поручений, выполняемых ею с величайшим усердием и чувством лежащего на ней священного долга. Он ей шлет «списочки книг, которые мне очень хотелось бы достать и которые, кажется, только и можно купить у букинистов в Питере». Он требует от нее, не запрашивая его, посылать все «особенно инте-

¹ Подчеркнуто нами. — Н. В.

ресное», появляющееся на книжном рынке. Он заказывает ей приобрести для него «оригиналы классиков по политической экономии и философии».

Ленин хочет заняться философией. «Очень хорошо сознаю, — пишет он Потресову 9 мая 1899 года, — свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция, и собираюсь перейти к Канту».

До чтения Канта он все-таки не дошел, что не мешало ему вести с Ленгником, находившимся в ссылке в селе Казачинском, большой диспут о заблуждениях Канта. До Канта не дошел Ленин и позднее; в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» (вышла в свет в мае 1909 года) есть критика Канта по Чернышевскому и ни единой цитаты из «Критики чистого разума». Его философский противник большевик А. А. Богданов уверял, что Ленин судил Канта только по тому немногому, что о нем писали Энгельс и Плеханов. <...>

Наблюдателя со стороны поражает беззаветная готовность родных всячески «обслуживать» Ленина — трудно найти другое слово. Достаточно ему намекнуть, что он хотел бы получить особый сургуч и особую печать для заклеивания писем, или лайковые перчатки для защиты рук от комаров, или «чертову кожу» для охотничьих штанов, или новое ружье вместо сломанного, и все родные — мать, сестры, брат, шури Елизаров — начинают обсуждать заказ, спешат его выполнить, придавая простейшим желаниям Ленина какой-то высший смысл и характер категорического императива. Скорейшее и точнейшее выполнение требований Ленина являлось для них первейшей обязанностью не только потому, что он любимый сын и брат. Сверх любви было признание его «особенным человеком», «гениальным существом», которому должно быть оказано самое большое внимание. Его письма, обращенные к одному из членов семьи, читались всеми, а находящимися в другом городе пересылались. <...>

Преклонение пред ним, начавшееся еще в Самаре в 1891—1892 годах, приняло уже явно выраженные формы во время ссылки Ленина и появления его первых литературных произведений. Каждое из них — будь то пустяковая статья «К вопросу о нашей фаб-

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ЗАДОВЕДНИК СИБИРСКАЯ ССЫЛКА В.И.ЛЕНИНА

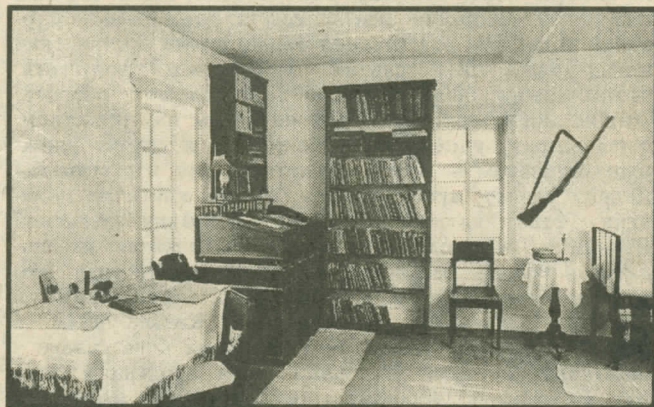

Фото ТАСС

рично-заводской статистике» или «Еще к вопросу о теории реализации», в которой, можно быть уверенным, не разбирался ни один из его родных¹, — должно было им казаться великим событием. Семью охватывало волнение, когда готовился выход сборника «Экономические этюды и статьи». Еще более переписки и волнений было при подготовке и печати книги «Развитие капитализма в России». Главы ее посылались Лениным матери и читались его родными, вероятно, с чувством, похожим на то, с каким верующий человек читает Библию и Евангелие. Исполняя желание Ленина иметь хорошую корректуру книги, семья напрягла все свои силы. Этим делом, кроме корректоров издательства Водовозовой, занимался статистик Ионов, специально приглашенный для проверки цифровых таблиц, сестра Анна, брат Дмитрий. <...>

Важнейшим произведением, подготовленным Лениным в тюрьме и написанным в ссылке, было «Развитие капитализма в России». В одном из своих писем (16 апреля 1899 года) он ссылается на издательницу Водовозову, якобы сообщившую, что он может рассчитывать на получение от книги «около 1½ тысяч рублей». Так как книга была результатом трехлетней работы, Ленин находил такое вознаграждение малым. Наоборот, указанная цифра гонорара кажется почти невозможной. Книга была напечатана в количестве 1200 экземпляров ценою в магазине в 2 рубля 50 копеек. При продаже без остатка всего издания (исключая авторские экземпляры и разосланные журналы и газетам для отзыва) общая сумма поступлений могла быть 2812 рублей. Невозможно допустить, чтобы автору было уплачено 53% валового оборота. Это не могло практиковаться ни одним издательством. Учтя затраты на бумагу, типографию и скидку книжным магазинам — это означало бы, что издательница Ленина ничего, кроме убытка, от его книги не получила. Редакторы второго полного собрания сочинений Ленина в 1927 году указали, что «Развитие капитализма в России» разошлось в течение одного года. Это преувеличение. Книгу можно было легко найти в книжных магазинах, например, в Киеве, даже в 1903 году. Нужно думать, что она была и на складе у издательницы. Если бы книга была продана в один год, Водовозова, вероятно, предложила бы выпустить ее вторым изданием, а это не было сделано.

Ленин не получил следуемого ему гонорара сразу в руки. Значительная часть его дошла до него лишь в 1901 году в Мюнхене, что можно усмотреть из трех писем его к матери. Никакого поступления гонорара от книги в год ее выхода, то есть в 1899 году, Ленин не имел, и на него не приходится указывать, определяя литературный заработок, действительно поступивший к нему за его трехлетнее пребывание в ссылке (май 1897 года — конец января 1900 года). В этот период Ленин мог получить небольшой гонорар за сборник «Экономические этюды и статьи» от той же Водовозовой, часть гонорара за перевод книги Вебба от издательницы Поповой и гонорар за пять небольших рецензий и пять статей в журналах: «Новое Слово» (1897, №№ 7—10), «Начало» (1899, № 3), «Научное Обзор-

ние» (1899, №№ 1, 8, 12) и «Жизнь» (1899, № 12). Остальные две статьи появились уже в 1900 году и в указанный счет войти не могли.

Возникает далеко не лишенный интереса вопрос: в состоянии ли был Ленин с только что указанным заработком прожить в Шушенском так хорошо, как он жил, если бы не было помощи матери, то есть все того же «фамильного ульяновского фонда». Читатель, а на это и рассчитывают партийные издатели писем Ленина, прочитав их и не подвергая анализу, наверное, придет к выводу, что, начав впервые в апреле 1897 года (статья в «Новом Слове») иметь литературный заработок, а Ленину исполнилось тогда 27 лет, он с тех пор стал прочно на ноги и больше в денежной поддержке матери уже не нуждается.

Это было бы неверным и поспешным заключением. Приход от гонорара никак не мог покрыть его расходы в Шушенском. Огромная часть его не проживалась, не тратилась на повседневные нужды, а шла на покупку книг, журналов, газет, не доходя до Шушенского. Кроме того, часть гонорара откладывалась для расходов на возвращение из ссылки, а часть предполагалось сберечь ввиду отъезда за границу, откуда Ленин намеревался вести атаку на самодержавный строй. Без обращения к матери, вроде «пришли мне побольше финансов» или «пришли мне 200 рублей», — *он обойтись не мог*. Надлежит притом заметить, что Ленин отнюдь не желал жить в Сибири в стесненных материальных условиях. Он хотел жить по меньшей мере «сносно», представление же о «сносной жизни» у него в то время было весьма повышенное, как то можно усмотреть из письма к Анне Ильиничне от 27 июля 1898 года. Сообщая ей, что их самарский знакомый и единомышленник С. И. Мицкевич, тоже находившийся в ссылке, «берет с удовольствием место врача в Средне-Колымске», Ленин обмолвился следующей фразой: «без этого в ссылке пропадешь. А на 2½ тысячи прожить-то, наверное, можно там сносно».

Предположив, что в Шушенском и Минусинском районе уровень «сносной» жизни обеспечивался на троих (Ленин, Крупская и ее мать) расходом в два с половиной раза меньше, мы с помощью самого простого математического расчета, учитывая казенное пособие, легко поймем, что весь полученный им с 1897 года по конец 1899 года литературный заработок — никоим образом указанного «сносного» уровня жизни обеспечить им не мог бы, тем более, что громадная часть этого заработка не шла на повседневные нужды.

По опубликованным письмам нет возможности установить точную общую сумму денег, посланную матерью Ленину в Шушенское. Но в то же время можно уверенно сказать, что именно эта денежная помощь, обеспечивая с самого начала приезда его в Сибирь довольство, покой, устраняя острую необходимость бегать за заработком, позволила ему начать, а потом, в условиях очень большого удобства, развернуть литературную деятельность. Без этой помощи, нужно ли повторять, он не мог бы такую громадную часть гонорара тратить на библиотеку, на покупку интересующих его книг и журналов, не мог бы сберегать деньги для отъезда из Сибири и выезда за границу.

¹ Эта статья, как и другие его статьи на ту же тему, есть лишь очень невдумчивое изложение главы второго тома «Капитала» Маркса о «воспроизводстве в обращении всего общественного капитала».

Владимир ВОЙНА

БАЧОК И СИСТЕМА

ЗАПИСКИ АВИАПАССАЖИРА

Уже ни для кого не секрет, что хуже Аэрофлота в мире авиакомпании нет. Но для того, чтобы «измерить», насколько он плох, надо сравнивать. Что я и сделал, налетав десятки тысяч миль авиалайнерами в США, европейскими, канадскими самолетами...

БЕЗ «ДЕПУТАТСКОГО ЗАЛА»?

При нашем нищенском, «рублево-вом» сознании авиабилет в Соединенных Штатах кажется очень дорогим. Скажем, пересечь Америку от края и до края, от Атлантики до Тихого океана, из Бостона до Сан-Франциско дешевым, «экономичным» классом стоило 400 долларов. Но — в оба конца! Потому что в один конец брать билет невыгодно, он может обойтись чуть ли не в ту же сумму, что и «с возвратом». Так форсируется продажа билетов в условиях конкуренции...

Да и дорого ли это — четыре сотни долларов — для американца? Нет, для многих это всего лишь трехдневный бюджет. Грубо говоря, то же, что для меня, при моей московской зарплате, сорок рублей. Но за эти деньги я разве что до Тбилиси долечу — в один конец. А до Тихого океана и обратно — целая месячная зарплата! Американец же за свой месячный заработок может облететь вокруг света, неплохо отдохнув в пути. А в Лондон и обратно, если не в пик туристского сезона, можно слетать и за 199 долларов. Школьники и студенты, присматривающие за детьми, зарабатывают столько за 40 часов; моя достаточно скромная

стипендия в Гарварде, в Нименовском фонде для журналистов, позволяла мне делать почти что десять таких путешествий в месяц...

Какие же привилегии приобретаются в Америке вместе с билетом? Во-первых, гарантия того, что прибудешь в положенное время. Лишь один раз на моей памяти по техническим причинам вылет задержался и мы просидели в салоне лишнего полтора часа, пока устранялась неисправность. За нарушение графика положено нести ответственность. Мало того, что перед нами десять раз извинились, еще и подарок всем преподнесли: во время полета мы смогли посмотреть программу кинофильмов на экранах телевизоров в салоне, бесплатно, сезонно в трюке каждый. (Кино в пути не входит в стоимость билета, хочешь не только смотреть, но и слушать звук — заплати за наушники, позволяющие также насладиться, при желании, одной из нескольких программ звукозаписей. Ну а нам эти самые наушники достались на сей раз бесплатно.) Пустяк? Это как сказать.

Еще одна льгота: при выходе на посадку разложены свежие газеты и журналы, самые разные, их набираешь в изобилии бесплатно. Плюс каждая линия издает свой интересный журнал, со множеством красочных иллюстраций, с рассказом об отдельных городах и странах, а также о том, как успешно идет ее дела, как за считанные годы выросла стоимость акций, снизилось число аварий, катастроф... Этот журнал — для каждого пассажира, можешь взять и его с собой. Реклама движет миром!

Чем можно «взять» лично тебя при острой конкуренции на линиях? Психологически важно, конечно, то, что линия, которую ты выбрал на этот раз, отличается наименьшим числом катастроф. Но чтобы закрепить пассажира за собой в качестве постоянного клиента, нужны

и другие приманки. Это — атмосфера особого радушия, создаваемая улыбками и красотой бортпроводниц (да и мужчин-стюардов тоже), особенно вкусным обедом, элегантностью униформ, изысканной вежливостью и мастерством команды... Как лихо пилоты садятся на аэродромное поле! Порой их умение вознаграждается спонтанными аплодисментами пассажиров. Да и не уходят пилоты с мрачными лицами раньше пассажиров, нет, стоят в дверях вместе с бортпроводниками и каждого пассажира благодарят, дарят ему улыбку, приглашают вновь воспользоваться услугами авиалинии. Идет борьба за сердца, за расположение каждого пассажира!

Идет и борьба за секунды: не только прилететь в положенный час, но и мгновенно выпустить пассажиров из салона, через несколько минут доставить на ленту транспортера выгруженный багаж, оснастить каждый аэропорт предельно четкими условными обозначениями, чтобы ты не метался в поисках выхода, не тратил время... Только самые малые, местные аэропорты не имеют такой элементарной вещи, как «прямая кишка», по которой пассажир переходит из салона самолета прямо в здание аэропорта, не почувствовав даже, какая на улице погода. И попадаешь ты на борт тоже сразу, без томительного ожидания, пока «накопятся» пассажиры, пока к вам подойдут и проведут в автобус, пока не набьется он полнехоньким, как бочка сельдью, пока тебя не отвезут, пока не подойдет очередь взобраться на трап, в сутолоке, в судорожных толчках и тычках...

Если еще не объявлена посадка, можно закусить в одном из баров, разглядеть сувениры местного производства в лавке, покурить на специально отведенных мягких местах с незаметной, но эффективной вытяжкой дыма (впрочем, американцы нынче почти не курят), по-

любоваться сквозь эффектные, застекленные от пола до потолка окна, как идет заправка «твоего» самолета и как он дьявольски красив... А потом, безо всякой толчеи, гордо пройти по «кишке» прямо в салон, к своему месту, раздеться, вытянуть ноги (в американских самолетах — просторно, колени не входят в грудь), разложить на столике, ну, хотя бы свой персональный портативный компьютер, чтобы с пользой поработать в пути. Можно позвонить кому-то по радиотелефону, воспользовавшись электронной карточкой, с которой за эту услугу автоматически «снимут» положенную сумму. Сам телефон спрятан в спинке кресла, что перед тобой.

«Прямой кишкой» в СССР я только однажды сумел воспользоваться, в аэропорту Таллинна. Даже в Ереване, где в аэропорту «Звартноц» это удобство предусмотрено, оно, как это часто у нас бывает, не действует, служит лишь декоративным целям. Наши аэровокзалы на целый век отстают от международных стандартов.

А эти стандарты требуют, между тем, дифференцированного обслуживания пассажиров, деления их на классы, как на железной дороге. «Клиппер-класс», «бизнес-класс» — это значит еще более удобные кресла и широкое пространство между ними, подаваемые бесплатно вина, шампанское, приготовленный тут же, на кухне самолета, индивидуальный обед из нескольких блюд (меню выбираешь по карточке, которая звучит, как стихи), приятный подарок от авиалинии — либо упакованные в целлофан наушники, с правом бесплатного просмотра фильма, телепрограммы, или «набор путешественника» в специальной сумочке, где есть зубная щетка, паста, бритвенный прибор, пуговицы и иголки с нитками, одеколон, расческа, щеточка для одежды... И зал для ожидания пассажиров «клиппер-класса» тоже особый, сродни нашему «депутатскому», с той, однако, разницей, что воспользоваться им может всякий и каждый, лишь денежки заплати.

ГАВАЙИ В ПОДАРОК

Вообще без дифференциации услуг Америка немыслима. Взять ту же стоимость билетов — она разная. Если закажешь рейс по телефону за десять дней или

ранее, да еще на тот, что менее загружен, можно сэкономить аж две трети стоимости билета! Если рейс ночной, тот, кто не боится бессонницы, тоже может прилично сэкономить, долетев с «красными глазами», как в Америке говорят. Есть и чартерные рейсы, для больших групп — тоже солидная скидка. Студенты путешествуют дешевле, пользуясь оставшимися перед вылетом билетами. Если в бюро путешествий покупаешь одиннадцатидневную путевку на Гавайские острова, с заездом по пути в Сан-Франциско и Лас-Вегас (где тоже остановки на два-три дня), то все это — с гостиницей, питанием, разъездами, услугами гида — обойдется, возможно, даже дешевле, чем один лишь прямой проезд до Гавайев и обратно в «чистом виде». Для авиалинии групповые поездки выгодны, ведь они — гарантированы, туристские фирмы за них деньги платят заранее, отсюда и огромная скидка.

Кто бы смог мне объяснить, почему Аэрофлот, тоже продавая билет за много дней вперед, не только не снижает цену, но и... взимает за это дополнительную плату?! Все-то у нас наоборот.

В Бостоне провоз путешественников от станции метро «Аэропорт» до нужной тебе авиалинии (пусть, правда, недалеко, два-три километра) бесплатный, на «шаттле» — челночном автобусе. В Сан-Франциско — другое удобство: там ты заказываешь по телефону маршрутное такси, которое подходит прямо к твоему дому, набирает в пути несколько пассажиров — и довозит всех прямо до аэропорта. То же — и в обратном направлении.

Естественно, практически на каждый рейс есть до последней минуты билеты, салон никогда не бывает слишком полным, а самолеты-«челноки» снуют между основными городами часто, ровно через час, так что и расписание запоминать не нужно. Если же хочешь сэкономить сверх того еще полчаса, пройди по переходу на другую авиалинию, у нее другое расписание, вылетишь еще раньше. Переходы — удобные, а если пассажир стар, или болен, или инвалид, то его с шиком подвезут по коридорам аэропорта на красивом электромобильчике. Инвалидное же кресло вообще не помеха для путешествий, самолеты давно оборудованы под них.

Конкуренция между линиями не мешает им кооперироваться в нужных случаях, вкладывая деньги в те удобства, которые принесут выгоды всем. Например, совместно строят гаражи для машин авиапассажиров, содержат бесплатные автобусы... Цены на билеты они сохраняют на одном уровне — и даже увеличивают их вместе, в одной пропорции, что вызывает у публики законное опасение монопольного сговора, а фельетонисту Арту Бухвальду дает пищу для едких острот. Основная борьба опять-таки разворачивается на поле сервиса, дополнительных удобств.

Мой американский друг надоумил меня вступить в члены «Клуба частных путешественников». Я выбрал компанию «Пан-Америкэн», услугами которой пользовался чаще всего, и подал заявку. Скоро получил электронную карточку, на которой всякий раз при очередном перелете фиксировались мои мили. За вступление в «клуб» полагалась фора в три тысячи миль, да и каждый полет округлялся в мою пользу. Сперва я достиг отметки в 30 тысяч миль — и тем приобрел право на бесплатное путешествие до Гавайских островов (или Багамских, или Флориды), затем — 40 тысяч миль, что дает право совершить путешествие в любой город Европы и обратно. Увы, кроме Москвы. Но от Праги или, скажем, Хельсинки до Америки — пожалуйста. На следующем этапе можно заработать право на два бесплатных билета, затем — на путешествие более высоким классом... Отличный стимул для выбора услуг именно «своей» авиакомпании! Льгот я приобрел много, включая и такую: в случае потери багажа я получу компенсацию в 3 тысячи долларов.

Вообще багаж теряют часто, но обычно, рано или поздно, его находят. Если не считать Москвы. Вылетов из родной столицы в сентябре прошлого года рейсом «Пан-Ам», я так и не получил его по прибытии. Как только не искали его! Полгода длилась моя переписка с компанией. В конце концов, поняв бесплодность усилий, авиалиния заплатила мне предел компенсации за два потерянных места — 1260 долларов. Ведь в ту пору, когда потеряли (или украли?) багаж, я еще не был членом «клуба» этой фирмы... А сейчас я бы получил и все три тысячи.

Держа в руках столь солидный чек от авиакомпании, я все думал о трагической судьбе своего знакомого, талантливого философа, погибшего в авиакатастрофе по пути из Варны в Москву: Аэрофлот, учитывая, очевидно, что рейс был международным, выплатил семье целых... триста рублей. Не за багаж — за жизни! Потом «цена смерти» поднялась до тысячи, недавно даже достигла 15 тысяч рублей. В Англии эта «цена» составляет 75 тысяч фунтов, или 150 тысяч долларов. В США — несколько меньше, но все равно суммы сопоставимы.

НАДО МЕНЯТЬ СИСТЕМУ

Аэрофлот все хитрит, выискивает, как бы сделать бизнес за счет пассажиров, ничего не дав взамен или отобрав прежнюю льготу. Типа сэкономленной конфетки, карамельки стоимостью в доли копейки, которую нам когда-то давали при взлете, потом отобрали. Эта конфетка — модель взаимоотношений между изготовителями и потребителями услуг. Цены ведь сильно с тех пор выросли, неужто копеечку из тех сверхприбылей так и не удалось выкроить?

Моя знакомая итальянка часто летает в Москву, она небогата и старается экономить. Билет Аэрофлотом обходится ей значительно дешевле. Почему? Она... торгуется. И, представьте себе, так мало иностранцев готовы воспользоваться услугами нашего монополиста и так много мест пустует в машинах, что ей удается прилично выгадать. Лишь бы нашей фирме получить лиры-франки!

Я, наконец, понял, почему при фантастических очередях перед авиакассами наши машины в другие страны летят полупустыми. Аэрофлот столь мало ценит наши «деревянные», мусорные, что предпочитает до последней минуты придерживать билеты, а вдруг какой-то дурак-иностранец купит за валюту? Нет, не покупает, слишком гадко кормят, и колени в живот, и небезопасно, и некрасиво... А с другой стороны, если продавать все подряд билеты и сократить очереди, за что тогда брать взятки? Любой дефицит создается искусственно — теми, кто хочет на нем поживиться.

— Кто-то думает, что неумение работать стало частью нашей души,

генетического кода... То ли дело иностранцы, любо-дорого смотреть, как они трудятся! Но разве у нас кровь другая, хотя и родились мы в России?

Из Лондона я должен был срочно лететь домой, оставалась неделя. Но «Пан-Ам» и британская компания в этот напряженный момент уже распродали все места до Москвы, и мой билет, с «открытой датой», не помогал. А что если есть еще места «аэрофлотским» рейсом? Пусть с неудобствами, лишь бы долететь... Любая зарубежная компания порадовалась бы, приди я к ним с уже купленным билетом, ведь она получила бы эти деньги, «переведя» их на свой счет.

В операционном зале лондонского отделения Аэрофлота за конторскими столами сидели одни англичане. Странное дело, никто не смог ответить мне, могу ли я лететь на Москву, воспользовавшись своим уже купленным билетом, и не возникнет ли разницы в стоимости. Поднялся на второй этаж. В одной комнате говорили по-русски, в другой по-английски, но в обеих на меня смотрели, как на пустое место, а когда я попытался было ввязаться в разговор, отмахнулись, как от назойливой мухи. Я, честно, от этого за год отвык! Спустился

снова вниз, попросил старшего, но и он лишь улыбался... И тогда я произнес перед английскими сотруdnиками советской компании такой монолог:

— Господа, вам не нужны мои деньги? Вас не тревожит, что я перейду улицу — и обращусь к вашим конкурентам? Кто же это отучил вас работать, вы же англичане, не москвичи? Что вообще с вами? Ведь я журналист, напишу о том, как вас развратили, вам не будет стыдно?

Эффект был тот же, что «имел бы место быть» в наших краях. То есть никакой. Я в самом деле пересек улицу... И в результате провел оставшуюся неделю в Париже, откуда самолетом «Эр-Франс» легко добрался до Москвы, в срок. Спасибо Аэрофлоту?

Нет, тут заменой бачка не отделаешься. Тут всю систему надо менять! Эх, старый анекдот о водопроводчике Феде, произнесшем эту крамольную мысль вслух и получившем за это срок, самым афористичным образом определяет и сегодня мое отношение к монопольному хозяину советских авиалиний. Ну, разделим мы его на отдельные компании, что изменится? Тут ведь заменой сливного бачка... Нет, не поможет!

Елена САЛИНА

Подвальные страсти

Казалось бы, сказала я себе, стандартное письмо. Сколько ты таких уже получала? Нормальное право родственников обжаловать судебное решение. Ты видела хоть одну мать, довольную тем, что сыну дали семь лет?

Да, мать, не без помощи адвоката, конечно, плетет хитрую вязь юридических зацепок и судебных неувязок. Но сын осужден четыре года назад, и все, какие есть, надзорные инстанции ей отказали, признав тем самым решение суда верным. И кажется, нельзя не посочувствовать человеку, у которого «нет уже никаких надежд, кроме желания отомстить за искалеченную жизнь».

Почему же письмо не вызывает у тебя сочувствия?

Потому что мать не отрицает содеянного сыном. Она просто не считает ЭТО преступлением. Следовательно, она считает ЭТО нормой.

«**П**риговором суда Воробьев В. А., Сергеев А. Н., Удалов Ю. С. (все фамилии изменены. — Е. С.) признаны виновными по ст. 117 ч. 3 УК РСФСР и приговорены: Воробьев к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима, Сергеев и Удалов каждый к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в ВТК общего режима...

Осужденные признаны виновными в том, что по предварительному сговору группой лиц совершили изнасилование несовершеннолетней Ивановой».

Аббревиатуры ИТК и ВТК говорят нам о том, что Воробьев поехал «на исправление», стало быть, перешагнул 18-летний рубеж, а остальные — «на воспитание» как несовершеннолетние. Суть же дела вот в чем.

Гуляли хорошие мальчики и девочки поздним октябрьским вечером между магазином и общежитием. Веселились, как умели, обнимались и радовались удачно оторванной в автомате телефонной трубке. Не сказать, чтобы пьяные, но и не слишком трезвые, само собой.

Потом, видать, заскучили от нехватки острых ощущений и решили продолжить праздник жизни. Почему-то в квартире Удаловых (это его мама прислала письмо) оказались вчетвером: три товарища и будущая потерпевшая.

Если перелистать уголовное дело, наверно, все можно расставить по местам, но меня последовательность событий интересует меньше всего. Жалоба матери, пришедшая в редакцию, как бы прекратила свою жизнь в качестве документа. Предавая случившуюся беду гласности, мать требует оценки юридической. А я могу дать только моральную, которую не изменят, увы, ни время, ни место.

Есть факт. Три мальчика всю ночь «любили» одну девочку, а утром девочка отнесла заявление в милицию.

И есть материнские претензии к суду. Первая — по поводу возраста девочки, ведь за изнасилование несовершеннолетних, как известно, судят строже.

«**Осужденные, в частности Воробьев, не скрыл, что Иванова сказала ему о том, что ей пятнадцать лет. Однако Воробьев утверждал, что Ивановой не поверил (выделено мной. — Е. С.)**».

В доказательство приводятся «объективные данные добросовестного заблуждения»: рост потерпевшей 163 см, вес — 59 кг, объем бедер — 112 см. И делается вывод: «**следовательно, осужденные воспринимали субъективно Иванову как лицо совершеннолетнее**».

Субъективное восприятие — дело, конечно, тонкое. И кто может поручиться, что взрослые дяденьки, насилова в темных подъездах пятилетних девочек, не считают их в этот момент женщинами-карликами?

Вопрос следующий. Считать ли нашкодивших ребятшек группой?

«**Иванова пояснила, что при совершении с ней половых актов присутствовал только тот из осужденных, который в этот момент и вступал с ней в интимные отношения. Больше никого не было, никакого содействия осужденные друг другу не оказывали**».

Воробьев, оказывается, даже не предполагал, «что Удалов и Сергеев будут совершать с ней половые акты».

Но более всего пострадал от коварства юной леди Удалов, который просто-напросто проспал все первое действие занимательного спектакля. Вот его показания: «**Проснувшись, я сходил на кухню, попил воды, затем вошел в маленькую комнату и увидел голую Иванову. Она ничего не говорила. Я лег и совершил с ней половой акт**».

«**При таких обстоятельствах, — уверяет мама Удалова, — вывод суда о наличии в действиях осужденных квалифицирующего признака —**

совершение группой лиц — бесспорно, следует считать неосновательным».

А было ли вообще изнасилование? Ну вот, мы и добрались до самого главного.

Свидетель А. показал: «Я не видел, чтобы Воробьев ей крутил руки».

Свидетель Б. пояснил: «Оля на помощь не звала».

Свидетель В. подтвердил: «Воробьев стоял, обняв Олю за талию». И добавил, что лично ему, В., это было неприятно, так как раньше он, В., встречался с Олей.

И судебно-медицинские эксперты написали в заключении, что синяков и иных отметок борьбы не обнаружено.

Я не присутствовала на суде. Подозреваю, что были и другие свидетели, слышавшие крики о помощи. Просто писать о них в данном контексте невыгодно. А если допустить, что девочка была перепугана и боялась кричать? В аналогичной ситуации ведь каждый ведет себя по-своему. Или надеялась, что все обойдется... Ох, жалко мне того судью.

А из зала все кричат: «Давай подробности!»

«Осталось непонятным, как совершался половой акт... Чем подтверждается, что ее насиловали в естественной и извращенной форме без перебива, не давая ей подняться?.. В приговоре нет ясного понятия, где насиловали: на диване или на кровати? Как же она оказалась на кровати, если вначале было на диване?.. И еще, когда пыталась бежать через окно, то одетая была или голая?»

Полно, уважаемая, остановитесь. Я понимаю, что сын, родная кровь, но ведь у девочки Оли тоже есть мать, отец, может быть, братья и сестры.

ОНА САМА ВО ВСЕМ ВИНОВАТА. Нет, я не нашла в письме этой ключевой фразы, но именно об этом стонет, рыдает, вопит каждая его строчка.

Да пусть не только не сопротивлялась, пусть угоривала, за руки хватала и тащила в постель! Вашто сын, единственный и ненаглядный, самый умный, красивый и добрый, рожденный, естественно, для полета, — что же его заставило спикировать в такую грязь? За него не страшно? Хоть раз в жизни вы рассказали ему, как мужчины дарят цветы?

В юриспруденции есть раздел, который называется виктимология — наука о жертве. У нас она неожиданно вошла в моду в начале 70-х. Несколько скособоченная на советский лад, отечественная виктимология старательно открещивалась от буржуазных излишеств, акцентируя внимание лишь на одной стороне — виновности жертвы.

Так вот, кандидат юридических наук старший научный сотрудник ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка Григорий Антонов-Романовский — решительный противник этой вульгарной виктимологии. Потому что наша обыденная мораль и так многое списывает мужчине, обвиняя в его грехах женщину. Взятая же на вооружение юристами, виктимология в отечественном варианте переносит мораль обывателя в зал суда, закрепляя тем самым за ней статус официальной. Словами «сама виновата» мы как бы заведомо оправдываем насилие в отношениях мужчины и женщины. Вместо того чтобы считать чрезвычайным происшествием обращение женщины в милицию, начинаем считать синяки. Проблему нравственности подменяем проблемой доказывания. Так прощсе.

Тут впору воскликнуть: «А как же подлые обманщицы, жаждущие мужской крови?»

Но существует же практика, которая говорит однозначно — таковых единицы. На тысячи подобных преступлений. И «раскусить» коварную фурию не представляет большого труда.

По данным МВД СССР, только несовершеннолетние и только за один год (1989) совершили 4156 изнасилований. А ведь несовершеннолетние составляют лишь 29,4% всех привлеченных к уголовной ответственности насильников. Пик половой распущенности приходится на 18—24 года — 36,9%. 25—29-летних — 19%, 30-летних и старше — 14,7%. Специально подчеркиваю — привлеченных к уголовной ответственности. А сколько девичьих слез тайком пролито в подушки! Легко ли девочке прийти в милицию, чтобы еще раз, психологически, пережить случившееся? Ответить на сотню больных вопросов, заданных далеко не самым корректным образом? И уйти домой, потеряв веру в справедливость. Потому

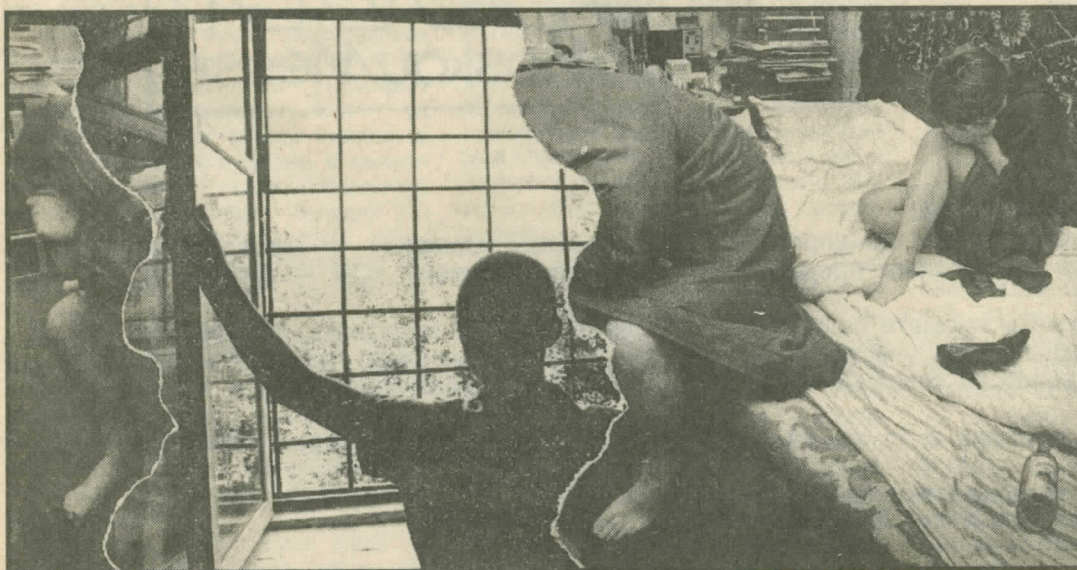

Фото
Э. Кудрявицкого
и А. Соловьева

что еще в начале 80-х до 2/3 фактов изнасилования вообще не рассматривалось, а заявительницам под любыми предлогами отказывали в возбуждении уголовных дел. Все по тому же принципу — сама виновата.

И несут свои заявления, обливаясь слезами, отнюдь не падшие представительницы женского пола. У тех-то как раз все просто — милицию стараются даже не поминать лишний раз всуе.

Действительно, девочки стали гораздо раскрепощеннее. Но это вовсе не значит, что они готовы на все. Уйму бумаги перевели психологи, растолковывая особенности поведения и восприятия подростков. Все впустую. Выявлена даже сезонная закономерность молодежных изнасилований. Оказывается, 40% их приходится на довольно короткий отрезок года: конец августа — октябрь. Это легко объяснимо. После летнего отдыха, проведенного под контролем родителей и пионервожатых, мальчики вновь собираются в группы. Многие меняют образ жизни — переходят из школы в ПТУ, где стремятся занять определенное место в сложившейся иерархии.

Подросток — коллективист по натуре, стадное чувство диктует ему законы. Не случайно большая часть подростковых преступлений носит групповой характер и автоматически подпадает под более суровое наказание. Хотя — Григорий Всеволодович убежден в этом — гораздо опаснее молодой преступник-одиночка. Опаснее не для жертвы — тут последствия могут быть достаточно серьезными в обоих случаях. Как человек с вполне сформировавшейся негативной установкой, он опаснее для общества, потому что гораздо труднее поддается перевоспитанию.

Отягчающим обстоятельством считается несовершеннолетие потерпевшей. Практически все подростки подпадают и под этот постулат уголовного кодекса. Конечно, они затевают «любвные игры» не со взрослыми женщинами — с ровесницами. Это специфика

сексуального поведения вообще. Как правило, жертва оказывается на 2—4 года моложе насильника, а ему и самому-то еще нет восемнадцати.

К чему я все это говорю?

Чтобы успешно бороться с каким-то явлением, надо представлять его себе реально. В одном я согласна с матерью Удалова — ни семь, ни восемь лет заключения, скорее всего, не исправят лихую компанию. Озlobят, отнимут здоровье, снабдят зековским опытом и выбросят обратно. В тот же мир, где в почете хамство и изворотливость, где превыше всего ценятся собственные удовольствия, а женщина была и остается существом низшего сорта.

Этот мир создали для них вы, мать и женщина.

P.S. Не хочу, чтобы меня обвинили в мужененавистничестве. Поэтому упомяну еще об одной возможной ситуации. Искренняя симпатия, любопытство, наконец, любовь нередко сводят в наше время в постели двух молодых людей, коим официально подобные отношения пока еще воспрещаются. Постфактум девочка (а чаще ее родители) может оказаться настолько потрясена случившимся, что вместо любовного письма напишет скучное заявление.

Что ж, мальчику действительно можно посочувствовать — он выбрал не самый достойный объект обожания. А девочка... Мне трудно говорить о ее вине. Ведь это беда: засилье инфантильных, рано развившихся физически существ, стремящихся совершать взрослые поступки, но не желающих и не умеющих за них отвечать.

Ну не в капусте же их нашли!

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ!

Советско-германское предприятие «Московская ярмарка» и Московская ассоциация совместных предприятий проводит выставку «СП — сегодня и завтра».

На выставке Вы сможете познакомиться с деятельностью московских совместных предприятий, принять участие в деловых встречах и семинарах, проконсультироваться по вопросам создания СП и их правовой защите, расширить свои деловые связи.

Выставка пройдет с 11 по 16 февраля в павильоне № 4А парка «Сокольники».

Ждем Вас на нашей выставке!

Справки по телефону: 268-07-09.

«Там нет справедливости...»

10 лет лишения свободы — таков итог жизни орденосца, участника Великой Отечественной войны, лауреата премии Совета Министров СССР, генерала Иванова, возглавлявшего в канун перестройки Управление внутренних дел Волгоградского облисполкома.

Сейчас он отбывает срок в поселке Заречный под Алма-Атой в колонии усиленного режима для бывших работников партийных, советских и правоохранительных органов. Это «прокурорская» зона, как говорят в уголовной среде. Кроме взяточников и кутил здесь сидят и другие люди. Постовой милиционер если попадает сюда, то за изнасилование или угон машины, угрозыск — за умышленные и непреднамеренные убийства, сотрудники ИТУ — за рукоприкладство или за так называемую незаконную связь с осужденными.

А Константин Дмитриевич Иванов виновным себя ни в чем не признает. Более 700 жалоб и обращений написал он во все адреса — от Президента СССР до генерального секретаря ООН. В числе адресатов оказалась и «Столица».

«Как можно нести пожизненное наказание за рюмки спиртного и бутерброды, выпитые и съеденные коммунистами-руководителями из высшего эшелона власти страны, а также «мертвыми душами» и делегациями всех социалистических стран?» — спрашивает бывший генерал, за утехами которого, показанными в передаче «Человек и закон», затаив дыхание, следила вся страна.

Недавно в колонии прошел праздник. Не забыли и генерала. Читаю приказ: «В честь празднования годовщины Великой Октябрьской революции Иванова К. поощрить правом на получение дополнительной отоварки — до 3 руб.» Тоже своего рода спецпаек.

Сейчас он сидит передо мной на табуретке, мнёт в руках шапку. На

нём несуразные «хозяйские» ботинки, черный ватник с этой ненавистной, как он говорит, биркой, коротко острижен. Осудили его на 10 лет с полной конфискацией имущества.

— Это пожизненное заключение, — говорит Иванов, — и на свой счет я уже не обманываюсь. Сейчас мне 65 лет, а окончание срока в мае 1996 года.

Меня посадили по указанию бывшего первого секретаря Волгоградского обкома КПСС Калашникова. Он пришел на этот пост в январе 1984 года, я работал начальником УВД с 1969-го. И ему захотелось на волне процесса обновления зарекомендовать себя с положительной стороны, показать, что еще вчера в Волгоградской области все было плохо, а сегодня стало лучше. От меня требовались данные, которые могли бы скомпрометировать кое-кого из высшего руководства страны. А оперативной информацией я обладал, потому что Волгоград практически каждую субботу-воскресенье посещали многие делегации в сопровождении представителей Москвы. Информацию я не предоставил...

Осудили Константина Дмитриевича за взятки, получал он их похищенной продукцией. Кто-то воровал, а генерал не только не пресекал, а как бы еще и брал оброк. Общая сумма — 18 696 рублей. Много это или мало, судить по наступившим временам трудно, но, как трактует уголовный кодекс, это взятка в особо крупных размерах. Попутно, для сравнения, отмечу, что при обыске у него изъято ценностей на 2140 рублей и наложен

арест на имущество в 34 с половиной тысячи.

Тогда в Волгограде воровали с размахом. Молокозавод, мясокомбинат, кондитерская фабрика, ликероводочный завод. Проще, пожалуй, сказать, откуда не тащили. Согласно судебному приговору, генерал свою руку приложил всюду. По делу проходило еще четыре человека. Три полковника милиции — Кириллов (начальник ХОЗО УВД Волгоградского облисполкома), Шумилин (начальник Управления вневедомственной охраны), Тютюнов (старший преподаватель Волгоградской следственной школы МВД СССР) — и товаровед Волгоградского производственного объединения «Росмолторг» Татьяна Чумаченко.

Спиртное было одним из основных объектов внимания преступников. Цитирую приговор: «За 1976—1984 гг. похищено водки на 14 081 руб. 22 коп...»

Да, водка нужна была для встреч делегаций. Приезжали часто, пили много. Приказом министра областное Управление внутренних дел с 1976 года стало базовым для проведения совещаний, семинаров и курсов. Большая честь, но и большие заботы. Милицейское хозяйство Иванова не успевает встречать, угощать и провожать бесчисленных гостей. Заседание, совещание, комиссия — и энная сумма на водку. Чурбанов ли, Рожков, другие замы министра пожалуют — водка льется рекой.

Приезжали и иностранцы. Член Политбюро ЦК СЕПГ Лоренц бесплатно попил-поел на 260 рублей. Член ЦК КПЧ Мамула — на 422 рубля. Приезжали делегации МВД Кубы, Вьетнама, Румынии, Венгрии, Польши...

Одним словом, члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, члены союзного и российского правительства, зарубежные гости погуляли в Волгограде на довольно приличную сумму. При обвинении в суде ее вменили Иванову.

Была еще одна категория людей. В протоколах допросов и приговоре они фигурировали как «нужные, угодные Иванову люди», участники «мальчишников», «банкетов», «вечеринок». На них пошло восемь с половиной тысяч расписанных на генерала денег. Кто они, эти люди? Почему суд счел уместным оставить их фамилии в тени?

— Это люди из высшего руководства центрального аппарата — пояснил Иванов, — из местных, областных, городских партийных и советских органов: Федорчук, Рекунков, Кравцов, Сорока, бывшие первые секретари обкома партии Куличенко, Калашников, другие.

Суд ограничился лишь констатацией:

«Чтобы накормить и напоить такое количество людей, приходилось искать любые выходы, в том числе и незаконные.»

Истины ради отмечу, что на весах правосудия были брошены не только издержки гостеприимства. Иванову, например, вменили также трату госсредств на проведение в ресторане «Волгоград» свадебных торжеств обеих дочерей, на поминки первой жены (второй брак он заключил нынешним летом с уроженкой Ташкента в колонии). Приписали также и то, что он возил за границу икру и осетровый балык, а в баню на стадионе «Динамо» — вино и шампанское. Ну и остальное по мелочам — получение взяток в виде двух гэдэзеровских сервисов «Мадонна», конфет «Птичье молоко», золотой заковки для галстука. Было даже два эпизода с воровством миллионной вешалки за 122 рубля и черно-белого телевизора.

Все, вплоть до вешалки, генерал отрицает.

Он часто вспоминает войну. Со сталинградского тракторного проводили на фронт, добровольцем. Сразу попал на Курскую дугу. Под Прохоровкой вступил в комсомол. К Берлину дорос до старшины, командира артиллерийского противотанкового расчета. Потом гонял бандеровцев на Украине. Да что там, от рядового милиционера дошел до генерала. 36 лет без единого взыскания состоял в КПСС. Пять орденов, медали. Биография!

А теперь — тюрьма. Кровью омытые заслуги перед Отчизной превратились в жалкие смягчающие вину обстоятельства. И он — ничий. 23 августа 1989 года Президиум Верховного Совета СССР лишил

Иванова последнего — боевых наград.

Вот строки из характеристики, выданной в Управлении кадров МВД СССР. Она легла в личное дело подсудимого.

«На протяжении служебной деятельности Иванов К. Д. характеризовался только с положительной стороны. ... Но в последние годы в работе Иванова К. Д. выявлены существенные недостатки, связанные с нарушением учетно-регистрационной дисциплины, протекционизмом, злоупотреблениями по службе отдельными руководителями и причастности их к расхищению собственности на объектах народного хозяйства. С подчиненными по службе лицами груб. Личные интересы ставил выше общественных, поощрял льстецов и угодников, выдвигал их на руководящие должности в аппарат УВД.»

Он пытался сопротивляться. Все знали, что Иванов — не слишком склонен к выпивке — позволял себе рюмку-другую коньяка, и все. Но от застолий и банкетов отказываться было нельзя. Застолья и банкеты вполне входили в круг его генеральских, служебных обязанностей. По нимал — иначе будешь чужим, подозрительным.

Окружение особой щепетильностью не отличалось. Кириллов, например. Купил однажды генерал у этого Кириллова магнитофон за 2500. Только когда Иванов стал знакомиться с уголовным делом, выяснилось, что магнитофон стоил 1100 рублей. Надули, как на барахолке.

Запомнился Константину Дмитриевичу и 60-летний юбилей. Обком, облсполком складывались на подарок. Вопрос решали через Кириллова. Тот заходит в кабинет Иванова, вносит японский портативный магнитофон: «Константин Дмитриевич, мы собрали 300 рублей, с вас — 800». Иванов достает из сейфа, рассчитывается. А Кириллов от имени генерала обзванивает людей и собирает эти же 800 рублей.

Кстати говоря, Кириллова и уволили-то из органов только в ноябре 1985-го, за полгода до ареста самого Иванова. И имущества было арестовано, не в пример Иванову, на 120 с лишним тысяч рублей, денег и ценностей — на 72 тысячи. Крутился человек.

Сейчас Иванов таких людей зовет «вельможными господами-царедворцами». Заявил в суде, что с Кирилловым и Шумилиным в одной ИТК содержаться не может.

Не пойму одного — и чего бы Константину Дмитриевичу теперь обижаться? Мол, оговор, происки правосудия, партократия. Правила игры он знал? Знал... Что творилось в области, знал? Знал. Не мог не знать и того, что в бесчеловечной системе невозможно остаться человеком.

Конечно, в истории с ним говорить о какой-либо закономерности трудно. Произошел, скорее всего, сбой, несчастный случай. И это остается только его личной бедой. А с системой все в порядке.

Одному лавры и власть до конца дней своих, другому безбедная старость на персональной пенсии, третьему, замешкавшемуся, не вписавшемуся вместе со всеми в поворот, лететь под откос. А составу, чиновно-бюрократическому составу громыхать по стрелкам дальше, до следующего поворота.

Теперь Константин Дмитриевич пишет. Пишет во все существующие в Советском Союзе государственные и общественные организации, всем народным депутатам СССР.

Константину Дмитриевичу освободиться бы. Вот и вся мораль. А методы просты — берет и попросту «закладывает» всех подряд. Как бы опомнившись, предлагает ту самую компрометирующую информацию, которую от него требовали в далеком 1986 году.

Назвать это прозрением? Раскайнием? Нет, это всего лишь способ борьбы за существование. В рамках все той же системы.

Пока все обстоит по-прежнему. Адвокат Иванова, как и положено, руководствуясь твердо установленными юридическими нормами, поясняет, что осуждение Иванова необоснованно, так как все обвинение построено на показаниях заинтересованных в исходе дела лиц — Кириллова, Шумилина, Чумаченко; что остались в стороне бывшие руководители МВД страны и бывшие работники обкома партии. Адвокату, как и положено, прокуратура РСФСР отвечает: оснований для пересмотра дела нет. И точка.

«Не направляйте мое обращение в правоохранительные органы, — предупреждает старый служака. — Они боятся персональной ответственности за допущенный произвол, подписывают сфабрикованные ответы. Там нет справедливости, человечности и милосердия...»

Валерий РУДАКОВ,
Алма-Ата

ЗЫБЬ НА ВОДЕ,

или Что мы знаем и чего не знаем

об отечественной психиатрии

Группа социологов под руководством доктора философских наук Владимира РУКАВИШНИКОВА провела уникальное (для нашей страны) исследование. Его тема — отношение общества к психиатрии.

Исследование позволило сделать ряд ошеломляющих открытий.

Если резко негативное общественное мнение по отношению к отечественным психиатрическим службам в принципе можно было прогнозировать, то фантастическая неосведомленность наших граждан о самом предмете дискуссии поразила даже выдавших виды социологов.

Убедительным большинством голосов знаменитейшим психиатром всех времен и народов по результатам опроса назван... Кашпировский.

Сначала о задачах, которые ставили перед собой исследователи.

Во-первых, выявить источники формирования общественного мнения. То есть, откуда люди черпают информацию.

Во-вторых, определить собственно объем информированности населения.

Выделить устойчивые стереотипы сознания, посмотреть, как в них отражается образ врача, психического больного, представление о психбольницах.

Наконец, поразмышлять о недостатках в организации психиатрической помощи и дать какие-то рекомендации.

Анкетный опрос проводился среди представителей так называемых фокус-групп — людей из самых разных социальных и профессиональных слоев в Москве и Череповце Вологодской области. Остановились на следующих группах: население в целом (репрезентативная выборка москвичей в возрасте от 18 лет), медработники (не связанные с психиатрией), медработники психиатрических служб, психиатрические больные, их родственники, учащиеся старших классов школ и СПТУ, студенты, в том числе медицинских вузов, — до и после прохождения ими курса психиатрии.

Самыми добросовестными респондентами оказались студенты и пациенты больницы им. Кашенко (кроме тех, кто находился в остром психотическом состоянии). Желавших заполнить анкеты в этих группах было больше, чем самих анкет. Примечательно, что врачи той же больницы восприняли опрос как досадную

трату времени, некоторые возвращали анкеты пустыми. Средний медперсонал был настроен просто воинственно. Отвечали, как на экзамене, прося у соседа подсказки.

Итак, что же показало исследование?

ИСТОЧНИКИ И ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Большинство опрошенных черпают информацию о психиатрии из прессы, радио- и телепрограмм. К этому положению мы еще вернемся. Здесь же поговорим о таком механизме формирования общественного мнения, как общение людей.

Очевидно, что беседа между знакомыми сложится, только если каждый из них хотя бы приблизительно представляет себе предмет разговора. Бессмысленно обсуждать новый фильм с человеком, который его не видел. Поэтому за «общую основу» психиатрической грамотности социологи решили принять ответ на про-

стой вопрос: «Встречались ли вы в своей жизни с душевнобольным человеком?» А вот когда большинство опрошенных ответило: «Да, встречался», — появился смысл спрашивать дальше.

Чаще всего респонденты встречали душевнобольных на улице, в общественных местах (транспорт, магазины, кинотеатры) и на работе. На чем же они основывали свою «диагностику»? Судить об этом весьма сложно, но несколько «открытых» вопросов (без ответов-подсказок) показывают, что люди доверяли скорее интуиции, чем каким-то достоверным знаниям.

Среди наименований психических болезней чаще всего упоминались шизофрения, эпилепсия и неврозы.

В список известных психиатров вошли Кашпировский, Чумак (лидирующий с огромным отрывом), Бехтерев, Фрейд, Снежинский и далее по названиям больниц — Кащенко, Ганнушкин, Сербский.

Об эрудированности молодежи говорят следующие цифры. Восемь из десяти назвали только Кашпировского. Половина опрошенных не знает ни одного наименования психической болезни.

На вопрос: «Можно ли сегодня в нашей стране поместить человека в психиатрическую больницу без его согласия?» — большинство опрошенных ответило утвердительно. Показательно, что так считают практически все врачи-психиатры (97 процентов) и многие родственники душевнобольных (83 процента).

63 процента взрослого населения Москвы ничего не слышали о последнем (1988 г.), широко обсуждавшемся в печати Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об условиях и порядке оказания психиатрической помощи».

Об историческом Указе ни сном ни духом не ведают 6 процентов психиатров и 14 процентов медсестер психиатрических учреждений.

Это наводит на грустные размышления. Если даже специалисты, от которых зависят человеческие судьбы, не знают и не хотят знать своих прав и обязанностей, к какому правовому государству мы придем?

СТЕРЕОТИПЫ

Психический больной. Более четверти опрошенных москвичей (29 процентов) полагают, что психически больные всегда или, по крайней мере, в большинстве случаев опасны для других людей. В общественном мнении преобладает также установка о социальной неполноценности этих больных.

Большинство респондентов (вне зависимости от возраста, образования, рода занятий и т. д.) считают, что бывшие пациенты психиатрических клиник не могут, не должны или не имеют права: работать с детьми, избираться в Советы народных депутатов, занимать руководящие должности, служить в армии, получать водительские права. Несколько более терпимо оценивается для таких людей возможность поступить в вуз или поехать по путевке за границу.

Отсюда видно опять же, что наши граждане слишком мало знают о правовых ограничениях дееспособности больных, стремятся как можно надежнее оградить от них наиболее важные жизненные сферы и совершенно не верят, что больной может полностью или частично выздороветь.

Очень характерны ответы на вопрос: «Что вы посоветуете другу, узнав, что его сын (дочь) встречается с человеком, лечившимся у психиатра?» Большинство голосов предполагается «угovorить сына (дочь) порвать

отношения с этим человеком». Так сделают 40 процентов москвичей, 61 процент медсестер и 53 процента врачей, работающих в психиатрии.

Совет «попытаться «выйти» на психиатра-частника и проконсультироваться с ним» дали бы своему другу два психиатра, из десяти каждая третья медсестра или родственник душевнобольного, два москвича из десяти.

«Отнестись спокойно, не вмешиваться» посоветовали лишь единицы.

Интересно, что наиболее категорично против подобных отношений настроены люди среднего и пожилого возраста — как раз те, чьи дети вполне могут оказаться в подобной ситуации.

Стало понятно, что в обыденном сознании людей сложился довольно противоречивый образ психического больного. Это человек социально ущербный, неполноценный, не имеющий права на деятельность в важнейших жизненных сферах, как правило, неизлечимый, агрессивный и потому опасный для окружающих. С ним нужно избегать брачных связей и иных контактов. Наряду с этим — человек, нуждающийся в доброте, сострадании и милосердии со стороны здоровых.

Иными словами, мы хотим и готовы быть гуманными по отношению к психическим, если это не касается нас лично.

Психиатрическая больница. Каждый второй москвич разделяет мнение, что психбольница — это место, где уголовники укрываются от ответственности, куда упаковывают инакомыслящих, что это скорее тюрьма, чем больница. Каждый третий называет психбольницу местом, где калечат здоровых людей.

Этот стереотип, безусловно, поддерживается слухами о том, что в психбольницы помещают здоровых людей. Многие утверждают, что такие случаи были в прошлом. Однако о том, что они знают по крайней мере один такой недавний случай, поведали: 12 процентов москвичей, 12 процентов московских и 22 — череповецких врачей непсихиатрического профиля, 16 процентов московских и 12 — череповецких медсестер, 15 — московских студентов-медиков, 32 процента школьников.

Вместе с тем 84 процента москвичей согласны также и с традиционным ее определением: как заведение, где лечат душевнобольных.

Психиатр. Примерно 40—50 процентов москвичей имеют сформировавшееся представление о враче-психиатре. Остальные могут спутать его с невропатологом, наркологом, психотерапевтом или психологом.

Подтвердилась гипотеза о том, что в общественном сознании не существует образа психиатра как психоаналитика и семейного доктора.

Удивительный парадокс: все боятся бормашины, но рано или поздно идут к стоматологу. Испытывая же во сто крат более сильные душевные муки, человек в редком случае добровольно пойдет в психдиспансер. Карательные функции психиатрии настолько прочно въелись в наше сознание, что, естественно, никому не

приходит в голову широко распахнуть двери своего дома перед психиатром.

Между тем на Западе иметь своего психиатра — вопрос престижа.

ПРЕССА

Пресса и другие средства массовой информации, по мнению социологов, сыграли решающую роль в формировании негативного общественного мнения по отношению к отечественной психиатрии.

Больше всего публикаций посвящено недостаткам и злоупотреблениям в деятельности служб психического здоровья, Указу 88-го года, использованию психиатрии в политических целях. 32 процента всех рассмотренных материалов имеют явно выраженную «антипсихиатрическую» окраску. 9 процентов (их авторы, как правило, — руководители здравоохранения) содержат встречные претензии к прессе.

Социологи убедились, что многочисленные публикации на эту тему приобрели характер кампании. Ничего дурного в этом слове они не видят и не считают, что кампания кем-то инспирирована. Сама жизнь, продвинув нас на шаг к свободе личности, заставила вспомнить о правах человека. Заговорили молчавшие ранее диссиденты, был принят Указ, советские психиатры вступили в ВПА — то есть поводов для обсуждения больше чем достаточно. За темой психиатрии в публикациях, как правило, скрывается общий анализ общественно-политической ситуации в стране. Но... «козлами отпущения» все же выступают психиатры.

НЕДОСТАТКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Многие опрошенные склоняются к мнению, что за последние, «перестроечные», годы по существу ничего не изменилось ни в больницах (68 процентов), ни в диспансерах (85 процентов). Каждый десятый больной считает, что изменения произошли в худшую сторону.

Пациентов не устраивает: 1) грубое отношение медперсонала, в основном младшего и среднего; 2) режим, в том числе запрещение пользоваться телефоном; 3) методы, качество и эффективность лечения, нехватка лекарств; 4) санитарно-гигиенические и бытовые условия — многоместные палаты, грязь, скудное питание.

Наибольшим злом, по мнению пациентов, является безразличное, порой хамское, отношение персонала к больным, унижающее их человеческое достоинство.

Персоналу мешает в работе: 1) слабая материально-техническая оснащенность; 2) нехватка кадров; 3) большой объем «писанины»; 4) крайне различный состав больных (разброс диагнозов).

Только 2 врача (из 36) и 2 медсестры (из 64) отметили невысокую квалификацию персонала.

7 из 10 опрошенных больных наиболее приемлемым считают анонимное лечение.

Как самое главное участники опроса отметили, что дела в советской психиатрии улучшатся только с изменением нравственной атмосферы во всем обществе. Многие уповают на расширение гласности, формирование с детства гуманного отношения к душевнобольным.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ

Реакция психиатров на доклад, прочитанный Владимиром Рукавишниковым во Всесоюзном научном центре психического здоровья, очень разная. От скорбного молчания перед лицом малоприятной правды до запальчивых, порой агрессивных, вопросов и реплик. Редко представляется возможным взглянуть на себя, своих коллег, свой труд как бы со стороны. Социологов, проделавших колоссальную работу, трудно обвинить в необъективности. Глупо злиться на зеркало, если не нравится отражение.

Потом директор ВНЦПЗ академик Марат Вартанян спросил: «Как же изменить общественное мнение в свою пользу?» А в подтексте слышалось: «Как заставить журналистов писать положительные материалы?» — ведь в ходе опроса врачей звучало и такое: нужно ввести ведомственную цензуру публикаций о психиатрии, дабы избежать «вреда», который они приносят.

Уважаемые академики, профессора и рядовые советские врачи! Общественное мнение пытались направлять в нужное русло с помощью прессы целых 70 лет. Что из этого вышло, все мы хорошо знаем. Действительно свободный журналист является всего лишь проводником общественного мнения, сам формируя под его воздействием. Нельзя поднять престиж чего-то извне, доброе «реноме» придет только вслед за реальными изменениями внутри.

До тех пор пока на совести хотя бы одного психиатра-преступника останется загубленное здоровье или жизнь его пациента, даже героические усилия сотен других, честных и квалифицированных, окажутся напрочь перечеркнутыми. Подумайте об этом.

Материалы социологов читала
Елена САЛИНА

Рисовал А. Бильжо

ВЫБОР

Юрий Бондарев стал шефом писателей России

Грязное же невежество Фомы Фомича, конечно, не могло служить помехою его литературной карьере. Достоевский.

«Куда исчезает пламя, оставив после себя пепел?» — воскликнул писатель Бондарев. Так записано на моем магнитофоне и на десятках других. Так процитировано в газетах, не дождавшихся официальной стенограммы. Да и не каждому дадут стенограмму:

«Куда исчезает благословенное племя, оставив после себя пепел?» Так напечатано в «Литературной России» — официальном органе СП России.

Так что же? пламя? племя?

Из контекста понять нельзя, ибо и контекст не понятен.

Куда исчезает пламя? Да никуда. Глупый вопрос, даже, я бы сказал, болезненно глупый. У здорового человека такие вопросы не возникают. Видимо, поняв это и желая сделать фразу более осмысленной, но при этом желая сохранить и звучание — чтоб не упрекнули в подделке, — стали в редакции (может быть, вместе с Бондаревым) перебирать по учебнику русского языка: вымя, стремя, пламя, семя... Почему не выбрали вымя или семя — ясно. Но — Бог его знает, почему остановились на племени? Взяли бы занамя — было бы лучше. А так — напрашивается вопрос: что за племя? Ну, вставили «благословенное» — с эпитетом, авось, проскочит. Но — и это любой школьник знает, — когда заврешься — не вывернешься. Как не подумал Ю. Бондарев? Как не заметили редакторы «Литературной России»? — но факт теперь исторический — топором не вырубись: речь нового начальника Российских писателей началась с печали о евреях. Другого благословенного племени в истории иудейско-христианско-исламского мира не числится.

Да-с, прокололись, Юрий Васильевич. А иначе и не бывает, ежели человек словечка в простоте не скажет — всё с загадками. «Когда же огонь, раздув свет, не может существовать без огня...» Как ни бейтесь, куда ни обращайтесь — это вам никто не расшифрует, даже и сочинивший сей пассаж Бондарев.

Чтобы нас не упрекали, будто мы «надергали», процитируем значительный фрагмент речи главного (с 14.12.90) писателя России.

«В годы оклократического балагана уже многие задают себе вопрос: куда исчезает благословенное племя, оставив после себя пепел? Неужели уродства революции способны затмевать вечную красоту и уродовать нас самих?»

Нет, современная литература еще не погибла, но она приблизилась или приближается к трагическому своему состоянию, то есть к дьявольской запутанности идей, стилей, героев, нравственных доктрин, к жестокому смешению снобистского вкуса и гиньольной скверны, то есть к зломыслию. Она разгрызается, растаскивается, отравливается (новый глагол «отравливать». — А.М.), заражается всеми возможными болезнями невиданного нашего взбесившихся грызунов, острыми зубами уничтожающих все живое, вносящих опустошение в нашу жизнь. История России заброшена смрадной грязью. Я знаю Русь, и Русь меня знает: потому и говорю это. Правда должна быть правдой. А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Великая Отечественная война опоганена тыловыми трусами и зелеными юнцами из программ телевидения и еще более зелеными нигилистами из неистового «Московского комсомольца», нравственность втоптана в нечистоты резвыми лапками грызунов, забравшихся в редакторские кабинеты многочисленных разноцветных изданий. Я хочу любить, любить человека, а мне не дают чело-

века, запрещают любить, отнимают у меня человека! Дайте, дайте мне человека, чтоб я мог любить его! К телу нашей страны американскими патентованными гвоздями прибита чужестранная реклама «Sale» — распродажа. Денежная купюра изымает и будет изгонять правду из искусства, попытается она изгнать и совесть, и любовь, и добропорядочность из наших домов, все станет тогда лишним: родина, леса, небо, вода — была бы только вездесуща энергия хватательного инстинкта. Дайте мне их! Дайте мне эти миллионы, чтоб я притоптал их моими ногами, дайте, чтоб я разорвал их, оплевал их, разбросал их, осквернил их, обесчестил их!..

Кто же они, предтечи растления? Кто кругом меня? Это буйволы и быки, устремившие на меня рога свои. Жизнь, что же ты такое? Живи, живи, будь обесчещен, опозорен, умален, избит, и, когда засыплют песком твою могилу, тогда только опомнятся люди, и бедные кости твои раздавят монументом! Кто они, разрыватели вкуса и морали? Кровососущие оводы, по «невежливому» выражению Льва Толстого? Творцы высокомерных и свирепых политических доносов в прессе на саму жизнь, доносов, подозрительно пахнущих каленым железом восемнадцатых (восемнадцатые годы — еще одно открытие Ю. В. Бондарева. — А.М.) и тридцатых годов, распространяющей на наше прожитое и пережитое запах гнилости и серы? Зачем же вы таинственно сплетали мне эти сети, в которые я попал, как дурак? Зачем же во мраке копали вы мне эту волчью яму, в которую теперь вы сами воткнули меня? Зачем не поразили вы меня разом еще прежде одним ударом этой дубины? Да, именно так! Не она ли, эта сила, днем надевает на себя белые демократические одежды ангельской непорочности, а ночью — огненно-траурные плащи на-

емных убийц русской культуры? Я надеюсь, что вы понимаете, про какое дело я говорю. Но умоляю вас на колени: если в сердце вашем осталась хотя искра нравственности, обуздайте стремление страстей своих! И если тлетворный яд еще не охватил всего здания, то по возможности потушите пожар! Будьте же нежнее, внимательнее, любвнее к другим, забудьте себя для других, тогда вспомнят и о вас. Живи и жить давай другим — вот мое правило! Терпи, трудись, молись и надейся — вот истины, которые бы я желал внушить разом всему человечеству!..

Мы говорим здесь о нем исключительно по той причине, что «писатели России» избрали его своим предводителем. Каждый народ имеет такого правителя, какого заслуживает. Каков поп — таков и приход. Это пословицы справедливые. Если же приход сам, добровольно избирает такого попа — тогда, рассматривая качества избранника, мы узнаем все о вкусах, взглядах и уровне мышления избирателей. Бедная литература!

Крысы, грызуны, растлители, невоз... сколько бранных слов. Через неделю после своего съезда новый штаб писателей России дал пресс-конференцию. Во вступительном спиче Бондарева (на редкость кратко) наличествовали: провокаторы, крапленые карты, нечистые, бульварные клише, оголтелый оговор, ненависть, кровь, сатанинские радения и т. д., и т. п.

Похоже, что человек этот совсем утратил способность прилично себя вести. Не отстают от него и его соратники, перемежающие в своих речах бесконечные оскорбления, угрозы, ругательства по адресу «темных сил» с объяснениями в любви к Армии и КГБ. Истерия — вот что объединяет речи многих начальствующих писателей. Это особый психологический тип.

Представьте себе человека никому не нужного, совершенно бесполезного, но необъятно самолюбивого и вдобавок не одаренного решительно ничем, чем бы мог он хоть сколько-нибудь оправдать свое болезненно раздраженное самолюбие. Предупреждаю заранее: такой писатель есть олицетворение самолюбия самого безграничного, но вместе с тем самолюбия особенного, именно: случающегося при самом полном ничтожестве, и, как обыкновенно бывает в таком случае, самолюбия оскорбленного, подавленного тяжкими прежними неудачами, загнोившегося давно-давно и с тех пор выдав-

ливающего из себя зависть и яд при каждой встрече, при каждой чужой удаче. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Может быть, спросят: откуда берется такое самолюбие? как зарождается оно, при таком полном ничтожестве, в таких жалких людях?

Как отвечать на этот вопрос? Кто знает, может быть, это безобразно вырастающее самолюбие есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве, гнетом, бедностью, грязью, оплеванного, может быть, еще в лице родителей на его же глазах? Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан: а литература способна загубить и не одного писателя, разумеется, непризнанная. Действительно он сотворил когда-то в Москве романчик, весьма похожий на те, которые стряпались там ежегодно десятками, вроде различных «Освобождений Москвы», «Атаманов Бурь». Это было, конечно, давно; но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо.

Маниакальная подозрительность организаторов съезда, можно даже сказать паранойя, отразилась и в оформлении пригласительного билета. Помимо названия мероприятия, адреса (ошибочного) и даты на пригласительном билете напечатано: «Действителен при предъявлении документа», а на обороте: «Без права передачи». Последняя фраза вовсе лишняя, поскольку билет именной и «действителен при». Но это еще ничего — в конце концов сие — исключительное право Правления: кого приглашать — кого нет. Поразило меня то, что приглашения были номерные. Таким образом, ни один пригласительный не повторялся. Так печатают деньги. Это затрудняет подделку — для каждой купюры свое клише. Но писателям-то зачем такие дорогие ухищрения? Кому и зачем надо знать, что именно у Минкина А. В. билет №0738? В какой организации, в каком комитете проходили службу писатели, придумавшие такой крутой пригласительный билет? Я бы назвал его «билет имени Берии».

Что скрывают? Ведь за все дни съезда не прозвучало никакого откровения. Ничего не изобрели российские писатели, что стоило бы прятать от американских писателей, — ни романа, ни сюжета нового. Прячут коммерцию. Здесь ее хотели, о ней мечтали, но и только. Прячут

военные секреты, научные. Таковых тут не было и в помине. Что же прячут еще? Прячут ворованное. Прячут бездарность. Прячут лживые глаза. Прячут буфет писателей от читателей. Почем НОМЕРНЫЕ билеты?

Чего же достигли писатели России за четыре дня съезда, обошедшегося не в одну сотню тысяч рублей? Хоть и не без жульничества* с избирательными бюллетенями, но избрали себе новое руководство.

Ну а еще?

Отменили участие СССР в иракском конфликте. Учредили премию имени Пушкина, ежегодную: поэту, прозаику, драматургу, критику. И постановили «эту премию считать главной литературной премией России, и в денежном выражении она не должна быть меньше Ленинской» (а в каком выражении должна?).

Ну а еще?

А еще VII съезд писателей России уволил с работы четырех человек — главных редакторов журналов «Октябрь» (А. А. Ананьев), «Нева» (Б. Н. Никольский), «Урал» (В. П. Лукьянин), «Волга» (С. Г. Боровиков).

Увольнение с работы людей, заслуживших уважение миллионов читателей, — это и есть преобразующая сила искусства.

Сцена театра Советской Армии, способная выдержать танковое сражение, выдержала и съезд писателей. Не провалилась.

От редакции

Статья Александра МИНКИНА о проблемах писателей России была уже набрана и сверстана, когда отдел проверки обнаружил, что по вине машинистки (студентки филфака МГУ, готовящей реферат по Достоевскому) в цитату из речи Ю. Бондарева затесались некоторые фразы Фомы Фомича Опискина — главного героя повести «Село Степанчиково и его обитатели». Исправить досадную оплошность было уже поздно, изъять из Бондарева Фому Фомича оказалось технически невозможно. Мы приносим искренние извинения за этот промах. Издевательства Достоевского над Фомой Опискиным никак не относятся к Ю. В. Бондареву. С другой стороны, под Фомой Фомичом, как известно, выведен Николай Васильевич Гоголь, что, в свою очередь, делает нашу ошибку менее обидной для Юрия Васильевича.

* На пресс-конференции писатель из Свердловска, предъявив документальные доказательства, уличил секретариат в неверном подсчете голосов.

«КРАСНЫЕ» И «ГОЛУБЫЕ»

«M. BUTTERFLY»

«Фора-театр»,
реж. Р. Виктюк

Среди модных ныне лозунгов «Долой...!» есть сегодня свой скромный и у деятелей культуры: «Долой чернуху!». Следом за ним уже не лозунгово, а невнятно муссируются слова «искусство» и «красота». Их адептам кажется, что все проблемы решаются написанием этих слов с прописной буквы.

Официально признанный специалист по чистому искусству Роман Виктюк представил в «Фора-театр» пьесу «M. Butterfly» американского драматурга Дэвида Г. Хуана. Пьеса эта — о коммунистах и гомосексуалистах, к тому же — детектив. Но интерес к сюжету обеспечивает вовсе не захватывающая шпионская деятельность героев, а одолевашее зрителей жгучее любопытство первоклашек: как же эти герои живут друг с другом? Ведь французский дипломат влюбляется в оперную певицу, исполняющую партию Баттерфляй, спит с ней 16 (!) лет и не подозревает, что она — это вовсе... он, товарищ Сонг Лилинг, агент китайской госбезопасности. Завеса тайны

до конца не приоткроеется, и кое-что будет списано на театральную условность и восточную изысканность. Хотя те, кто досидят до конца, некоторые «технологические» подробности узнают.

Китайские и гомосексуальные мотивы открыли безбрежный простор для пластических и живописных поисков. Но декоративная красота, на мой вкус, не превзошла красоту китайских термосов.

А вот что уж было окончательно пошло, так это последовавшие на аплодисменты клятвы в верности искусству Камерного театра, в помещении которого игралась «премьера в СССР» (так значилось в приглашении).

Впрочем, одно из родовых, незыблемых свойств пошлости высветило в спектакле совершенно не запрограммированный смысл: сходство «красных» и «голубых» — в упоительно серьезном отношении к себе, в полном отсутствии самоиронии или хотя бы легкого чувства юмора.

Мария СЕДЫХ

УМРИ ТЯЖЕЛО

«КРЕПКИЙ ОРЕШЕК»

США,
реж. Дж. Мактиернан

Эта сравнительно «свежая» картина, ставшая бестселлером в Соединенных Штатах год назад и теперь уверенно собирающая зрителей у нас, на самом деле называется «Дай хард», что в дословном переводе значит «Умри тяжело», а по смыслу — совет не сдаваться.

Герой картины и не сдается, мало того, не идет ни на какие компро-

миссы и, не собираясь умирать легко, вступает в бой с группой профессиональных террористов, захвативших под Рождество небоскреб какой-то японской компании в Лос-Анджелесе, а вместе с ним и заложников.

Блестяще сыгранная картина дает, во-первых, ясное представление о профессионализме, культуре и традициях американского жанрового кино, а во-вторых, 100 (С-Т-О) очков вперед не только родимым кооперативным сливкам, мнящим себя «массовым кино», но и американской «поточной» продукции, заполонившей видеосалоны нашей необъятной родины.

Кстати, в видеопрокате эта лента уже присутствует. Настоятельно советуем тем, кто ее видел по видео, сходить в кино и сравнить впечатления: большой экран, долбистерео, нелинейный цвет, хороший человек... Что еще нужно человеку?

Саша КИСЕЛЕВ

РОК-СИГНАЛЫ

Сигнальная серия
пластинок фирмы
«Мелодия»

Планы фирмы «Мелодия» всегда были для широкой публики непостижимой тайной. Что готовилось к выпуску, еще можно было узнать из ежеквартального бюллетеня, по которому некоторые магазины иногда принимали предварительные заказы. Но почему именно эта, а не другая запись предназначалась к выпуску, зачастую понять было невозможно.

В этом смысле «Сиг-

нальная серия пластинок» Ленинградской студии грамзаписи — неожиданный светлый луч. На пластинках новой серии — фрагменты рок-записей, поступивших в студию, и уже покупателям, слушателям своими заказами определять, что в итоге выйдет на отдельном, «авторском» диске. На первых четырех выпусках «Сигнальной серии» — фрагменты выступлений 16 групп и солистов, причем для большинства из них — это первый выход из культуры «магнитофонной» в культуру «виниловую»: «Ноль», «Клуб кавалера Глюка», «Н.О.М.», «Кризис», «Аукцион», «Крематорий», «Патриархальная выставка», «Время любить», «Паутина», «Записки мертвого человека», «Апрельский марш», Ю. Морозов, О. Кваша, Ю. Ильченко, Д. Григорьев и группа «Синдикат», А. Вишня.

Независимо от того, все ли они будут удостоены чести отдельного издания, серия, официально предназначенная для информации и своеобразного зондажа спроса, превращается в краткую звуковую энциклопедию современного рока. За это Ленинградской студии большое спасибо. И спасибо за то, что чуть ли не впервые в нашем сознании слово «Мелодия» ассоциируется со словами «уважение к слушателю».

Андрей ГАВРИЛОВ

ОБЫВАТЕЛЬ АРБЕНИН

«МАСКАРАД»

«Пятая студия МХАТ»,
реж. Р. Козак

С первых минут ясно — театр решительно боролся с пьесой. И победил. Демонический Арбенин — хладнокровный аристократ, блестящий игрок, бешеный ревнивец, трагический убийца своей жены, — этот Арбенин сброшен с пьедестала. И сбрасывали его, видимо, с удовольствием.

На князе из «Пятой студии» неуклюжий фрак, стоптанные башмаки, безобразные панталонны. Вместо гнева — раздражение, вместо светских манер — кривлянье. Не трагический демон, а пошлый обыватель, потертый и засаленный.

И это было бы полбеды. Все можно оправдать талантливой игрой. Но если высокую драму снижают до пошлости и делают это уныло и скучно, то поневоле думаешь, что современные исполнители, которые не в силах подняться до классических героев, просто-напросто стягивают их вниз.

...Только танго, неплохо исполняемое в течение «Маскарада» несколько раз, отвлекает от мыслей о длинном имени нового театра. Первые четыре студии МХАТ, возникшие в 10—20-е годы, имели законных прародителей: Станиславского и Немировича-Данченко. А сегодня? Отделяется группа Романа Козака от студии «Человек» и, назвавшись «Пятой студией МХАТ», ставит себя в этот знаменитый исторический ряд.

Помнится, столь же непосредственно вели себя незабвенные дети лейтенанта Шмидта.

Александр МИНКИН

ЧАС УЮТА И ТЕПЛА

«ВОЛШЕБНАЯ ДУДКА»

Московский театр
«Тень», реж. М. Красно-
польская и И. Эпель-
баум

Есть тени мрачные, пугающие, они мерещатся нам повсюду — за спиной выступающего лидера, за пустыми прилавками магазинов. Эта «Тень» — принципиально другая. По крайней мере на час она заставит вас и вашего ребенка забыть будничные заботы и тревоги.

«Я сплodu вам песенку, детскую, чуточку волшебную, просто от нее становится легко и весело на душе» — говорила когда-то Золушка — Я. Жеймо. Прелесть и обаяние «Волшебной дудочки» — первой премьеры театра — сродни атмосфере нестарующего фильма по сказке Е. Шварца. Спектакль играют двое — муж и жена, Илья Эпельбаум и Майя Краснопольская. Сказка рассказывается, сочиняется и рисуется на ходу. Зритель может вмешаться в события, наделить персонажей чертами и качества-

ми, какими ему заблагорассудится. Волшебная кисточка художника Ильи по вашему желанию рисует Королю огромные усы, бороду, превратит Принцессу в цветок. Право на импровизацию есть и у хозяев театра. На минуту вспыхнет маленькая семейная сцена, муж-партнер захочет повернуть сюжет по-своему, но очень скоро супруги помиряются, и сказка придет к счастливому финалу.

«Тень» — театрик домашний, уютный, берущий в плен не только искусством оживлять картонные фигурки на волшебном экране, но и почти забытым ощущением Дома, согретого добротой и пониманием. Не так мало по нашим временам.

Екатерина КЕНТЛЕР

СЛЫШУ И НЕ СТРЕЛЯЮ

«СЕАНС» — РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЕСТНИК КИНОСТУДИИ «ЛЕНФИЛЬМ» № 1, ГЛ. РЕДАКТОР Л. АРКУС

Новый журнал о кино читаю пристрасно. Еще бы, сам — кинокритик. Интересно — не интересно, согласен — не согласен. Сравниваю с другими киноизданиями. Потом спохватываюсь — зачем? Уже то, что кому-то в нашей насквозь заполитизированной действительности интересно писать о Кино как об Искусстве (именно так, с большой буквы и то и другое), — здорово. А еще собраться вместе, придумать и выпустить черно-белый, стильный по оформлению и добротный по материалам журнал — здорово вдвойне. В частности не вдаюсь. Первый номер все же. Да и призыв на обложке «Слышите, не стреляйте!» обаявает. Не стреляю. Поздравляю. Жду следующих номеров. Там видно будет. Уж такая профессия — кинокритик...

Петр СМЕРНОВ

Р. С.: видео

ведет Андрей

Гаврилов

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЧЕТВЕРКА

«МЫ НЕ АНГЕЛЫ»

США, реж. Н. Джордан

Говоря о своих киноактерах, американцы выделяют «тройку великих»: М. Брандо, Дж. Дин и Р. Де Ниро. Будет неудивительно, если скоро заговорят о «четверке» — Шон Пенн явно претендует на то, чтобы стать суперявлением американского кинематографа. Дуэт Де Ниро — Пенн безупречен, единственное, что им можно поставить в вину, — это то, что играют они намного лучше всех остальных. Сам фильм — прекрасная, добрая, немного грустная комедия о двух мелких уголовниках, случайно сбежавших из тюрьмы и волею судьбы вынужденных выдавать себя за священников.

ОРЕЛ И КОРШУН

«ЧЕРНЫЙ ОРЕЛ»

США, реж. Э. Карсон

Э. Карсон известен у нас прежде всего как режиссер «Восьмигранника» — боевика с Чаком Норрисом. В «Черном орле» он свел двух выдающихся мастеров рукопашного боя: Шо Косуги, играющего американского спец-агента, и Жан-Клода Ван Дамма в роли советского спец-агента. Их драки, с блеском поставленные Шо Косуги, — пожалуй, единственное, что не дает уснуть в этом скучнейшем боевике. Когда Джеймс Бонд ищет какую-нибудь очередную пропавшую лазерную установку, у него это получается значительно веселее.

Юрий БОГОМОЛОВ

А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Мотив, по которому нынче парламентские дебаты показываются в записи, вполне благовидный — для удобства телезрителя.

А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Только первый Съезд народных депутатов от начала и до конца находился в прямом эфире. Все остальные форумы показываются по одной схеме: «живьем» транслируются открытие и закрытие съездов, кроме того — основополагающие доклады, а прочее — прения, реплики, дебаты — косвенно, то есть в записи.

В связи с этим полезно вспомнить, как нас провели на мякине.

Сначала нам сказали, что прямые трансляции подрывают народное хозяйство: никого, мол, за уши не оттащишь от телевизора в рабочее время.

Потом нам объяснили, что сама по себе трансляция стоит немалых денег.

Потом, а может быть, и раньше, стали раздаваться голоса, что постоянное присутствие телекамер в зале порождает у иных депутатов соблазн саморекламы и нарциссирования.

Словом, внешне выглядело так, что в принципе никто не против живого эфира и только объективные обстоятельства вынуждают отказываться от него в пользу эфира консервированного.

Нам не привыкать: когда нет свежих продуктов, мы и консервам рады. Хотя все резоны против прямого эфира при ближайшем рассмотрении выеденного яйца не стоят.

Например, тот, ввиду которого парламентские дебаты отвлекают

трудовое население от станков и комбайнов... Если это так, то отчето в дневное рабочее время показывались Олимпийские игры и матчи футбольного чемпионата мира, оплывавшиеся, кстати, не в рублях, а в валюте, и почему в свою очередь съездовские ристалища не показывались в нерабочие дневные часы, по субботам, например?

Далее, насчет дороговизны прямой трансляции. Разумеется, за все приходится платить, и в том числе и за живой эфир, но «неживой» стоит много дороже.

Что касается заботы об «удобном для телезрителя времени», то трудно избежать вопроса: чем телебдения с вечера до утра предпочтительнее вахты у телевизора с утра до вечера?

Наконец, сугубо нравственный аспект сей проблемы — насчет саморекламы. По-моему, он следствие вульгарной ревности тех, кто утрачивает монополию на власть и не имеет на нее шансов в условиях более или менее свободной политической конкуренции, к новой волне политических деятелей.

Но предположим, что все доводы против прямого телевидения не надуманны. Отчего же тогда не дозволить сиюминутного присутствия на съезде радиослушателям?

Неудивительно то, что на этот, последний, вопрос до сих пор не было дано ответа. Удивительно то, что он до сих пор не был задан. Между тем он-то как раз и проясняет сокровенную суть, казалось бы, чисто механической проблемы относительно живого вещания.

Контроль над прямым эфиром означает контроль над нашим историческим настоящим — очень деликатной и трудноуловимой материей.

Наше историческое прошлое — материя уже не столь эфемерная: ее можно запереть в архиве, можно покрыть лаком. Что-то достаточно подтереть, что-то необходимо переписать... На худой конец, ее можно уничтожить.

И на историческое будущее можно найти управу — для этого были заведены мифы и легенды коммунистического завтра.

Тоталитарный режим потому и тоталитарный, что он тщится оккупировать вечность.

Самое ненадежное в этой империи как раз настоящее. Это абсолютно минное поле: все время приходится быть на чеку. Даже тогда, когда это настоящее, подобно торжественному собранию, заорганизовано. Но исполнители — они ведь живые люди. Брежневу в последние годы очень трудно давались даже не очень трудные слова. Потому и ритуальные мероприятия с его участием приходилось сдвигать во времени, то есть давать в записи. И только редакторы и видеоинженеры знают, какая то была китайская работа — донести до телезрителя «несъедобную кашу» во рту генсека.

А что говорить о таких событиях, как космические старты, которые тоже приходилось консервировать и воспроизводить для телезрителя в удобное для него время, жертвуя при этом громадным пропагандистским эффектом, характерным как раз для прямого вещания.

Словом, приходилось взамен реального настоящего времени создавать посредством видеотехники искусственное настоящее время.

По ходу демократизации Система сделала значительные уступки, позволила заглянуть в архивы Прошлого, взять под сомнение идеалы Будущего.

Многое разрешено теперь и в наглядном Настоящем — в прямом эфире.

Например, политические капутники «КВН».

Стало быть, Система сегодня может позволить самые язвительные и злые насмешки над собой в прямом эфире, но не считает возможным предстать перед судом человеческим в момент своей интеллектуальной, нравственной и правовой легитимации.

Не исключено, что это всего лишь инстинктивный жест власти имущих — опустить занавес в самый кульминационный момент исторической драмы. Своеобразный защитный рефлекс Власти, знающей, чье мясо ей предстоит съесть.

Но самое главное — при прямом включении переживание исторического Настоящего, именно как настоящего, становится общедоступным.

Какое событие для истории является более значимым: момент космического старта Гагарина или торжественная встреча его на аэродроме? Конечно, первое, но в памяти целого поколения сидит второе.

Потому что оно состоялось в прямом эфире.

В этом гуманитарный смысл чисто технического акта. Включается не зал или площадь, но дома и квартиры.

В основании интереса к прямому эфиру — не просто потребность в полной и оперативной информации, а в историческом настоящем как таковом, которое в продолжении многих лет было отчуждено и узурпировано, которое было подменено синтетическими заменителями и суррогатами.

Прямое вещание как раз и означает перераспределение исторического настоящего, с чем и не могут примириться те, кто сохраняет над

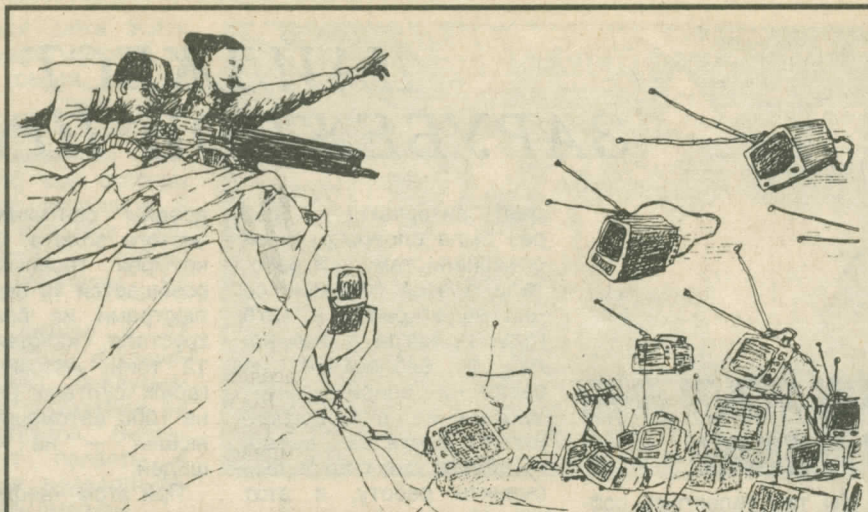

Рис. В. Сысоева

ними административный контроль.

Они больше не позволяют себе той промашки, какую допустили на первом Съезде народных депутатов, — разгосударствления и приватизации Вечности.

Из политической жизни прямому эфиру снова отдается только церемониальное и запрограммированное (открытие, закрытие и доклады).

Печальнее всего, что эту практику подхватили и новые институты власти. Работают специальные комиссии при демократически избранных Советах, на свой вкус и по

своему усмотрению (пока благородному и либеральному) останавливают и монтируют исторические мгновения.

Происходит переподчинение эфира. Власть над ним переходит от скомпрометировавших себя структур власти к структурам, с которыми связаны определенные надежды. Но и это негодный путь при всех временных тактических выгодах.

В нормальном правовом государстве телевидение, как и церковь, должно быть отделено от государства.

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

«ЧТО Ж УДИВЛЯТЬСЯ?»

«Что ж удивляться, если с приходом к власти в Прибалтике, Москве, Ленинграде, Свердловске так называемых «демократических сил» простому человеку стало не лучше, а хуже...»

(Из беседы с народным депутатом СССР В. Алкснисом. «Советская Россия», 21 ноября 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

НАДО НЕ УДИВЛЯТЬСЯ, А БОЯТЬСЯ

Во всех регионах страны — от южных гор до северных морей — жизнь с каждым днем все хуже. Но есть несколько точек на карте необъятной родины, где простому человеку становится хуже и хуже. Перечислим их. Это

Прибалтика, Москва, Ленинград и Свердловск. Что ж удивляться: это обычные происки демократических сил. Люди! Будьте бдительны! Не допускайте победы демократии в своих регионах!

«ПОПРОБУЙТЕ НАПРЯЧЬ ВООБРАЖЕНИЕ И ПРЕДСТАВИТЬ...»

«...Попробуйте напрячь воображение и представить себе один миллион человек, одновременно вышедших на улицы Москвы. Представили?... И это может произойти по первому сигналу, поскольку почти миллионом исчисляется организация, связанная четкой уставной дисциплиной.

А теперь, положи руку на сердце, задумаемся вот о чем: кто из новоявленных «либералов» удержался бы

от соблазна дать сигнал, обладая подобной могучей силой? Можно сказать, спят и во сне видят... А как ведет себя КПСС? Ведет трудный, мучительный процесс осмысления своих функций, структур, очищается от скверны, избавляется от ошибок... Так кто же, спрашивается, настоящий демократ, социалист, гуманист?..»

(«Правда», 3 декабря 1990 г.)

ОТ РЕДАКЦИИ «СТОЛИЦЫ»

«ПРЕДСТАВИЛИ?..»

Настоящий гуманист — это, конечно, КПСС. КПСС — это вам не «либералы», это партия ведущая. Мало того, что она «ведет себя», она еще и «ведет трудный, мучительный процесс». Пока, правда, не осмыслила свои функции. Но обязательно осмыслит. А с осмысленными функциями, обладая могучей силой, да с четкой уставной дисциплиной можно и на московские улицы выходить. Вот только с сигналом не очень ясно. Каким будет этот самый сигнал? «Попробуйте напрячь воображение и представить... Представили?..»

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

ЖЕНА ПРЕМЬЕРА ПОЙДЕТ В ПОЧТАЛЬОНЫ?

Мы так увлеклись собственным экономическим кризисом, что мало интересуемся чужими. А кризисы — вещь, знакомая всем. Правда, справляются с ними по-разному. Итальянская газета «Джорно» рассказала недавно, что экономический кризис, который заставил шведское правительство принять суровые меры и наметить непопулярную программу строгой экономии, не обошел стороной никого. Среди самых видных жертв сокращения субсидий на социальные нужды оказалась жена премьер-министра Ингвара Карлссона, которая одной из первых в Швеции получила уведомление об увольнении с работы.

Из-за нехватки средств гимназия, в которой работала библиотекарем Ингрид Карлссон (ей 56 лет, и у нее двое детей), сообщила 50 своим служащим, что многие учебные курсы закрываются, поэтому у них не будет возможности продолжать здесь службу.

Жена премьер-министра, узнав об увольнении, заявила: «Это не явилось для меня новостью. Нам уже давно известно, что гимназия может быть закрыта, хотя каждый из нас в душе надеялся, что все обойдется».

Ингрид Карлссон, которая обычно неохотно

дает интервью, на сей раз была словоохотливой с журналистами: «Я работала в этой гимназии со дня ее открытия в 1978 году, и, когда я начала, в библиотеке не было ни одной книги». Увольнение она воспринимает почти как вызов. «Я давно уже собиралась сменить работу, и этот случай предоставляет мне возможность попытаться сделать это. Я не разделяю того мнения, что человек только потому, что ему 56 лет и он потерял работу, должен теперь считать, что жизнь кончена. Я всегда могу обратиться с запросом о найме на работу в качестве водителя городского автобуса или почтальона».

В СССР сейчас часто обращаются к шведскому опыту в разных сферах жизни. Но в данном случае вряд ли стоит учиться у скандинавов опыту урезания социальных программ. Мы также далеки от призывов к женам наших государственных лидеров следовать примеру Ингрид Карлссон. Им и так забот хватает.

СУЛТАН И ЕГО НАРОД

По данным за 1990 год, пишет журнал «Форчун» (США), самым богатым человеком в мире является 44-летний султан Брунея Хассанал Болкиах, чье состояние оценивается в 25 млрд. долларов. Главный источник его доходов — нефть, а главный девиз — «Если у вас есть деньги, то почему бы их не тратить?». И тратит. Так, на строительство дворца султана, состоящего из 1788 комнат, ушло полмиллиарда. 300 ванн комнат отделаны мрамором и обору-

дованы сантехникой из чистого золота. Один из четырех тронных залов освещается 12 огромными люстрами из богемского хрусталя, каждая весом 12 тонн. Автомобильный гараж султана рассчитан на 1000 автомашин, а конюшня — на 400 лошадей.

При этом «нефтедолларами» широко пользуется и население страны: здесь не взимаются какие бы то ни было налоги, здравоохранение и

жилье бесплатны, каждой семье бесплатно предоставляется автомобиль (а то и два).

Бруней — государство небольшое, зато у султана есть ранчо в Австралии, по территории в два раза превышающее площадь его собственной

Известный актер Филипп Нуаре прощается с годом лошади.

страны. На ранчо выращивается скот для обеспечения потребности подданных султаната в мясе, хотя сам султан — вегетарианец.

ШЕФ-ПОВАР НЕ ВИНОВАТ

Если обед в столовой или ужин в ресторане не доставил вам никаких приятных ощущений, если блюда были невкусными, не спешите устраивать скандал и требовать к ответу шеф-повара. Скорее всего, он не виноват.

Ибо, читаем в итальянской газете «Доменика дель коррьере», шеф-повара плохо отличают на вкус сладкое и горькое. Более того, у них скверное обоняние. Это выяснилось в результате любопытного исследования, проведенного психиатром и неврологом из Чикаго доктором Аланом Гиршем, который «изучил» десять самых известных шеф-поваров своего города. Так вот, семь из них лишены вкусовых ощущений, у троих недостаточно развито чувство обоняния.

«В конце концов и Бетховен был глухим», — заметил ученый. В ответ на это, пишет газета, можно было бы привести нелепные высказывания посетителей по поводу пищи в чикагских ресторанах.

ДО ОБРУЧЕНЬЯ ТЫ НЕ ЦЕЛУЙ ЕЕ

В США создается Национальная ассоциация верности, деятельность которой базируется на 19 постулатах, рассказывает журнал «Космополитэн» (Италия). Их основой является положение не только об обязательной верности мужу, но и об обязательном периоде знакомств будущих супругов в течение двух лет. Во время этого срока не

разрешается даже брать свою будущую супругу за руку, не говоря уже об интимных отношениях. Члены Национальной ассоциации верности убеждены, что все отношения между мужчиной и женщиной, в основе которых лежит только страсть, обречены на провал.

Кстати, сейчас в 27 штатах Америки сохраняются законы, предусматривающие наказание за измену супругов. Виновые могут попасть в тюрьму или подвергнуться крупному штрафу.

И ТУТ — «ИЩЕ ЖЕНЩИНУ?»

По последним данным, сообщает французский еженедельник «Эль», Старый завет якобы был написан не пророками, а... женщиной. Автора, выдвинувшего столь смелую гипотезу, зовут Гарольд Блюм. Он ученый из Йельского университета, занимается вопросами религии. Его теория основывается на том, что в Старом завете «героинями» являются женщины, начиная с Евы, которой Библия уделяет в шесть раз больше внимания, чем бедному Адаму. По утверждению Блюма, автора Старого завета будто бы звали Яхвист. Эта женщина, как он говорит, жила три тысячи лет назад при дворе царя Соломона. Портрет-робот Яхвист, составленный Гарольдом Блюмом, таков: 40 лет, образованная и... принадлежащая к кругу привилегированных лиц. Самая первая феминистка?

ПРАВИТСЯ ЛИ ВАМ РАГУ ИЗ ЛИЧНОК

Эта статья, появившаяся в немецкой газете «БЦ ам Абенд», возмож-

Не только политика выводит на улицы демонстрантов.

но, представляет для советских читателей интерес больший, чем для кого-то еще. Ибо речь в ней идет о продуктах питания, которые у нас пока в изобилии, — например, о мухах, гусеницах или муравьях. И о блюдах типа «фрикассе из мух», «рубленные гусеницы», «рагу из нежных личинок».

Дело в том, что насекомые являются неисчерпаемым источником белка и представляют собой реальный выход из грозящего человечеству голодного кризиса, пишет газета, ссылаясь на француза Бруно Гомби, выпустившего в Париже книгу «Лакомые насекомые — протеин будущего».

Автор внедряет в сознание читателей свое кредо об использовании съедобных насекомых в пищу. Насекомые богаты лицидами, белками и другими полезными веществами и высококалорийны. Например, один термит содержит двойную дозу протеина по сравнению с антрекотом высшего качества. Прибыль же от разведения неприхотливых насекомых в три раза выше, чем от разведе-

дения крупного рогатого скота или свиней.

Насекомые, утверждает Гомби, составляют 4/5 всей фауны на земле. Один энтомолог университета штата Висконсин (США) насчитал свыше 500 съедобных видов, которые принадлежат к более чем 260 родам насекомых.

Что касается проблемы для европейцев — употребления в пищу насекомых, то Гомби считает ее легко разрешимой и приводит в качестве примера страны третьего мира. В Анголе считаются изысканным лакомством термиты и определенные виды десятисантиметровых куколок бабочек. В Китае едят саранчу, которая упоминалась как деликатес еще в античных источниках. Оптимист Гомби уверен, что стоит начать употреблять насекомых в пищу — и постепенно привыкнешь.

Кто знает, может быть, скоро и нам доведется прибегнуть к «фрикассе из мух». Впрочем, многие ли из нас пробовали вообще какое-нибудь фри-

ИОНЫЧ УМЕР. РОДИЛСЯ ХУДОЖНИК

Друзья ничего не понимали: «Лера, ты что, старик, сбрендил? Богатая практика, дом, дача, оклад. И все коту под хвост?!»

А он вдруг осознал: «Первый тайм уже отыгран. И с разгромным счетом. Если продолжать в том же духе, дальше будет только «Ионыч» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но ведь в запасе есть еще 20 лет. Активных. И информации на всю оставшуюся жизнь...»

Ланский долго тогда сидел у костра. Глядел на пламя и на диссертацию.

Пламя танцевало перед ним, трещало, точно Кармен, кастаньетами. Вздвигалось, манило, а потом стихло, устало, жизнь его угасала. Ланский испугался: он оказывался человеком несостоятельным, неспособным на поступок.

И тогда он положил докторскую в костер, в самую его сердцевину: «На. Очень интересная тема. Читай... «Фармакологическое воздействие на мозговое кровообращение». И гори! Гори синим пламенем!»

...Местом жительства его стала коммуналка, обшарпанная, неухоженная, пропахшая щами, кошками, сварами и ненавистью к людям, что шагают не в ногу.

Ему достался кусок чьего-то бывшего «благополучия» размером 2×4 м. Стул-стол. Кресло-кровать. И «шкаф» — три здоровенных гвоздя.

В сторожа его взяли «по благу». Зарплата — 70 рэ.

Без сторожевой деятельности ему было никак нельзя: художники, с точки зрения властей, были попросту тунеядцами. К тому же жил он в «стратегическом» районе, рядом с Лубянской, и доносчикам даже не было необходимости пользоваться почтой. Мелкой рысью, осознавая это как вклад в дело укрепления государства, добежали бы «куда надо». И тогда, пожалуй, господин хороший, в курортную зону, за сотый километр, на перевоспитание.

Так и жил. Хлеб, чай, каша, история, философия, резец, кисть. Он был впервые по-настоящему счастлив. Не надо было ходить на мертвые собрания, писать idiotские сообразительствования, сплываться теснее вокруг родной и любимой, ширить ряды, клеймить позором...

«Вспоминаю прошлое — и хоть в ожоговый центр беги. От стыда все тело в кипяточных волдырях. ...Вереница серых, измученных лиц на приеме, и мой традиционный вопрос: «На что жалуетесь?». Люто ненавидел я себя в эти мгновения. Ко мне в кабинет шел «соцреализм»: «Голова болит»; «поясница»; «руки отымаются»; «ноги отказываются ходить». А за этим — без слов: «Муж бормотуху хлещет, буйствует, а я в ночи под окном стыну, пока не отрубится»; «бри-

гадир, сволоочь, опять выводиловку сделал. Я с мастерком на «козлах» корячусь, сменщица в президиумах языком треплет, а зарплата обeim — одинаковая»; «бессонница замучила. Ты, говорит, тогда заснешь, когда что-нибудь хорошее вспомнишь, а вспомнить-то и нечего, как ни тужься. Вши, голод, холод, окопы и страх ржавым гвоздем через все тело».

На вопрос, почему он пишет политический лубок, Ланский ответил так: «Да не хочу я его рисовать, не люблю, терпеть не могу. Но выйдешь на улицу, в эту серую липучую стынь — будто в люк с нечистотами провалишься по шею. Или включишь телевизор, а они, герои мои, грудью лезут на телекамеру, чтобы быть опознанными родными избирателями. «Народ не поймет», «народ осудит», «от имени и по поручению», «товарищ Президент — даю Вам срок». Таксисты — философы, металлурги — советники, милиционеры — искусствоведы, воры — прокуроры. Театр абсурда. В ярости берешься за кисть. Для меня это — форма зашиты».

И вот он, политический лубок.

«Тройка». За столом, накрытым красной скатертью, — трое. Посередине — председательствующий. На лице — «Броня крепка, и танки наши быстры». Знает все наперед. Самый кристально-честный, самый что ни на есть непогрешимый от Москвы до самых до окраин. По бокам — двое «пристажных» в кожанках, «с Лениным в башке и с наганом в руке». На заднике, нимбом, почетный президиум — все выдающиеся деятели партии. И крупно — спина жертвы. Видно, очередной резидент всяческих разведок. Босоногий, со сцепленными руками. Кисти натруженные, венозные, огромные. Разогнуться они уже не смогут, но могут сложиться черпаком, как для подаяния, или сжаться в кулак — для удара.

А вот еще одна «тройка» (полотно называется «Трапеза»).

Трое вождей оседлали Россию и с аппетитом жрут ее. Кажется, ей, такой могучей, стоит лишь плечом шевельнуть, чтобы скинуть их. А она лишь откреститься пытается от нечисти. Надолго ли хватит ее короткого терпения?

«Будни перестройки». Демонстрация на Красной площади, больше похожая на нескончаемую очередь угрюмых, голодных людей. Когда-то это обманутое, обворованное поколение задорно выводило хором: «Мы будем петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда». Но вот «детство» кончилось. И что осталось? «Сегодня мы не на параде — мы к коммунизму на пути»?..

Или вот. Рижский рынок.

...Тощий мужичишка тащит, как бревно, свою голую подругу. «Раздели» ее купленные здесь сапоги, которые торчат огромными подошвами на первом плане.

...Мусорные бачки. И претенденты на их содержание — дворничиха с метлой и приبلудившаяся старушонка с авоськой. Не могут поделить пустую бутылку. Арбитр — удачливый кот с рыбьим хвостом во рту.

В трагедийности нашей повседневной жизни Ланский ищет смешное, чтобы стало хоть чуточку легче.

Ведь если мы еще можем смеяться, значит, страна наша еще жива, значит, не вышибли из нее дух кремлевские экспериментаторы.

21-3-198

ИИДЕКС 73746